

5

2016

РОССИЯ XXI

5.2016 сентябрь-октябрь

Геоглобалистика

Виктор Мальков

Атомное оружие — детонатор холодной войны.
Две проекции _____ **6**

Игорь Максимычев

Накануне падения Берлинской стены
(страницы из дневника 1989—1992 г.)
(окончание) _____ **38**

Грани катастрофы

Александр Асташов

Воинские преступления как фактор
криминализации России в Первой мировой
войне _____ **62**

Ярлыки и мифы

Михаил Ковалев

Зигзаги судьбы: профессор А.В.Флоровский
и его советские коллеги (продолжение) ____ **84**

Страницы истории

Владимир Дегоев

Дипломатия Петра I
на заключительном этапе
русско-турецкой войны 1686–
1700 годов. Часть V _____ **110**

Жорес Медведев

Перестройка до основания
(продолжение) _____ **142**

Актуальный архив

Елена Мяжкова

«Бесы», «игроки» и «мечтатели»,
или как человек становится
революционером. Часть V _____ **168**

РОССИЯ ХХІ

Contents in English look at the page 196

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН, преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность – на русском и английском, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи (на русском и английском языках).

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами) (на русском и английском языках).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова (на русском и английском языках).

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Война всегда была прямым средством для внешнего и косвенным средством для внутреннего объединения человечества. Разум запрещает бросать это оружие, пока оно нужно, но совесть обязывает стараться, чтобы оно перестало быть нужным.

В.С.Соловьев

**Безумие единиц — исключение,
а безумие целых групп, партий,
народов, времен — правило.**

Фридрих Ницше

Виктор Мальков

АТОМНОЕ ОРУЖИЕ – ДЕТОНАТОР ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

ДВЕ ПРОЕКЦИИ¹

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК 94(47)“1938/1957”; 623.454(47)

Началась ли холодная война между двумя сверхдержавами и их союзниками преимущественно как реакция на заключительные операции Второй мировой войны, когда Советский Союз якобы совершил массированное вторжение в большинство стран Западной Европы, или ее рождение обнаруживалось еще до появления атомного оружия, столь мощно продемонстрированного в Хиросиме и Нагасаки? Автор раскрывает свое понимание связи между наукой (и в первую очередь ядерной физикой), войной и политикой, что проявилось уже в первые годы Второй мировой войны. Основываясь на недавно еще закрытых и неизвестных материалах бывшего СССР и США, очерк показывает, что холодная война между двумя сверхдержавами началась задолго до атомной бомбардировки Японии как результат глубокого конфликта менталитетов и убеждения Америки в возможности создания безопасного мира в том случае, если после победы во Второй мировой войне ни одна страна за исключением США не будет иметь атомного оружия.

Whether the Cold War between two superpowers and their respective allies was begun more or less as a replay of the closing campaigns of the World War II because of a massive Soviet invasion in the most of Western Europe or its birth we could see even before the advent of atomic weapons so powerfully demonstrated over Hiroshima and Nagasaki? The author demonstrates his understanding of the links between science (particularly nuclear physics), war and politics displayed at the very beginning of the Second World War. Based on recently unknown files in the former Soviet Union and the United States the fascinating history discloses how and why the Cold War between two superpowers gave many signs to be born during their hostilities against the common enemy as a result of a deep conflict of mentalities and the U.S. belief in a secure world if no nation after the WWII (except the USA) possessed nuclear weapons.

Ключевые слова: атомная бомба; ядерная физика; холодная война; советский атомный проект; «Манхэттенский проект»; СССР; США; Лос-Аламос; Лаборатория №2; И.В.Курчатов; Р.Оппенгеймер.

Key words: atomic bomb; nuclear physics; Cold War; Soviet atomic project; “Manhattan project”; the SSR; the USA; Los Alamos; Laboratory № 2; I.V.Kurchatov; R.Oppenheimer.

E-mail: vic.malkov@mail.ru

¹ *Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02677), полученного ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».*

АТОМНОЕ ОРУЖИЕ – ДЕТОНАТОР ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Атомное оружие, породив глобальные проблемы, в том числе и моральные, во многом предопределяет сейчас стратегию мировой политики. По этой причине исследователи вновь и вновь будут обращаться к начальным драматическим страницам атомной эпопеи, стараясь «докопаться» до их подлинного содержания.

Ю.Б.Харитон. Из книги «Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно?»

Просто хорошая физика

В спорах о том, как возник термин «холодная война», первенство следует отдать английскому историку Одду Арне Вестаду, который оказался удачливее других, вспомнив о том, что его соотечественник, известнейший публицист и сатирик Джордж Оруэлл первым использовал этот термин в своем эссе 1945 года. Наверное, найдутся несогласные с этим утверждением, отдав предпочтение знаменитому американскому журналисту и внешнеполитическому обозревателю Уолтеру Липпману. Опубликованная им в 1947 г. книга о новой мировой конфронтации запомнилась всем своим пугающим названием «Холодная война. Исследование американской внешней политики»². Липпман слыл сторонником компромисса. Но Оруэлл оказался тем провидцем, кто предсказал возникновение из-за бомбы, разрушившей Хиросиму и Нагасаки, тупиковой ситуации в отношениях между двумя ведущими державами послевоенного мира. Расстройство отношений между ними носило, по его мнению, не временный, а постоянный характер, оно подорвало корневую систему, с тяжким трудом выстроенную Великим Альянсом. Ударная волна от поражающих все живое взрывов 6 и 9 августа 1945 г. над японскими городами смела контуры мирового порядка, которые были обозначены в Тегеране, Думбартон-Оксе, Ялте и Потсдаме. Возник вопреки согласованному плану незнакомый новый мир. Но в справедливости слов английского писателя-сатирика о том, что разрушение коалиции антинаци-

² Предметом критического разбора У.Липпманом стала знаменитая статья дипломата и историка Джорджа Кеннана «М-р Х», опубликованная летом 1947 г. в журнале "Foreign Affairs" и изображавшая Советский Союз источником всех неприятностей. В ходе полемики с Липпманом Кеннан признал «ошибочность» некоторых своих выводов и выразил желание не ассоциироваться с проповедниками «холодной войны» [32, р.246–248].

стских сил носило спонтанный характер, спровоцированный налетом бомбардировщиков США с атомными бомбами на борту на японские города, следует усомниться.

Переход к ядерной эре с ее, как писал Г.Киссинджер в 1963 г., «ужасной дилеммой» (цит. по: [33, р.138]) для политических лидеров был не внезапным скачком в неизвестное. Силы, подготовившие его, осуществляли свою работу долгое время, скрытно и без огласки. Многие подробности этого хорошо известны, а ведущий американский журнал *Foreign Affairs*, говоря о предельном накале напряженности между США и Советским Союзом во второй половине 40-х годов XX в., даже попросил читателя помнить, что явление, заслужившее название «холодной войны, не было совершенно новым и неожиданным» (см.: [34, р.139]). Очень многие его предпосылки наблюдались даже на пике союзнических отношений в 1943–1945 гг. Ментальность холодной войны, как подметил очень верно М.Я.Гефтер, возникла раньше, чем она сама [11, с.162]. Помимо унаследованных из прошлого идеологических и политических разногласий к ним с 1939 г. прибавилась коллизия вокруг атомных секретов. Вместе с засекречиванием работ в области ядерной физики, как говорил П.Л.Капица в 1946 г., был нанесен удар по принципу интернационализма в науке и закреплён принцип недоступности лишенных доверия стран-изгоев, к достижениям научно-технического прогресса, к созданию ядерного щита [19, с.175–177].

«Развитие событий, – заметил как-то А.Тойнби, – зависит от первого воздействия». Его современник и почитатель Нильс Бор сумел убедиться в справедливости этих слов историка цивилизаций. Наблюдая зарождение атомного проекта США в кооперации с Англией (и частично участвуя в нем), великий физик прозорливо предвидел разрушительное для антигитлеровской коалиции воздействие проекта “Tube Alloys” (сплавы для труб) из-за его предельно засекреченного состояния даже после оформления союзнических отношений с СССР. Вы не можете рассчитывать на взаимность, как бы говорил он, держа камень за пазухой и готовясь запустить его в партнера. Доверие должно было неминуемо пострадать от такого предельно недружественного и безрассудного шага. Ратуя в годы войны перед Рузвельтом и Черчиллем за открытость между союзниками в делах, касающихся «оружия беспримерной мощи», Бор предупреждал о тяжких последствиях «затворничества» в такой необычайно чувствительной сфере как национальная безопасность.

С самого близкого расстояния (можно сказать изнутри) видел печальные плоды избирательной дискриминации в научной среде, представлявшей интересы союзных стран, другой великий физик-ядерщик Энрико Ферми, эмигрировавший из Италии. В присутствии агентов секретной службы он предпочитал говорить на языке Данте. Он, одаривший «Манхэттенский проект» десятками прорывных идей, лучше других знал о вирусе недоверия, который изначально поселился в среде тех, кто был вовлечен в «урановый» бизнес. Невзирая на договоренности между союзниками именно в этой сфере захлопнулись все легальные доступы к информации о внутриядерной энергии, расцвел культ секретности, принимавший порой неожиданные и даже курьезные формы³. Между тем не перекрытыми оставались каналы, созданные десятками лет личного общения ученых разных стран и разных специальностей в университетских аудиториях и лабораториях. Возвращаясь ко времени дружеских общений на конференциях, семинарах (вроде курчатовского семинара в довоенном Ленинграде), в домашних условиях, Ферми писал в 1955 г.: «...Вопреки, возможно, всеобщей молве о секретности она была придумана не генералами и реализована не агентами

³ Малоизвестный, но чрезвычайно показательный факт приводит английский исследователь А.Браун в своей книге о сэре Джеймсе Чэдвике, первооткрывателе нейтрона (1932), лауреате Нобелевской премии и представителе английского правительства в Вашингтоне. В 1943–1945 гг. Чэдвик был координатором работ английских ученых, занятых в «Манхэттенском проекте». В конце 1940 г., пишет автор биографии, в Лондоне был получен русский научный журнал (напечатанный на немецком языке) со статьей двух ленинградских физиков Флерова и Петржака о спонтанном (самопроизвольном) делении ядер урана. Чэдвик слышал о ней и спросил своего коллегу Фрэнка Саймона, может ли он где-нибудь достать этот номер журнала в библиотеках Оксфорда, чтобы самому прочитать статью. Но его просьба была отклонена тем же Саймоном, который в ответном письме Чэдвiku разъяснил ему новую ситуацию: «Библиотека, – писал Саймон, – не может дать разрешения на пересылку Вам российского журнала. Эта практика уже давно не в ходу». Сделать фотокопию статьи, продолжает Браун, заняло бы слишком много времени, поэтому Саймон попросил своего студента переписать ее от руки и послать Чэдвiku [31, p.203]. Важная деталь, о которой здесь уместно сказать. Короткую заметку об открытии Флерова и Петржака А.Ф.Иоффе направил по трансатлантическому кабелю в американский журнал «Physical Review», и в июне 1940 г. она увидела свет. Однако, как вспоминает сам Г.Н.Флеров, шло время, а отклика на сообщение об открытии спонтанного деления в зарубежных журналах не было. «Тогда мы не могли знать, что в США эти исследования относились к разряду секретных» [20, с.227].

секретной службы. Она началась с физиков. И человеком более всего ответственным за внедрение этого абсолютного новшества среди физиков, как оказалось, был Л.Сциллард». Что-то здесь может показаться упрощенным, но Ферми знал, о чем говорил.

Бежавший от нацизма в 1933 г. и сам оказавшийся в опале по подозрению в симпатиях к Советскому Союзу Сциллард подверг себя самоцензуре, обнаружив раньше других, что расщепление атомного ядра может иметь чудовищное по своим последствиям военное применение. Поразительная исследовательская интуиция, острое ощущение опасности германского фашизма, рвущегося к обладанию ядерным оружием, и предвидение человеческих потерь от неконтролируемой научной революции убедили его в реалистичности убийственной картины атомной войны, которую нарисовал великий фантаст Герберт Уэллс в книге «Мир обретает свободу». В каком-то наивном экстазе Сциллард решил предупредить Гитлера, утаив секрет атомной бомбы от немцев и таким радикальным образом предотвратить вмешательство Гитлера в мировые дела (см.: [40, p.132–133]). Ученый не просто выдвинул идею атомной бомбы, но и запатентовал ее, положив документы на секретное хранение в английское Адмиралтейство [16, с.XIV]. Он также был одним из первых, кто настоял на добровольном отказе ученых в Америке от публикации работ по ядерной тематике [38, p.259]⁴. Остальное добавили специальные службы.

Еще одна драматическая страница биографии Сцилларда имела свое продолжение. Добившись летом 1939 г. с помощью А.Эйнштейна понимания атомной проблемы Ф.Рузвельтом, Сциллард после смерти президента был отнесен его политическими преемниками к категории ренегатов и крикливых пацифистов, когда он выступил с идеей всеобъемлющего контроля за ядерным оружием и другими далеко идущими инициативами.

Объективно сыгравший выдающуюся роль в мобилизации науки на защиту от угрозы фашизма Сциллард допустил два просчета в оценке источника опасности и ее контрсилы.

⁴ Сциллард выдвинул свое предложение из лучших побуждений. Он не хотел увидеть ключи от атомных секретов в руках Гитлера, но, как часто это случается, благие намерения принесли помимо пользы и прямо противоположные результаты. Послевоенные дебаты о контроле над атомным оружием легко обнаружили эту сторону предложения Сцилларда (см.: [22, с.39, 40]).

Первый. Гитлер и его сподвижники сосредоточили свое внимание на планах вооружения вермахта новейшей техникой (включая ракетную) и проигнорировали знания физиков-ядерщиков мирового уровня: О.Гана, Ф.Штрассмана, К.Вейцекера, В.Гейзенберга и других специалистов. Сциллард переоценил уважительное отношение к науке в Третьем рейхе.

И второй. Взвешивая все за и против в будущей войне с гитлеризмом, он не прислушивался к тому, чем с ним делился сэр Рудольф Пайерлс, который хорошо знал, как пишет Д.Холлоуэй, сообщество советских ученых-физиков в 30-х годах и не считал, что Советский Союз уступает другим странам по уровню науки (см.: [36, p.46])⁵.

Хорошее знание советского научного и промышленного потенциала или даже элементарная любознательность со стороны политических кругов западных лидеров в отношении того, чем была до 1914 г. наука в России и чем она стала к 1939 году, могли бы изменить их взгляды на различные аспекты европейского кризиса. Вслед за политиками, большинство ученых (как и Сциллард) не знали, как далеко продвинулись вперед в Советском Союзе теоретическая физика, радиохимия, формирование научных кадров, наконец, общая грамотность и культурность населения.

Поставим здесь только один вопрос: могла ли такая низкая осведомленность повлиять на отказ от демонстративной замкнутости и пренебрежения к главному союзнику при обсуждении закрытой темы о супероружии на дипломатических саммитах в 1941–1945 гг.? Нет, скорее всего, не могла.

Отставание науки в СССР было связано, главным образом, с убогим техническим оснащением (кустарное оснащение, говорил Г.Н.Флеров). Сказывалась также недооценка появления новых форм исследовательской работы научных коллективов. До того, как атомный проект в зародыше появился в Пыжевском переулке в Москве⁶, никто не думал, что возникнет Арзамас-16. «Речь шла не о создании каких-то маленьких единичных лабораторий, – писал А.П.Александров, воспитанник физте-

⁵ *О пребывании лорда Пайерлса в Советском Союзе, о частных визитах Дирака, Жолио Кюри в Москву и Ленинград см.: [8, с.395].*

⁶ *Пыжевский переулок – небольшая улица в центре Москвы на Якиманке между Большой Ордынкой и Старомонетным переулком (получил название в конце XIX в. по расположению в этом месте стрелцкого полка полковника Богдана Пыжова). Там был один из первых домов, где собирались физики-ядерщики.*

ха в Ленинграде, – а о рождении крупных коллективов, хорошо организованных, небывало для нас инженерно оснащенных» [2, с.176]. Что касается научного уровня проводимых работ, то, как писал в другой своей статье Александров, он был примерно такой же, как в передовых лабораториях Запада [16, с.33].

Угроза фашизма везде воспринималась как нечто, требующее экстраординарных мер защиты. При всех разногласиях в ученом сообществе рождалось понимание какого-то особого внимания к ядерной физике, разделению изотопов для обогащения урана изотопом U^{235} . Нельзя не помнить, что большая группа молодых советских физиков прошла хорошую стажировку в Англии, Дании, Италии, где у них наставниками были Э.Резерфорд, Н.Бор, Р.Г.Фаулен, Э.Ферми, а собеседниками – Р.Пайерлс, П.Дирак, Ф.Жолио-Кюри, К.Фукс и др. Н.Бор бывал в Ленинграде, где у него было много друзей и последователей. Среди стажировавшихся за рубежом – Г.А.Гамов, П.Л.Капица, Ю.Б.Харитон, Л.Д.Ландау, Д.Д.Иваненко, А.И.Лейпунский, К.Д.Синельников. Тем не менее интеллектуальной элите Запада в целом не удалось выработать адекватное представление о науке в СССР, о новом поколении советских физиков, энтузиастов приручения ядерной энергии. Сказать определенно, кто раньше – советские или западные ученые – теоретически могли бы подобраться к открытиям прорывного характера, нельзя. Требовался определенный толчок, который мог быть дан из любого источника: правительственных органов, разведки, частной переписки или научной периодики. Это выяснилось позднее, но после окончания войны стало совершенно очевидно, что разведывательные службы, университеты, дипломатические учреждения в западных странах были не знакомы с реальным положением в советской индустрии, науке, образовании, в государственном аппарате. Сделать сколько-нибудь достоверный прогноз о способности СССР отстаивать свои интересы и статус страны, с которой следует считаться, было просто невозможно.

Тем временем в лабораториях Ленинграда, Харькова, Москвы с азартом (еще не ведая, имеет ли реальный смысл увлечение ядерной физикой) обсуждали скрытые в атомном ядре военные возможности⁷.

⁷ Известный американский исследователь Дэвид Холлоуэй в своей новой статье, опубликованной в мае 2016 г., констатировал: «Открытие расщепления атомного ядра в декабре 1938 г. взволновало советских физиков так же сильно, как и их коллег в других странах. Они поняли, что энергия, выделяемая в результате расщепления ядра атома, могла быть использована в бомбе или для получения электроэнергии» [37, p.181; 15, с.50].

Что они сулят человечеству, мало кто знал, но тема возникала как-то сама собой за рамками повестки дня на многочисленных конференциях и семинарах по атомному ядру. С начала 30-х годов в них самое активное участие принимал молодой И.В.Курчатов. Его друг и коллега Ю.Б.Харитон, побывавший в Берлине, ни секунды не сомневался – война неизбежна и совсем близка. В 1934 г. самоорганизуется группа Курчатова в ЛФТИ, а ее руководитель и вдохновитель в следующем, 1935 г. публикует монографию «Расщепление атомного ядра». Особенно успешными были работы И.В.Курчатова в области самоподдерживающихся (незатухающих) цепных ядерных реакций. Двигалось дело с сооружением самого крупного в Европе циклотрона в ЛФТИ, вступившего в строй как раз накануне Великой Отечественной войны. Одновременно в УФТИ в Харькове под руководством А.И.Лейпунского создается второй, очень активно работающий центр атомных исследований, молодые способные сотрудники которого В.С.Шпинель и В.А.Маслов выдвигают дерзкие, правда отчасти незрелые, идеи, схожие с открытием Л.Сцилларда (см.: [16, с.8–16; 13, с.36–41]). Никак нельзя сказать, что молодые ученые-физики, рано научившиеся быть самостоятельными, «стеснялись» объяснить «верхам», что атомное ядро стало одной из центральных проблем естествознания, никак нельзя. Они оставались настойчивыми даже тогда, когда из-за ограниченных материальных ресурсов СССР власти были вынуждены объявлять исследования по атомному ядру неактуальными⁸.

Беглого знакомства с документами по истории советского атомного проекта достаточно для того, чтобы убедиться, сколь ощутимо, начиная с 1932 г., для советских ученых-физиков было давление внешних факторов. Одним из прямых признаков выхода за пределы обычных просьб стал тон обращения в высшие инстанции государства. Тревожные и настойчивые напоминания о важности поднимаемых вопросов были связаны с тем, что ускоренное развитие нового направления в западной науке (научные школы Э.Резерфорда, Э.Лоуренса) происходит благодаря щедрым ассигнованиям на оборудование и материалы. Одно из писем такого рода было получено председателем СНК СССР В.М.Молотовым в начале марта 1938 г. Пребывая в недоумении, Молотов написал С.В.Косиору: «Что ответить?» [4, с.20].

Между тем вопросы практического использования спрятавшейся внутри ядра энергии, ее имплементации и прежде всего в военных целях

⁸ См. письмо сотрудников ЛФТИ В.М.Молотову от 5 марта 1938 г. [4, с.17–19].

выходили на передний план и негласно приобретали политическую окраску. В этом смысле событием стала Всесоюзная конференция физиков по проблемам атомного ядра, организованная директором ЛФТИ А.Ф.Иоффе еще в сентябре 1933 г. Приехали уже известные в мире ученые: Ф.Жолио-Кюри, П.Дирак, Ф.Розетти, коллега Э.Ферми В.Вайскопф, В.Паули из Цюриха и др. Не было никого из Германии. С советской стороны в ней участвовали те, кто позднее играл ведущую роль в советском атомном проекте: И.В.Курчатов, Ю.Б.Харитон, Л.А.Арцимович, А.И.Лейпунский.

Через три года в дискуссии на мартовской сессии АН СССР (1936) по докладу И.Е.Тамма «Проблема атомного ядра» вновь возобновилась острая полемика относительно использования явлений, сопутствующих выделению внутриядерной энергии. Были «скептики» и были «оптимисты». Среди последних – критически мыслящий И.Е.Тамм. Дискуссия по атомному ядру шла под аккомпанемент сообщений о вводе немецких войск в демилитаризованную Рейнскую область. Мало что произносилось вслух, но пацифизм как понятие вообще исчез из употребления. Много, разумеется, погребено в довоенных отчетах академических институтов и Президиума АН СССР, но известно, что ведущие физики-ядерщики, старые и молодые, обращали все большее внимание на то, что «могло бы взорвать мир» [4, с.26, 27, 40]. Множились примеры ошеломляющих открытий, интенсивного развития новейших технологий, облегчающих управление ядерными реакциями, и одновременно происходило утаивание информации о них в научных изданиях на Западе. Исчезали фамилии ученых-ядерщиков в публикациях. Реакция на внезапно истончившийся поток информации с Запада об использовании внутриядерной энергии поначалу не выходила за рамки удивления. Затем многое изменилось [1, с.460]. Это косвенно подтверждается в записках С.И.Вавилова, В.И.Вернадского и В.Г.Хлопина, помещенных в первых томах «Атомного проекта СССР». Вспомнили о полузабытых статьях в западной научной периодике и неожиданно для себя обнаружили поворот военной мысли на Западе к вновь востребованным идеям создания различных видов оружия массового уничтожения.

Удивившее многих своей внезапностью резкое переключение И.В.Курчатова с работ в области физики твердого тела на ядерную физику, о чем писал в своих воспоминаниях Ю.Б.Харитон [9, с.78; 30, с.204] было связано с расставанием с мирной тематикой и с переключением на тематику двойного назначения, соединяющую фундаменталь-

ные исследования с целеустремленной работой в области атомной энергетики и обороны.

С расширением диапазона ядерных исследований росло беспокойство в отношении реального, хотя в ряде случаев и мнимого, отставания советских пилотных изысканий и увеличивался спрос на текущую зарубежную периодику. Предлагались срочные меры к форсированию работ по разведке и добыче урановых руд и получения из них урана. Этим были озабочены, в том числе и «старики», академики В.И.Вернадский и В.Г.Хлопин, которых взбудоражили обзорная статья американского научного обозревателя У.Лоуренса (опубликована в мае 1940 г. в газете *Нью-Йорк Таймс*) об открытии деления ядер и его рассуждения об управлении реакцией самораспада. В своей записке в Отделение геолого-географических наук АН СССР они ставят вопрос о включении «практического использования внутриатомной энергии в порядок дня» [4, с.113–114]. Что было запряжено в этих словах, понятно. Нужно отдать должное членам Президиума АН СССР. Они не дремали. Еще в сентябре 1939 г. было принято решение о пересмотре традиционной тематики и концентрации ученых «на нуждах обороны страны» [4, с.75–76]. Физики-ядерщики почувствовали, что могут быть востребованными. «Перинатальный» период явно подошел к концу, о чем свидетельствовало и сворачивание контактов с иностранными учеными. Один из молодых советских исследователей воспитанник УФТИ В.А.Маслов, реагируя на факт отгораживания западных научных периодических изданий от нежелательных читателей, в явно инспирированной руководством АН СССР записке от 22 августа 1940 г. потребовал «по примеру заграницы» засекретить работы, связанные с разделением изотопов урана [4, с.132]. Другими словами, око за око, зуб за зуб.

Информационный голод и замедление работ, связанных со сложными экспериментами, вызывали естественное желание обойти запреты и найти выход из создавшегося положения, узнать о том, над чем работают «по соседству», как далеко ушли в своих изысканиях Э.Лоуренс, О.Ган, Дж.Чэдвик и другие. Позднее, в августе 1945 г., руководители советского атомного центра И.В.Курчатов и И.К.Кикоин в порыве откровенности следующим образом объясняли необходимость обращения к материалам, ставшим доступными благодаря разведке, разного рода «утечкам» или добровольным помощникам из числа ученых-антифашистов: «Так как лаборатория⁹ не имела помещения, кадров и

⁹ Речь шла о Лаборатории №2 в будущем Курчатовском институте.

урана, ее работа сводилась к анализу полученных нами секретных материалов о работах иностранных ученых над проблемой урана, к расчетам по проверке этих данных и к проведению отдельных экспериментов» [6, с.307]. Для истории и историков это очень важное признание, ставящее все на свои места.

Если ружье висит на стене...

Получение «дружественной», а также агентурной информации из-за рубежа, начиная с 1938, 1939 гг. помогало преодолевать все чувствительнее дающую себя знать искус-

ственную изоляцию, возникшую из-за внешнеполитических осложнений. Кроме того, общение с внешним миром позволяло специалистам держать себя «в теме», следить за изменениями общего вектора исследований в ядерной физике, открытиями и менять при необходимости направление работ, перегруппировывать силы. Негативное отношение к ядерной физике менялось медленно (если вообще менялось), как об этом писал Г.Н.Флеров. Заметные перемены произошли только после начала Великой Отечественной войны, да и то не сразу. Еще по инерции и какое-то время после потрясений первых лет войны давало себя знать недоверие к «фантазиям» молодых экспериментаторов, увлекшихся изучением микромира.

Эвакуация институтов, отсутствие оборудования, расходных материалов и финансирования убеждали многих физиков, что лучше сидеть сложа руки. В.И.Вернадский наперекор мнению отдельных своих высоких ученых коллег, убежденный в реальности «Уранового проекта», называл подобные настроения желанием отгородиться от «мирового движения» типичной обструкцией и даже «бессознательным вредительством»¹⁰.

Толчок развитию ядерной физики в СССР был дан не благодаря особой удачливости разведки, хотя ее роль нельзя преуменьшать, а благодаря энергии предвоенного поколения ученых – старых и молодых, отсутствию у них робости перед риском, их пытливым наблюдательности и стремлению быть на главном направлении науки. Флеров в своем замечательном очерке в книге воспоминаний об И.В.Курчатове убедительно раскрыл интеллектуальную предысторию советской атомной

¹⁰ См. отрывки из дневника В.И.Вернадского за май–октябрь 1941 г. [4, с.229–232].

бомбы, отметив синхронное течение научной мысли с передовыми зарубежными школами [26, с.219–220].

Начало войны, распад научных коллективов, нарушение коммуникаций с внешним миром не способствовали оптимизму ядерщиков. Весьма красноречива для данного промежутка времени переписка одного из зачинателей «уранового проекта» В.Г.Хлопина с ГРУ Красной Армии. 10 июня 1942 г. он, отвечая на запрос 2-го Управления ГРУ об использовании ядерной энергии в военных целях, в почти безнадежном тоне констатировал: «В ответ на Ваш запрос от 7 мая 1942 г. №137935с сообщаем, что Академия наук не располагает никакими данными о ходе работ в заграничных лабораториях по проблеме использования внутриатомной энергии, освобождающейся при делении урана... Что касается институтов АН СССР, то проводившиеся в них работы по этому вопросу временно свернуты как по условиям эвакуации этих институтов из Ленинграда, где остались основные установки (циклотрон РИАНа), так и потому, что, по нашему мнению, возможность использования внутриатомной энергии для военных целей в ближайшее время (в течение настоящей войны) весьма маловероятна» [4, с.265–266].

Допустимо, что В.Г.Хлопин, директор Радиевого института и председатель Комиссии по урану АН СССР, не был знаком со всей агентурной информацией о возобновлении работ «по урану». Она попадала в другие руки. Так, академик П.Л.Капица 12 октября 1941 г. на Антифашистском митинге в Москве, говоря об обороне страны, открыто заявил: «Мы ставим вопрос об использовании атомных бомб, которые обладают огромной разрушительной силой». Это заявление на следующий же день было воспроизведено в газете *Правда* [4, с.245, 246].

Но, в целом, в научных кругах все еще с осторожностью относились к возможности извлечения управляемой энергии на базе разделения изотопов урана как для мирных, так и для военных целей. Не было сложившихся и серьезных структур, которым можно было бы с доверием передать и перепроверить сведения, полученные от резидентов советской разведки в Англии. И, наконец, речь тогда могла идти не о готовом «изделии», а лишь о *возможности* его создания. Предполагать молниеносную реакцию советского руководства на сведения, поступающие от добровольных «полевых» агентов в Англии, никак не приходилось. Несогласные с таким выводом пишут, как правило, о недопонимании (если не хуже) Сталиным и его окружением важности урановой проблемы. Но с этим трудно согласиться.

Примерно полтора года, ушедшие на раздумья по поводу активизации английских физиков в связи с открытиями Л.Сцилларда, Э.Ферми, Ф.Жолио-Кюри, О.Гана и Ф.Штрассмана, Дж.Чэдвика и оперативном отклике английского правительства на главный вопрос об атомном оружии, оставались как бы потерянными впустую. Наверное, иначе и быть не могло. Г.Н.Флеров, вспоминая условия 1942 г., говорил: «Начиная работу, мы были нищие и, пользуясь данным нам правом, собирали из остатков по воинским частям и в институтах Академии наук необходимые нам вольтметры и инструмент» (цит. по: [3, с.15]). Но это не самое главное. Были причины и посерьезнее.

Как писал В.Б.Барковский, в сентябре 1941 г. советская разведка получила достоверные сведения о том, что идея создания атомного оружия в Англии получила «практические очертания» [7, с.52]. Или даже раньше. Было немало добровольных помощников, которые могли поделиться с советскими представителями вполне секретной информацией о том, чем занимались в лабораториях Оксфорда, Кембриджа и Бирмингема. Агрессия Японии против Китая, аншлюс Австрии, Мюнхен и, наконец, гражданская война в Испании подталкивали многих политиков к снятию изоляции вокруг СССР, возникшей после советско-германского пакта и финской войны. Отношение же советских руководителей к этой информации было смесью недоверия и надежды.

Накануне нападения Гитлера на Польшу и вступления Англии и Франции в войну с Германией дипломатическое общение между СССР, Англией и США оставалось крайне ограниченным и холодным. Все три стороны будущего Альянса не решались доверять друг другу. После полета Рудольфа Гесса в Англию 10 мая 1941 г. Сталин имел все основания думать, что советско-германский пакт 1939 года не спасет его от натиска коалиции империалистических держав. Неблагоприятная реакция США и лично Рузвельта на продвижение западных границ СССР к линии Буг–Нарев–Неман, советско-финский конфликт не позволяли надеяться на смягчение отношения Америки к Москве. До глубокой осени 1941 г. было совсем не ясно, сложится ли прочный союз Большой тройки. Даже в переписке трех лидеров содержалось много нюансов, выдававших настороженность и следы сомнений [24, с.130,131; 23, с.24–47].

В этих условиях и в ожидании «сюрпризов» от друзей и врагов большую роль в Кремле стали придавать научно-технической разведке [7, с.49–61]. Ведущие страны вели себя подобным же образом. Обере-

гаемых от посторонних глаз секретов становилось все больше, тайные операции все изощреннее. Ядерная угроза, еще никак не овеществленная, существуя еще в математических формулах и чертежах, приковывала к себе внимание самых разных разведок, по-разному понимающих свои задачи. Разведки Англии и США вели оборонительную войну против Третьего рейха и империи микадо. Особой «заботой» была окружена Германия – страна Вернера Гейзенберга, Отто Гана и десятка других выдающихся физиков. Существовали планы их похищения и даже убийства американскими командос [38, p.288]. Научно-техническая разведка СССР (весьма малочисленная) не могла себе позволить дорогостоящих и масштабных операций в расположении объектов на территории сблизившихся с СССР стран. Ставилась задача преодолеть отставание, воспользовавшись накопленным научным опытом и ноу-хау.

Ю.Б.Харитон и Ю.Н.Смирнов, знавшие не понаслышке о закулисной истории «военного атома», писали, что поступки создателей советской атомной бомбы диктовались «жесткой логикой реальной ситуации». Схема первого заряда, указывали они, была американского происхождения, но чтобы воплотить принятую схему в конструкцию, в готовое изделие, надо было «сначала, очевидно, в масштабах страны совершить настоящий подвиг: создать атомную промышленность и соответствующие технологии, создать уникальное аппаратное обеспечение высочайшего класса, подготовить кадры. Все это в условиях истерзанной войной страны. И потом, разве переживали и сомневались американцы, как поступить, когда они, опасаясь, что их может опередить фашистская Германия, по существу буквально "перетащили" и объединили в усилиях по созданию атомной бомбы крупнейших физиков мира, превратив свой проект в интернациональный!» [16, с.418].

Пауза после поступивших в Москву первых разведывательных донесений из Англии от резидента А.В.Горского о развертывании работ по созданию ядерного оружия и о совещаниях английского «Комитета по урану» от сентября–октября 1941 г. и указанием о создании советской атомной бомбы, не была слишком продолжительной. Чувство ответственности очевидно мешало отдавать распоряжения, к выполнению которых не было особых предпосылок. Тем не менее в конце сентября 1942 г. В.М.Молотов пишет в записке Сталину о данном Академии наук поручении к 1 апреля 1943 г. представить ГКО «доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива». Вслед за тем 28 сентября 1942 г. за подписью Сталина было отдано историческое

распоряжение ГКО №2352 СС «Об организации работ по урану» [4, с.239–245, 268, 269].

Высокие «инстанции», разумеется, не могли не обратить внимания на повторяющийся в материалах разведки тезис как о принципиально решенном военным кабинетом Англии вопросе об организации производства урановых бомб, так и о недоступности любой информации об этом для союзника на Востоке. Англичане и американцы, как это констатировал в своей крайне важной докладной записке Молотову от 27 ноября 1942 г. И.В.Курчатов, преодолели все разногласия и вышли на совместное решение проблемы. На этом фоне недопущение Советского Союза к сведениям, даже самого общего характера, выглядело не слишком по-дружески. Заметим, кстати, что раз за разом западные союзники повторяли этот грубый прием. Между тем урановый тандем, не допустивший по идеологическим и политическим мотивам откровенности и взаимопонимания о таинственном проекте “Tube Alloys” привнес в союзнические отношения с самого начала элементы скрытого и все расширяющегося раскола, нездоровой конкуренции и дипломатического шантажа. В этой тайной гонке на опережение еще на этапе исследований и экспериментов таилась значительная часть разгадки быстрого (в самые короткие сроки) перехода от скоординированных действий США, Англии и СССР в годы войны к сползанию их к недоверию и враждебности в первые же послевоенные годы.

**Старший научный сотрудник
получает назначение**

Далеко не все секретные материалы, касающиеся получения, как говорили тогда, сверхвзрывчатых веществ путем использования ядерной энергии, могли быть переданы советским

специалистам разведкой после возобновления в декабре 1942 г. в СССР ядерных исследований. До февраля 1943 г. еще не состоялось назначения официального руководителя научно-исследовательских работ «по урану». Только 11 февраля распоряжением ГКО (его подписал Молотов) на эту должность был назначен старший научный сотрудник ЛФТИ, профессор И.В.Курчатов. Кому пришла в голову счастливая мысль, что этот сорокалетний профессор, никогда не руководивший крупным научным учреждением, обладает необычайными качествами – организаторскими способностями, административным талантом, – по-

звоявшими ему с одинаковым успехом работать с М.Г.Первухиным¹¹ и Л.П.Берия, А.Ф.Иоффе и В.Г.Хлопиным, Ю.Б.Харитоном и И.Е.Таммом, А.Д.Сахаровым и с сотнями простых работников, которые своими руками создавали новую индустрию, точно сказать не может никто. Рекомендация была высказана А.Ф.Иоффе, но утверждение Курчатова прошло через многие кабинеты. В начале пути, на каком-то этапе, располагая в сущности в одиночку всей полнотой имеющейся информации о процессах разделения изотопов и тяжелых ядер и полученных результатах, он брал на себя смелость и ответственность судить о ее достоверности [4, с.320].

И в самом деле, Курчатова не мог точно знать, когда англо-американский альянс создаст бомбу, да и создаст ли вообще. Но летом и осенью 1943 г. после достигнутого перелома на советско-германском фронте и успешной высадки союзников на Сицилии счет велся уже не на годы, а на месяцы. 4 ноября 1943 г. Эрнест Лоуренс, подводя итог промышленной готовности к созданию американской бомбы, сказал, что «приближается решающий час» [10, с.151]. Было не совсем ясно, что он имел в виду: готовность ли первого испытания бомбы или окончание войны и отказ от ее применения против Германии и Японии. Примерно к этому времени у Курчатова в голове сложился черновой график поэтапного развития атомного проекта США в его заключительной фазе. В каком-то смысле этот проект служил, говоря современным языком, дорожной картой и для него, руководителя советского проекта, и для армии советских специалистов. Именно к этому относится очень важное замечание Ю.Б.Харитона и Ю.Н.Смирнова: «Исключительна роль И.В.Курчатова как руководителя всех работ в формировании стратегически верной с самого начала программы исследований. Поразительная способность Игоря Васильевича безошибочно находить правильные пути и принимать незамедлительные меры для их реализации даже при весьма скудных и неполных научных данных ярко проявилась в... двух его письмах М.Г.Первухину» [29, с.423].

Речь шла о записках весны и лета 1943 г. (в особенности двух – 7 и 22 марта), хотя тревога за будущее присутствовала во всех документах руководства проекта. Все откровеннее, даже навязчивее, злее, требовательнее звучало в них предложение к правительству вплотную заняться кадрами, финансированием, добыванием уникальной аппаратуры, пере-

¹¹ Первухин М.Г. – заместитель Председателя СНК СССР, министр химической промышленности СССР, член ГКО. С самого начала курировал урановую проблему.

стройкой целых отраслей экономики и т.д. По отзывам Курчатова, Киикоина на материалы, поступавшие из союзнических стран, складывалась общая картина гигантского тайного военного механизма, замаскированного под разного рода традиционные вывески, но целенаправленно выполняющего сверхважное задание, назначение которого простиралось за рамки текущего военного конфликта. Вот отрывок из отзыва Курчатова от 4 июля 1943 г. на полученную закрытую информацию: «Из оглавления видно, что работа по проблеме урана получила в Америке могучее развитие. В последнее время американцы очень неохотно сообщают в Англию свои данные, объем работ у них несравненно выше, чем в Англии, поэтому обмен данными мало дает Америке технически, но приводит к разглашению тайны. Так как в Англии по проблеме урана работает много иностранцев, американцы считают такое разглашение особо неприятным, так как опасаются, что после войны результаты работы будут сообщены этими иностранными учеными своим правительствам» [4, с.359]¹². Курчатов резюмировал: по большинству направлений мы идем тем же путем, но по некоторым из них работа еще и не начата. Чем грозит отставание в будущем, легко просчитывается без вычислительных устройств.

Главное же состояло в том, что появились первые признаки решающего события – запуска уран-графитового котла в США, уже реально способного создать условия получения ядерной супербомбы, которую Курчатов называл «исключительно опасной» в комбинации с радиоактивным заражением и большим выделением энергии. Сидеть, сложа руки, и ждать, когда союзник либо отпразднует первый успех, либо допустит «осечку», Курчатову не позволял его характер. Однако впереди уже ждали очередные препятствия, которые диктовали новые погружения в теорию вопроса и даже изменение взглядов, связанное с коррекцией курса.

Никем не признанное тайное соперничество обострилось. Курчатову, уже как руководителю Лаборатории №2, ГКО поручил 11 февраля 1943 г. подготовить доклад о «возможности создания урановой бомбы», хотя не все теоретические вопросы были решены. Едва ли это было возможно и по состоянию лабораторной и производственной базы в связи с трудностями строительства основных помещений Лаборатории

¹² Курчатов не скрывал, что содержание разведывательных материалов могло в отдельных случаях оказаться вымыслом ради «дезорientации» советской науки. Но его личные расчеты и перепроверка позволяли снять многие сомнения [4, с.320].

№2, и с нерешенностью острого кадрового вопроса. Рассчитывать на приток людей со стороны не приходилось. Еще не был сооружен главный циклотрон, не выяснен вопрос с запасами урановых руд, не согласованы поставки определенного количества материалов из цветных металлов, без запаса которых ни одна лаборатория работать не могла. И многое другое. В конце апреля 1943 г., проанализировав сведения об использовании американскими учеными трансурановых элементов для скорейшего получения бомбы, Курчатов осознает, что Америка, практически уже создавшая урановый реактор, работающий на смеси «неразделенный уран – графит», делает сильный рывок вперед. Далее следовало еще одно крайне неутешительное заключение: «Если выводы, которые изложены в материале, правильны, задача создания ядерной бомбы близка как никогда к своему разрешению (эту фразу Курчатов выделил жирным шрифтом. – В.М.). Решение задачи создания ядерной бомбы этим путем является особенно неприятным для СССР, потому что оно требует очень больших количеств урана для первоначального пуска котла» [4, с.335]. Ученый как будто предвидел вероятную близость дипломатического скандала в начале августа 1943 г. из-за отказа западных союзников, наладивших между собой «особые отношения», пригласить представителей Советского Союза на встречу в Квебеке (операция «Квадрант»). Речь, конечно, шла не «о плохих манерах» Сталина и не только о нежелании обсуждать с ним деликатные проблемы войны против Японии, а о специфической теме, о которой скорее всего непозволительно было знать непосвященным. Не могла ли бомба быть взорвана до высадки союзников на севере Франции?

Август 1943 год, Квебек, операция «Эскимос» (высадка на Сицилии и начало наступления в Италии) – это важные вехи в истории большой коалиции и внутреннего большого конфликта, в который (часто не по своей воле и не зная об этом) оказались втянутыми тысячи людей, дипломатов, государственных деятелей, ученых, военных, рабочих. И среди них – агентов ГРУ, передававших соответствующие донесения в Центр по своим каналам [21, с.648; 23, с.532]. Самым важным было то, что вкладывалось Джеймсом Конантом (одним из координаторов «Манхэттенского проекта») в понятие «послевоенное стратегическое значение бомбы» [35, р.187]. Сегодня совершенно ясно, о чем он хотел сказать, – об эффекте «атомной дипломатии». Итогом же оказалось трехстороннее соглашение Рузвельта и Черчилля от 19 августа 1943 г.¹³, в

¹³ Соглашение Рузвельт–Черчилль было рассекречено лишь в 1954 г.

котором совсем не было признания заслуг Советского Союза – союзника США (и Англии) в войне с фашизмом. Ни победа под Сталинградом, ни Курская дуга не поколебали западных лидеров. Возобновляя «в полном объеме» эффективное сотрудничество в реализации проекта “Tube Alloys”, США и Великобритания брали на себя обязательство никогда не применять это оружие друг против друга, согласовывать свои действия, передавая всю информацию друг другу о положении дел в ядерных исследованиях и не делиться ею с третьей стороной. Последний пункт имел принципиальное значение. Конкретно Советский Союз не был назван в Квебекском соглашении, но догадаться, о ком, в первую очередь, шла речь, было нетрудно¹⁴.

Конференция в Квебеке (август 1943 г.), сделавшая Англию младшим партнером, а Советский Союз нежелательным соучастником, не могла не попасть в поле зрения советской разведки. Было ясно, что учащение встреч американских и английских специалистов по урану являлось предвестником серьезных перемен в связи с работой первого опытного уранового реактора в США и получением электромагнитным способом (под руководством Э.Лоуренса) нескольких грамм урана-235. Как предполагали советские резиденты, США уже весной 1945 г. могли наладить промышленный выпуск атомных бомб. В связи с такой информацией можно было ожидать вопросов из Кремля о состоянии дел в Лаборатории №2. М.Г.Первухин решил действовать, не дожидаясь запросов. 19 мая 1944 г. он направляет Сталину отчет и проект Курчатова, датированный тем же числом, продублировав его краткой запиской. Первухин полагал, что Сталин проявит заинтересованность во встрече либо с одним, либо с другим. Но этого не случилось, хотя с отчетом познакомились и В.М.Молотов, и Л.П.Берия, а последний попытался даже «достучаться» до Сталина [5, с.26, 73, 77].

Возникает вопрос: откуда такая уклончивость у Верховного Главнокомандующего? Впрочем, и Рузвельт тоже не отличался особым дружеским расположением к ведущим фигурам «Манхэттенского проекта» и не знал их в лицо. Нежелание дать малейший повод союзникам думать, что Кремль хочет нарушить сложившуюся устойчивость союзнических отношений или даже ищет альтернативные пути окончания войны через скандал и разрыв с союзниками. Действительно, можно предположить,

¹⁴ Многие американские исследователи избегают говорить о том, кто был этой «третьей стороной» (см.: [35, p.190,191; 39, p.180, 181 etc.]). Особенно показательна позиция Дэвида Холлуэя, оставившего без комментариев этот эпизод.

что Сталин не хотел накануне высадки в Нормандии созывать совещание в Кремле с обсуждением вопроса о готовности советской науки и промышленности к «осуществлению атомной бомбы», считая его, по крайней мере, несвоевременным. Так или иначе, никаких следов реакции на послание Первухина и Курчатова не сохранилось, кроме краткой ремарки Берия на полях записки: «Важное. Доложить тов. Сталину. Переговорить с т. Первухиным. Собрать все, что имеется по урану. 25.05.1944» [5, с.74]. Мы не знаем, помимо опубликованных документов, что происходило в реальной жизни. Однако грандиозный план был «озвучен» и признан обоснованным. Фактически заработал предложенный Курчатовым «Совет по урану» из четырех человек – Л.П.Берия, В.М.Молотов, М.Г.Первухин, И.В.Курчатов. Сталин еще не принял решения, но Берия фактически занял кресло председателя Совета.

Лаконичная, но исключительно емкая по содержанию, «докладная записка» Курчатова–Первухина «О состоянии работ по урану на 20 мая 1944 г.» была по-своему уникальным историческим документом о признании «военного атома» в СССР и первых важных результатах, дающих право считать программу в целом заслуживающей доверия и выполнимой. К концу войны пришла уверенность в преодолении все еще распространенного в советских научных кругах мнения о невозможности технического решения проблемы урана. Изучение секретных материалов достижений иностранных ученых и получение ряда важных результатов, несмотря на ограниченные возможности военной экономики, давали право надеяться, что после пуска атомного котла советский проект приблизится к этапу, пройденному США. Тогда задачу создания «бомб сверхразрушительной силы» можно будет считать решенной. Но каким запасом времени располагает страна? Месторождения урана разведаны плохо, из нужных 50–60 т урана было добыто только 1,5 т урановых солей. Приступили к производству тяжелой воды, но давалось это непросто. Трудности вновь кому-то могли показаться непреодолимыми, но выход был только один. Курчатов формулирует его с учетом все еще существующих вокруг проекта сомнений и перспективы. Затягивания обойдутся крайне дорого: «Из изложенного видно, что хотя использование энергии урана и связано с решением труднейших задач, опасность применения атомных бомб и энергетические перспективы атомных котлов настолько существенны для государства, что всемерное развитие работ по урану является настоятельно необходимым» [5, с.75, 77].

Послание Сталину от 19 мая 1944 г., оставшееся без ответа, тем не менее, свидетельствовало, что был достигнут определенный моральный и технологический перелом. Маловеры и скептики поутихли и перестали создавать атмосферу неуверенности в связи с каждой неудачей или каждым начальственным окриком. Сошли на нет завистливые разговоры при виде огромных масштабов атомных объектов и пониманием меры ответственности, которая легла на плечи фактически одного человека. Курчатов как будто бы специально был выбран руководителем проекта, который коренным образом отличался от прежних работ по линии ВПК. То, чем он добровольно согласился заниматься первоначально чуть ли не в одиночку, не имело, как справедливо заметил А.П.Александров, неудачных этапов. Их просто не могло быть. «Нужно было каждый сложный этап решать всеми возможными путями, чтобы, в конечном счете, была гарантия положительного решения». Александров подводит итог: «...Здесь время, срок решения задачи определяли ее ценность для страны и даже саму возможность решения» [1, с.36].

После 6 июня 1944 г., положившего начало второму фронту в Европе, становилось ясно, что союзники ускорят выход на финишную прямую своего «Манхэттенского проекта». Противник мог капитулировать в любой момент. В связи с этим меняются содержание и сам тон документов, отражавших изменение внутренних и внешних условий создания базовых элементов советского атомного проекта. Они пестрят деталями в географическом диапазоне, охватывающем Восточную Сибирь, Среднюю Азию, Центральный район и Север Советского Союза. Характерная черта – обозначены не только строящиеся промышленные объекты, но и конкретные даты их ввода в строй. Названы первоочередные научно-исследовательские и опытно-конструкторские мероприятия. В частности в проекте постановления ГКО «О развитии работ по проблеме урана», подготовленном Первухиным и Курчатовым 10 июля 1944 г., содержался пункт, налагавший важное обязательство на Лабораторию №2: «Д) разработать к 1 октября 1945 г. совместно с НИИ-6 Народного комиссариата боеприпасов конструкцию авиационной атомной бомбы» [5, с.95]. По-видимому, март 1945 года – дата, когда по сведениям советской разведки США планировали испытать свою первую атомную бомбу, служил своеобразным ориентиром для Курчатова и узкого круга его сотрудников, имевших допуск к особо секретной информации.

Реальное представление о разрыве в состоянии работ по урану в СССР и за рубежом вдруг обрело самодовлеющее значение. Все упиралось в неразвитость материально-технической базы и приборостроения,

которые занимают особое место в современной физике. Рассчитывая на внимание правительства, Первухин и Курчатов в записке 10 июля 1944 г. расписывают четкий план неотложных задач. На первое место было поставлено проектирование уран-графитового котла, разработка методов построения тяжеловодного котла для получения оружейного плутония. Вторая важнейшая задача – интенсивная разведка и добыча урана, получение других взрывчатых материалов, третья – предусмотреть разделение изотопов диффузионным методом и строительство диффузионного завода для получения обогащенного урана-235. Четвертая – начать работы по конструированию атомной бомбы, пятая задача – продолжить дальнейшее углубленное изучение теоретических вопросов. Шестая – окончить строительство циклотрона, седьмая – развернуть работу по широкой подготовке кадров специалистов [5, с.93–96, 127].

Занавес поднимается

Курчатов понимал, что, несмотря на огромные затраченные усилия, на самый важный этап могло не хватить элементарной собранности и дисциплины. Открылся новый невидимый

фронт и удержать его Советский Союз не сможет, если не будет готов материально, тактически, стратегически и организационно. «За границей» вокруг проблемы урана создана «невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, – говорилось в записке-экспромте Курчатова, отправленной Берия 29 сентября 1944 г., – у нас же... положение дел остается совершенно неудовлетворительным». Курчатов ставил вопрос о едином руководстве. Иначе – все трудно, даже непонятно, откуда в кратчайшие сроки возьмутся ресурсы, материальные и людские, для осуществления ближайшей программы работ. Еще предстоят тяжелые сражения на фронтах, но руководство страны обязано знать, что опасность возникла буквально из пустоты, опасность поддаться инертности или разочарованию. Курчатов категоричен, хотя речь шла об обращении к Берия, не очень расположенному к критике: «Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же, ввиду исторического значения проблемы урана, решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указание о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре» [5, с.127].

К середине 1944 г. стало понятно, что атомную бомбу можно сделать. Америка была живым примером. Там оказались сосредоточены

главные научные силы всего мира, созданы мощная лабораторная и промышленная базы в области ядерной физики, которые нельзя было утаить, они говорили сами за себя. Сведения, поступающие от резидентов, не всегда отличались точностью, но тема окончания исследовательской фазы для руководства «Манхэттенским проектом» вырисовывалась как вполне актуальная. В конце декабря 1944 г. генерал Л.Гровс вместе с Г.Стимсоном побывали на приеме у Рузвельта, где последний поинтересовался, смогут ли США применить атомную бомбу в Германии. Генерал сказал, что, отвечая на этот же вопрос генералу Джорджу Маршаллу, он назвал вероятной датой окончания работ июнь 1945 г., а самым подходящим объектом бомбардировки назвал Японию. Разумеется, рапортовать о такой же степени готовности ни Курчатов, ни Первухин не могли. Слишком заметно американцы ушли вперед в создании материально-технической базы «Манхэттенского проекта» и решении вопроса конструкции бомбы.

В апреле 1945 г. была получена подробная информация о конструкции американского опытного реактора Э.Ферми в Чикаго. Фактически одновременно стало известно о завершении строительства огромного завода в Оук-Ридже (штат Теннесси) по изотопному обогащению урана и завода оружейного плутония («неземного вещества») в Хэнфорде (штат Вашингтон) [7, с.55; 36, р.103–105]. Их строительство началось почти одновременно в 1942 г., и для разведки (как и для прессы) не заметить эти монстры было совершенно невозможно.

Таким образом, план Курчатова и Первухина от 19 мая 1944 г. обрел два источника ускорения – внешний и внутренний. 8 сентября 1944 г. Курчатов в докладной записке В.М.Молотову сообщает о пуске циклотрона (М-1) Лаборатории №2 в Москве. Радиевый институт АН СССР организовал масштабные поиски урановых месторождений в Средней Азии и других местах. Сделан был ряд важных открытий в области теории, причем аналогов им в большинстве случаев не было. Экспериментировать теперь предстояло на основе собственных новаторских данных и результатов. Рождались и занимали свое ведущее место новые направления. Так, разработку газодиффузионного метода изотопного обогащения урана возглавили И.К.Кикоин и его сотрудники. Уже в июне 1944 г. они сформулировали свою программу. Большой сторонник теории «заимствования» Б.Л.Иоффе, опровергая самого себя, писал, что «многое из реализованного в физике и особенно в теории атомных реакторов есть результат творчества советских ученых и инженеров». В вопросе о промышленных тяжеловодных реакторах уже вообще никаких

«заимствований» не было, продолжает Б.Л.Иоффе. Они были целиком сделаны на основе собственных, т.е. советских, разработок [17, с.221, 222].

Наступает период удивительных совпадений. Получив в конце июня 1944 г. первую партию высокообогащенного урана-235, американцы поспешили заявить, что первую атомную бомбу можно будет сбросить на врага не позднее конца марта 1945 г. Заводы в Оук-Ридже и Хэнфорде работали на полную мощность. Знать об этом уже означало подвергаться стрессовому состоянию. Весь 1944 год в Советском Союзе практически занимались реэвакуацией академических учреждений в Москву и Ленинград. Академик В.Г.Хлопин писал об угрозе срыва работ по урану. В Лаборатории №2 сохранялось ощущение непростительного запаздывания с решением многих важных вопросов: размещение аппаратуры, изготовление чистых графитовых блоков и производство мембран металлического урана в нужном количестве. Еще в сентябре 1944 г. работы по добыче и переработке урана находились в кустарном состоянии.

Важной причиной волнений была неурегулированность административно-организационного управления фактически уже сложившейся, но гибридной по своим свойствам, отрасли народного хозяйства, в которой фундаментальная наука сочеталась с чисто хозяйственными, строительными функциями. Жилищный вопрос для ученых и специалистов наряду с налаживанием межведомственных связей отнимал львиную долю энергии Курчатова, его дипломатического таланта и всем знакомого волевого начала. Работавший с ним бок о бок и хорошо знавший его И.Н.Голован писал, что Курчатова в годы войны вырос в организатора науки большого масштаба, невиданного в довоенное время. «Окружающие изнемогают от "курчатовского" темпа. Он не проявляет признаков утомления. Он доступен для всех. Его реакция мгновенна. Он привлекает всех, кто в состоянии работать, но достигает решающих результатов удивительно малочисленными силами» [12, с.353, 354].

Осенью и зимой 1944 г. войска Красной Армии, разбив немцев в ряде операций, вышли к довоенным границам СССР. К началу сентября 1944 г. 1-я американская армия также вышла к границе Германии в районе пограничного немецкого г. Ахена. Авиация союзников утюжила города Германии. Курчатова видел опасную сторону всеобщих восторгов от «наших» пушек и танков, понимая, как легко впасть в эйфорию от очень близкой победы на фронтах и проглядеть замаскированную угрозу. Его преследовало ожидание всяческих сюрпризов. Как доверять,

например, разведке, которая представила неподтвержденную информацию об испытании американцами экспериментальной бомбы в Лос-Аламосе осенью 1944 г.? Было это правдой или выдумкой, точно никто сказать не мог, но для Курчатова оно служило суровым предупреждением.

Важные промышленные объекты еще только предстояло возвести. Лишь поздней осенью 1945 г. был решен вопрос о создании на Южном Урале плутониевого комбината (кодовое название «комбинат №817»), в который входило три завода – «А», «Б» и «В». Как писал сам Курчатov, до мая 1945 г. не было надежд построить уран-графитовый реактор [5, с.293]. Завод «А» выдал первую партию конечного продукта (оружейный плутоний) в июле 1948 г. Взрыв американской бомбы, который якобы планировался осенью 1944 г., задолго до Ялтинской конференции союзников, создал бы принципиально новую ситуацию в антинацистской коалиции, обеспечив США все преимущества и разрушив «семейный круг».

Но и без ошибочных прогнозов советских резидентов, оказавшихся вблизи Лос-Аламоса, отношения внутри Большой тройки грозили взорваться, когда из ряда источников поступила информация об очередной встрече Рузвельта и Черчилля сначала в канадском Квебеке с 11 по 16 сентября (кодовое название «Октагон»), а затем 18 сентября 1944 г., где двумя лидерами накануне Ялты была согласована и подписана секретная памятная записка (*aide-mémoire*) о продолжении англо-американского сотрудничества по разработке атомного оружия (“Tube Alloys”), сохраняя его в глубокой тайне от всего остального мира и особенно от России. Во избежание «утечек» указывался главный источник опасности – «гениальный» (если воспользоваться эпитетом Курчатова) Нильс Бор, который ради предотвращения грандиозного конфликта великих держав после победного фейерверка призывал их найти ресурс благоразумия и поставить ядерное оружие под международный контроль [36, с.119]. Современный историк пишет, что это соглашение стало победой для Англии. И добавляет: «В это же время сэр Джон Андерсон»¹⁵ сказал канадскому премьеру Маккензи Кингу, что атомное оружие «позволит контролировать мир любой стране, которая использует его первой, ...бомба станет мощным фактором из-за абсолютного контроля послевоенного мира страной, которая овладеет секретом» [39, p.180].

¹⁵ Физик, консультировавший английский кабинет по проблемам научных исследований.

Из-за циничности и нескрываемой враждебности к СССР языка *aide-mémoire* можно было даже засомневаться в отношении ее авторства. Но в данном случае источник информации был очевидно хорошо осведомлен и знал о всех деталях встречи Рузвельта и Черчилля в Гайд-Парке накануне Крымского саммита. С очень большой вероятностью им мог быть Дональд Макклин, член знаменитой кембриджской пятерки и первый секретарь английского посольства в Вашингтоне, переведенный на этот высокий дипломатический пост в мае 1944 г. Ему ничего не стоило отследить маршрут британского премьера после встречи в Квебеке, а войти в доверие ближайших помощников Черчилля аристократическому и обаятельному посольскому дипломату также не требовало больших усилий. Дональд Макклин покинул США в сентябре 1948 г., вернувшись в Англию [41, p.122–140].

Трудно сказать, был ли Курчатов посвящен в эти дипломатические секреты, но косвенно они касались и его. Примерно в то же время Ю.Б.Харитон в КБ-11 в Сарове набрасывал *первичный* перечень мероприятий и материалов, необходимых для производства опытных образцов атомной бомбы [5, с.129]. Но по одному только лаконичному наброску проекта распоряжения ГКО можно было судить, какой трудный путь предстояло еще пройти головному отделу Лаборатории №2, прежде чем «модельная установка» оправдает свое назначение. Пожалуй, никто кроме И.В.Курчатова еще по-настоящему не мог себе представить реального объема научно-исследовательских, опытно-конструкторских, строительных, кадровых, административно-организационных и вспомогательных задач, которые предстояло осуществить, прежде чем «изделие» уйдет на полигон. А пока шло обустройство сотен научных сотрудников, откомандированных из различных институтов АН СССР или только-только демобилизованных в 1945 г. из армии. Они заново для себя открывали новую физику и привыкали жить за колючей проволокой [18, с.23]. К тому времени в США был завершен полный цикл работ над атомной бомбой. Она еще не была испытана в Аламогордо, а большая часть ученых Лос-Аламоса еще не успела покинуть «Чистый ручей»¹⁶ и разбежаться по университетам. Однако ранней весной 1945 г. деятельность команды Роберта Оппенгеймера приближалась к финалу.

¹⁶ «Чистый ручей» – местность вблизи авиационной базы Аламогордо (штат Нью-Мексико), где было построено жилье для членов команды Р.Оппенгеймера.

В середине марта 1945 г. Курчатов пишет Берия о необходимости выработки предварительных условий «на техническую разработку проектов урановой атомной бомбы» [5, с.243]. Речь шла только о «предварительных условиях», они нарастали как снежный ком и скорее удаляли, чем приближали Курчатова и его проект к цели. Еще в феврале 1945 г. Лаборатория №2 страдала от постоянных отключений электроэнергии, производимых Мосэнерго. Но самым больным местом помимо кадрового вопроса было отсутствие сложного технического оборудования, к которому советским ядерщикам доступ был полностью закрыт. Ни о закупках на Западе, ни о передаче займы или в аренду не могло быть и речи. Трофейное оборудование было устаревшим и малоэффективным. Постоянное упоминание в служебных записках и отчетах Курчатова в 1944 г. о разнице в оснащении циклотронами западных союзников (20 циклотронов в США и Англии) и СССР (2 циклотрона малой мощности) говорит само за себя.

Однако не нужно было пересчитывать по пальцам циклотроны, достаточно было взглянуть на территорию к западу от Москвы, на разрушенные промышленные города и разграбленные лаборатории научных учреждений. Любые сравнения были не в пользу русских. Генерал Джон Дин, глава военной миссии США в Москве, рассматривая всю проблему в категориях культуры производства, производительности труда, полагал вообще невозможным для русских построить современные предприятия атомной промышленности. Генерал не испытал бы никакого беспокойства вообще, если бы знал, что производство металлического урана в СССР было начато только в конце 1944 г. на заводе подмосковной Электростали [25, с.146–156; 14, с.74–80]. Первый реактор по производству плутония был введен в действие лишь в июне 1948 г.

В критические моменты Курчатов не делился ни с кем своими переживаниями. Ю.Б.Харитон, вспоминая о том времени и о себе, говорит об особых тяготах заключительной стадии войны и тройном напряжении послевоенных лет, когда после Хиросимы появилось ощущение оказаться вечно догоняющими в обстановке полной неуверенности в надежности международных институтов мира. Он писал: «Я поражаюсь и преклоняюсь перед тем, что было сделано нашими людьми в 1946–1949 годах. Было нелегко и позже. Но этот период по напряжению, героизму, творческому взлету и самоотдаче не поддается описанию... Через четыре года после окончания смертельной схватки с фашизмом моя страна ликвидировала монополию США на обладание атомной бомбой» [27, с.165].

Невозможность к первоначально намеченным срокам реализовать научные идеи, обсуждавшиеся на закрытых семинарах в еще не обустроенных Лаборатории №2 или в КБ-11, оборачивалась реальными опасениями потерять завоеванную безопасность страны. Об этом «открытым текстом» писали в своих донесениях законспирированные агенты ГРУ [5, с.44]. Каких бы взглядов на проводимый политический курс ни придерживались советские ученые-ядерщики, для них, живших в принципиально новой ментальности, самым существенным было не допустить закрепления за США гегемонии и опережающего типа развития в атомном деле, и не только. Трудившиеся в самых нелегких условиях разные люди были объединены чувством внутреннего патриотизма. Именно оно и позволило избежать стране худшего.

Собранные под началом Курчатова ученые и специалисты лучше других понимали, как дорого может обойтись затянувшееся отставание. Самокритично оценивая соотношение сил в развернувшейся гонке за атомным оружием, Курчатов допускал возможность конфликта с противником¹⁷. Приблизительно стало известно даже о предстоящем первом испытании атомной бомбы в США. В феврале 1945 г., еще находясь под воздействием атмосферы Ялтинской конференции, советские разведывательные органы подтвердили свою озабоченность форсированным характером работы в двух атомных центрах США – в Вудс Холле (штат Теннесси) и Лос-Аламосе (штат Нью-Мексико). Среди важных сведений о «ходе работ (в США) по созданию атомной бомбы большой разрушительной силы» отдельной строкой было выделено следующее положение. «Первый опытный "боевой" взрыв ожидается через 2–3 месяца», т.е. где-то в апреле–мае 1945 г. Письмо на имя Л.П.Берия было подписано народным комиссаром государственной безопасности Союза ССР В.Меркуловым 28 февраля 1945 г. В дальнейшем по данным вполне достоверных агентурных источников было уточнено, что проведение первого экспериментального взрыва атомной бомбы в США намечено

¹⁷ И.В.Курчатов, возможно, не знал, что такой же суровой критике работа Лаборатории №2 была подвергнута руководством советской разведки за «беспечность», как это казалось П.М.Фитину (в годы войны начальник ГРУ) и другим; за «безучастность» к самоотверженной работе советских агентов в США, рискующих жизнью, добывая сведения об американских приготовлениях к атомной войне [5, с.237, 238]. Вопросы «конспирирования» и сохранения секретов в Лаборатории №2 находились, вопреки мнению Фитина, в надлежащем состоянии.

на 10 июля 1945 г. [5, с.234–237, 335]. Сталин не мог не знать об этой информации.

Для четкого представления о дистанции, отдалявшей научные достижения Оппенгеймера, Лоуренса, Теллера, Бете, Альвареса, Сербера и других в Лос-Аламосе, Хэнфорде и Оук-Ридже от уровня, достигнутого в СССР, нужно помнить, что группа, созданная для конструирования советской бомбы во главе с Ю.Б.Харитоновым и В.И.Меркиным, все еще продолжала трудиться в стенах Лаборатории №2 в Покровском-Стрешневе, на тихой московской окраине. Сам Курчатов в записке Берия от 13 марта 1945 г. о необходимости проведения конструкторских работ, ничего не писал о том, какие следовало ждать сюрпризы от урана, использованного в бомбе. «Наши сведения о свойствах урана, – утверждал он, – еще не полны...» [5, с.243]¹⁸.

Записка от 13 марта 1945 г. может служить примером дипломатического искусства И.В.Курчатова, его умения исподволь, без шума и треска, не подвергая коллектив разносам крутого начальства одновременно избегать любой огласки как дружественной, так и враждебной. Завершался лишь первый, подготовительный этап работы. Еще не были выбраны площадки для крупных атомных заводов на Урале и в Сибири, далеко не полностью было сформировано ядро опытных ученых и конструкторов, допущенных к секретным объектам и согласных иметь дело с малоизвестной материей. Не были выделены средства для создания отряда молодой поросли физиков-теоретиков и физиков-экспериментаторов, способных работать на гигантских атомных предприятиях.

Библиографический список

1. Александров А.П. Годы с И.В.Курчатовым // Курчатов в жизни: письма, документы, воспоминания (из личного архива) / Авт.-сост. Р.В.Кузнецова. М.: РНЦ «Курчатовский ин-т»: Изд-во Главархива Москвы, 2007. С.460–466.
2. Александров А.П. Необычайная ответственность // Воспоминания об Игоре Васильевиче Курчатове / Отв. ред. А.П.Александров. М.: Наука, 1988. С.175–178.

¹⁸ *Тактико-техническое задание на первую советскую атомную бомбу было подготовлено в 1946 г. в созданном для этого задания специальном научно-исследовательском центре КБ-11 в Сарове, ставшем Арзамасом-16.*

АТОМНОЕ ОРУЖИЕ – ДЕТАНАТОР ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

3. Альтшулер Л.В., Бриш А.А., Смирнов Ю.Н. На пути к первому советскому атомному испытанию // История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования. СПб.: РХГИ, 2002. Вып.2 / Отв. ред. и сост. В.П.Визгин. С.11–48.
4. Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3-х т. / Под общ. ред. Л.Д.Рябева. М.: Наука: Физматлит, 1998. Т.1. 1938–1945. Ч.1 / Отв. сост. Л.И.Кудинова. 432 с.
5. Атомный проект СССР. Документы и материалы. М.: Изд-во МФТИ, 2002. Т.1. 1938–1945. Ч.2 / Под общей ред. Л.Д.Рябева. 797 с.
6. Атомный проект СССР. Документы и материалы. М.; Саров: Наука, Физматлит, 2000. Т.П. Атомная бомба. Кн.2 / Под общей ред. Л.Д.Рябева. 536 с.
7. Барковский В.Б. Участие научно-технической разведки в создании отечественного атомного оружия // Наука и общество. История советского атомного проекта (40-е – 50-е годы). Тр. Междунар. симпоз. ИСАП-96. В 3-х т. М.: ИздАТ, 1997. Т.1. С.49–61.
8. Вернский Л. Светляки памяти // Капица, Тамм, Семенов в очерках и письмах. М.: Вагриус, 1998. С.383–400.
9. Воспоминания об Игоре Васильевиче Курчатове / Отв. ред. А.П.Александров. М.: Наука, 1988. 496 с.
10. Герген Г. Братство бомбы. Подробная и захватывающая история создания оружия массового поражения. М.: Аст-Астраль, 2008. 608 с.
11. Гефтер М. Практикующая химера // Серия «Весь Гефтер». Кн. вторая. Смерть–гибель–убийство. М.: Утопос, 2000. 199 с.
12. Головин И.Н. И.В.Курчатова и Фредерик Жолио-Кюри // Воспоминания об Игоре Васильевиче Курчатове / Отв. ред. А.П.Александров. М.: Наука, 1988. С.350–358.
13. Горобец Б.С. Ядерный реванш Советского Союза. Об истории атомного проекта СССР. М.: Красанд, 2013. 345 с.
14. Дровенников И.С., Романов С.В. Уран-45 // Природа. 2004. №6. С.74–80.
15. Есаков В.Д., Рубинин П.Е. Капица, Кремль и наука. М.: Наука, 2003. Т.1. Создание Института физических проблем, 1934–1938. 655 с.
16. Игорь Васильевич Курчатова в воспоминаниях и документах / Научн. ред. Ю.Н.Смирнов. 2-е изд., перераб. и дополнен. М.: ИздАТ, 2004. 667 с.
17. Иоффе Б.Л. «Труба», почему она не пошла. Тяжеловодные реакторы в ИТЭФ // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е – 50-е годы). Тр. Междунар. симпоз. ИСАП-96. М.: ИздАТ, 1999. Т.2. С.207–244.
18. История советского атомного проекта. Документы, воспоминания, исследования. СПб.: РХГИ, 2002. Вып.2 / Отв. ред. и сост. В.П.Визгин. 655 с.
19. Капица П.Л. Научные труды. Наука и современное общество. М.: Наука, 1998. 539 с.
20. Курчатова в жизни: письма, документы, воспоминания (из личного архива) / Автор-сост. Р.В.Кузнецова. М.: РНЦ «Курчатоваский ин-т», Изд-во Главархива Москвы, 2007. 623 с.

21. Лота В.И. ГРУ. Испытание войной. Военная разведка России накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Кучково поле, 2010. 718 с.
22. Лэпп Р. Атомы и люди. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 287 с.
23. Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В.Сталина с Ф.Рузвельтом и У.Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Док. исследование. М.: Олма Медиа Групп, 2015. Т.1. 655 с.
24. Позняков В.В. Союзники особого рода: советские разведывательные службы в Соединенных Штатах в начале Второй мировой войны // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование / Ред. А.О.Чубарьян, Б.А.Рубл. М.: Олма Медиа Групп, 2007. С.119–136.
25. Решетников Ф.Г. Становление и развитие промышленного производства урана и трансурановых элементов для оборонной отрасли в Советском Союзе // Наука и общество: история советского атомного проекта. Тр. Междунар. симпоз. ИСАП-96. М.: ИздАТ, 1997. Т.1. С.146–155.
26. Флеров Г.Н. Всему мы можем научиться у Курчатова // Курчатова в жизни: письма, документы, воспоминания (из личного архива) / Авт.-сост. Р.В.Кузнецова. М.: РНЦ «Курчатowski ин-т»: Изд-во Главархива Москвы, 2007. С.471–476.
27. Харитон Ю.Б. Эпизоды из прошлого / Отв. ред. Р.И.Илькаев. Саров: РФЯЦ – ВНИИЭФ, 1999. 243 с.
28. Харитон Ю.Б. Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно? // Игорь Васильевич Курчатова в воспоминаниях и документах / Научн. ред. Ю.Н.Смирнов. М.: ИздАТ, 2004. С.434–437.
29. Харитон Ю.Б., Смирнов Ю.Н. О некоторых мифах и легендах вокруг советских атомного и водородного проектов // Игорь Васильевич Курчатова в воспоминаниях и документах / Научн. ред. Ю.Н.Смирнов. М.: ИздАТ, 2004. С.415–433.
30. Харитон Ю.Б. Путь длиною в век. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2005. 557 с.
31. Brown A. The Neutron and the Bomb. A Biography of Sir James Chadwick. Oxford; N.Y., 1997.
32. Dallek R. The Lost Peace. Leadership in a Time of Horror and Hope, 1945–1953. N.Y.; L.; Toronto; Sidney; New Delhi, 2010. 420 p.
33. Ferguson N. The Meaning of Kissinger. A Realist Reconsidered // Foreign Affairs. Vol.94, N5. Sept.–Oct. 2015. P.134–143.
34. Freedman L.D. Frostbitten. Decoding the Cold War, 20 Years Later // Foreign Affairs. Vol.80, N2. March–April, 2010. P.136–144.
35. Hershberg J.G. James B.Conant. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press, 1993. 948 p.
36. Holloway D. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy 1939–1956. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1994. 464 p.

АТОМНОЕ ОРУЖИЕ – ДЕТАНАТОР ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

37. Holloway D. The Soviet Union and the Creation of the International Atomic Energy Agency // Cold War History. Vol.16, N2. May 2016. P.177–193.
38. Norris R.S. Racing for the Bomb. General Leslie R. Groves. The Manhattan Project's, Indispensable Man. South Royalton; Vermont, 2002. 722 p.
39. Rosenberg J. Before the Bomb and After: Winston Churchill and the Use of Force // Cold War Statesman Confront the Bomb. Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by J.L.Gaddis, P.H.Gordon, E.R.May, J.Rosenberg. Oxford: Univ. Press, 1999. P.171–193.
40. Stone O., Kuznick P. The Untold History of the United States. N.Y.; L.; Toronto; Sidney; New Delhi., 2012. 750 p.
41. West N. Venona. The Greatest Secret of the Cold War. L.: Harper Collins Publishers, 1999. 384 p.

(Окончание следует)

Игорь Максимычев

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА¹

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК 94(430)087

Внутренний кризис назревал в ГДР давно, но положение нельзя было назвать отчаянным. Руководство СЕПГ и правительство республики располагали достаточно сильными рычагами для того, чтобы регулировать ход событий. В то же время отсутствие заранее выработанной программы действий на период после отставки Эриха Хонеккера возымело самые разрушительные последствия. Попытки спешно выработать новую концепцию, а затем согласовать ее с Москвой привели к недопустимой потере времени, которой воспользовались внешние и внутренние силы, добивавшиеся не реформы ГДР, а ее упразднения. Дополнительное деструктивное воздействие на обстановку в ГДР оказала неуверенность партийного актива среднего звена в поддержке республики со стороны вождей советской перестройки. В дискуссиях в СССР с участием «специалистов по Германии» и даже в советских СМИ все чаще появлялись высказывания в пользу «слияния» ГДР и ФРГ. Ясного и четкого отпора такие информационные вбросы не встречали. Погребальный колокол по ГДР прозвучал только в тот момент, когда неразбериха и несогласованность в высших эшелонах власти республики вызвали вынужденное упразднение контроля на линии секторального разграничения между столицей ГДР и Западным Берлином. Именно тогда начался отсчет последних дней существования ГДР.

The internal crisis in the German Democratic Republic was ripening for a long time, but the situation could not be defined as desperate. The Socialist United Party of Germany leadership and the government of the GDR had at their disposal rather powerful levers that allowed regulating the course of events. At the same time lack of a program of actions in the period upon resignation of Erich Honecker had disastrous consequences. Attempts to develop a new concept in a hurry and then to accommodate it with Moscow led to inadmissible waste of time. External and domestic forces that sought not to reform the GDR but to abolish it took advantage of that waste of time. Uncertainty of the middle-level party management in respect of their actions by the leaders of the Soviet perestroika had the additional destructive impact on the situation in the GDR. The toll for the GDR rang out at the moment when the confusion and lack of coordination in the highest echelons of power led to forced abolition of control over the line of demarcation between the capital of the GDR and West Berlin. It was precisely the moment when the countdown to the end of the GDR began.

Ключевые слова: ФРГ; Западный Берлин; германский вопрос; Берлинская стена; перестройка.
Key words: Federal Republic of Germany; West Berlin; the German question; the Berlin Wall; perestroika.

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2016. №4.

Неустойчивое равновесие

В понедельник 30 октября посол оценил ситуацию так: «Ближайшие 10–12 дней – решающие». Он продолжал: «Демонстрантами выдвинут широкий спектр требований – профсоюзы (смена Тиша), роспуск боевых дружин рабочего класса. Схожесть с требованиями наших неформалов: отмена привилегий, контроль над органами внутренних дел. Новый момент – друзья начинают перехватывать инициативу в деле проведения митингов и демонстраций. Шабовский проявил себя настоящим бойцом, его начинают все больше слушать. Одновременно выявились люди в руководстве (и на всех уровнях), которые не могут говорить с массами. Задача – не дать разрастись демонстрациям. Надо работать с тем большинством, которое еще не определилось. Не допускать забастовок – нужна работа в рабочих коллективах. Однако все больше рабочих принимает участие в демонстрациях (особенно в южных округах). Пик обострения еще не прошел. Кренц завтра летит в Москву (во второй половине дня). 1 ноября встреча Горбачева с ним. Важны вопросы работы СМИ ГДР, в том числе реформа телевидения. Тут нужно, чтобы друзья соблюдали меру и не повторяли наших ошибок. Уход людей на Запад вызвал экономические проблемы – в Лейпциге ушли 50% водителей автобусов, закрываются магазины, ослабляется медицинское обслуживание населения. ФРГ добивается реформ в ГДР в духе Венгрии и мобилизует свою агентуру в ГДР, чтобы сбивать с толку население. Состоялся телефонный разговор Кренца с Колем – выявилось совместное стремление к развитию отношений, особенно экономических. Наша задача – точно, честно и объективно давать информацию в Москву о положении в ГДР. Не по мелочам, а по главным моментам. Не приукрашивая и не впадая в панику».

30 октября у меня состоялась беседа с членом ЦК СЕПГ, секретарем центрального совета ССНМ² Йохеном Виллердингом, с которым мы были давно знакомы. По его оценке, имелись «основания для оптимизма, но нужны быстрота и радикальность [действий]. Очень важно создать "устойчивый стереотип" Эгона Кренца как синонима преобразований. В партии очень сильны консервативные, сектантские силы. Поэтому цель – избежать на предстоящем пленуме ЦК нападок на Кренца как на "изменника". Вместе с тем Кренцу надо завоевывать свой профиль. До назначения [на пост генерального секретаря] его у него не было. В последнее время нападки на Кренца ослабли. Большую роль сыграли его телефо-

² *Союз свободной немецкой молодежи.*

наты с Горбачевым и Кодем. Но надо и дальше противодействовать нападкам. Пример Китая показал, как нельзя пытаться решать внутренние проблемы. Кренц предотвратил расправу с демонстрантами в Лейпциге (тогда положительную роль сыграл Хергер³). Нужна комиссия по расследованию обстоятельств выборов 7 мая. На пленуме ожидается основательное обновление партийного руководства. Мало кто из нынешнего состава способен говорить с массами: Шабовский, Модров и – все. Что касается молодежной организации, то не все еще потеряно».

Прогноз посла о предстоящих 10–12 решающих днях оказался провидческим. До 9 ноября, когда перестала функционировать Берлинская стена, действительно оставалось 10 дней. Однако вряд ли кто-либо мог себе представить, что именно случится через эти 10 дней.

Во вторник 31 октября посол информировал нас о впечатлениях, которые сложились у него после беседы с Кренцом накануне.

«Идет формирование команды, – говорил он. – Пожилые члены политбюро ЦК СЕПГ обратились с просьбой освободить их от обязанностей. Развернулась сильная атака на Тиша. Возможно, ему придется уйти. Вчера в Лейпциге демонстрировали 30–40% приезжих (автомашины с номерами из других округов). Полицейских не было видно. Экстремистских лозунгов не наблюдалось (в частности, лично против Кренца). Были требования ухода Маргот Хонеккер⁴. "Новый форум" имеет ядро (правление) из 40 человек. Есть и подрывные, контрреволюционные силы. В целом форум насчитывает 40 тысяч членов. Налицо опасения друзей в связи с 4 ноября, на которое назначена демонстрация артистов, деятелей культуры в Берлине (на Плац-дер-Академи). Надо перехватывать инициативу и перенести демонстрацию на Александер-плац. В руководстве СЕПГ нет людей, которые могут говорить с народом. В провинции это могут делать только Лоренц⁵, Эберляйн⁶, Беме⁷, Бергхофер в Дрездене. Растет нажим на Вилли Штофа. Кренц пока настроен сохранить его. Кренца беспокоят дела с экономикой. Снизить жизненный уровень на 20% – это конец⁸. Дело в том, что долго жили в кредит. Нужно

³ Вольфганг Хергер – председатель комитета национальной обороны Народной палаты.

⁴ Маргот Хонеккер – министр образования ГДР, супруга Э.Хонеккера.

⁵ Зигфрид Лоренц – член политбюро ЦК СЕПГ, первый секретарь окружкома Карл-Маркс-штадт.

⁶ Вернер Эберляйн – первый секретарь окружкома СЕПГ Магдебург.

⁷ Ханс-Йоахим Беме – член политбюро ЦК СЕПГ, первый секретарь окружкома Галле.

⁸ В СМИ появились спекуляции на тему о том, что оздоровление экономики ГДР повлечет за собой значительное снижение уровня жизни населения, при этом ссылались на мнение

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

обновление основного капитала, а денег нет. Ощущается и нехватка людей. ФРГ ведет двуличную политику, [публикуются объявления типа]: "Нужны булочки". На обратном пути из Москвы Кренц остановится в Варшаве (на 6–7 часов)».

Вопрос о перенесении давно запланированного на 4 ноября организацией деятелей культуры ГДР «Культурбунд» митинга с маленькой площади у здания Государственной оперы на гораздо более вместительную Александер-плац возник в связи с тем, что желающих участвовать в нем оказалось неожиданно много. И действительно, этот митинг стал самым многочисленным за всю историю ГДР – собралось около миллиона человек.

Утром **в среду 1 ноября** еще не было информации о результатах переговоров Кренца, и посол подробно остановился на программе пребывания лидера ГДР в СССР (беседа с Горбачевым, официальный обед, пресс-конференция, возвращение в Берлин без заезда в Польшу – «в Варшаву он полетит отдельно»). Посол остановился на необходимости интенсифицировать деятельность посольства: «Нам надо работать быстрее, расширять контакты, [проявлять] ответственность и инициативу, смотреть [на проблемы] шире, [соблюдать] особый режим работы». Он занялся также обсуждением деталей проведения государственного приема в честь годовщины Октябрьской революции. Согласно моей записи, посол сказал: «Прием 6 ноября без стола президиума, без оркестра. Поставить пять квадратных столов». Он действительно был озабочен тем, чтобы наглядно показать, что наступили новые времена. По традиции на нашем главном приеме года в Гербовом зале посольства выделялась особая площадка для членов политбюро ЦК СЕПГ, посещавшего прием в полном составе. Она отделялась от зала длинным столом, перекрывавшим остальным гостям прямой доступ к руководству ГДР. На сей раз посол решил устранить этот барьер для общения с высшим эшелонem власти, чтобы продемонстрировать наступление эры демократии. Приглашение центрального духового оркестра Группы советских войск в Германии (она только что была переименована в Западную группу войск) для музыкального сопровождения приема было давней традицией. Однако посол сомневался в уместности приглаше-

кандидата в члены политбюро ЦК СЕПГ, председателя Государственной плановой комиссии ГДР Герхарда Шюрера.

⁹ *Название зала определялось украшавшими его 16 гербами союзных республик (в 1951 г., когда завершилось строительство здания посольства, в СССР входило именно такое число республик).*

ния, считая, что отсутствие оркестра также подчеркнет глубину происходящих перемен.

Днем **1 ноября** в посольстве состоялось давно запланированное заседание смешанной комиссии СССР–ГДР¹⁰. На нем должны были обсуждаться вопросы водопользования, военных перевозок по железной дороге, принципов передачи властям ГДР освобождаемых ЗГВ военных городков. Не самые «горячие» проблемы, но решать их все равно надо было. Впрочем, решений по существу на этом заседании найдено не было.

По мере нарастания остроты кризиса ГДР взаимоотношения между ЗГВ и населением ГДР постепенно приобретали все большее политическое значение для обеих сторон. В целом их состояние не вызывало пока особого беспокойства. Основная масса восточных немцев воспринимала советских солдат как гостей и защитников. Серьезную воспитательную работу в этом направлении проводило Общество советско-германской дружбы (ОСГД), членами которого было практически все взрослое население республики. Аналогичную работу вели и политорганы ЗГВ, организовывавшие дискуссионные встречи и другие коллективные мероприятия с участием местного населения. Активная поддержка докладчиками из ЗГВ идей советской перестройки привела даже к тому, что руководство СЕПГ «посоветовало» ОСГД сократить контакты с группой. В то же время соседство военных полигонов, аэродромов, танкодромов и казарм с населенными пунктами страны пребывания не обходилось без взаимных претензий, тем более что речь шла о такой плотно заселенной территории, какой была Восточная Германия. В частности, проявляли недовольство уровнем авиационного шума жители населенных пунктов по соседству с военно-воздушными базами. Изредка имели место «самоволки» военнослужащих, их проникновения в дачные постройки, порча инвентаря. Проблематика взаимоотношений между ЗГВ и населением республики стала понемногу перемещаться на транспаранты уличных демонстраций, выдвигаясь таким образом в центр внутривнутриполитических дискуссий в ГДР.

¹⁰ Под этим интригующим названием скрывался двусторонний орган, задачей которого было в предварительном порядке рассматривать вопросы, возникавшие в связи с пребыванием советских войск на территории ГДР. Сопредседатели комиссии – посол СССР и статс-секретарь МИД ГДР Герберт Кроликовский; секретари – советник-посланник посольства СССР и заведующий отделом СССР в МИД ГДР Штайнхофер. В состав комиссии входили также представители главного командования ЗГВ и руководства министерства обороны ГДР.

На правах гостеприимного хозяина заседание открыл Кочемасов. Он сказал: «На повестке дня стоят важные вопросы. Задачей является укрепление обороноспособности и сотрудничества между вооруженными силами наших стран. Здесь имеет значение политическая сторона проблематики. Комитет министров иностранных дел Организации Варшавского договора на своем заседании в Варшаве высказался за постепенное придание ОВД более политического характера. Мы в ГДР несем особую ответственность за обеспечение безопасности [в Европе]. Сейчас происходит сокращение войск и вооружений¹¹. Первый этап прошел успешно. [Как всегда], ЗГВ ощущала поддержку со стороны органов власти ГДР. Наступает второй, еще более крупный этап сокращения».

Со своей стороны Кроликовский заявил: «В нашей работе мы исходим из тех же предпосылок, что и вы. Комиссия должна работать эффективней. Нужно, чтобы люди понимали смысл нашей работы и не видели оснований для вмешательства в нее извне. Наша работа диктуется не улицей, но не надо давать ей повод выступать. Тематика работы комиссии будет затронута и во время [предстоящих] переговоров Кренц–Горбачев. Противник пытается подорвать социализм в ГДР [путем] ослабления государств через расшатывание союза [Организации Варшавского договора]. Но демонстрации не добавляют хлеба или иных продуктов. В нашей работе мы должны учитывать интересы населения ГДР, не допускать положения, которым мог бы воспользоваться Запад. Сейчас пропаганда ФРГ концентрируется на экономических проблемах ГДР. Следующий шаг в этой пропаганде – [утверждения о] невыгодности для ГДР экономических отношений с СССР. Затем, несомненно, наступит черед и самого союза – [требование] выхода ГДР из него и вывода советских войск. Нужно учитывать это. Сейчас характер работы комиссии существенно изменился: нужно решать действительно важные вопросы».

В последовавшей рабочей дискуссии доминировали экологическая проблематика и финансовые вопросы. В области водопользования представители ГДР указывали на сохраняющееся загрязнение водоемов, поверхностных и грунтовых вод вследствие протечек в бензохранилищах ЗГВ, проведения маневров и т.д. Посол обещал, что наши военные «дополнительно рассмотрят возможности улучшить постановку дела». В отношении железнодорожных перевозок для нужд ЗГВ сотрудники министерств обороны и финансов ГДР жаловались на то, что вагоны, предоставляемые МПС СССР в аренду, находятся в ЗГВ значительно

¹¹ В марте 1989 г. президиум Верховного совета СССР издал указ о сокращении численности Советской армии на 500 тыс. чел.; из ГДР должны были быть выведены две дивизии.

дольше нормативов для гражданского транспорта, причем соглашения о тарифах безнадежно устарели; в результате задолженность по простоям вагонов составила 6,5 млн марок, а тарифные выплаты не покрывают расходов. Стороны согласились создать специальную совместную рабочую группу для подготовки «долгосрочного решения». Не удалось сблизить позиции и по условиям передачи освобождаемых ЗГВ военных городков. Стороны по-разному толковали текст соглашения 1957 г. о размещении советских войск на территории республики. Представители ГДР настаивали на том, что переданная на правах аренды недвижимость должна возвращаться в отремонтированном виде; ЗГВ не хотела брать на себя расходы по ремонту. Кроликовский подчеркнул, что когда городки стоят пустыми и «без хозяина», то это невыгодно для всех: для ГДР, поскольку возникает еще одна тема для дискуссий, «а их у нас и без того предостаточно», и для ЗГВ, потому что «растет объем необходимого ремонта». Порешили поручить юристам с обеих сторон еще раз постараться найти компромиссное решение. На этом заседании комиссии завершилось.

В ночь с **1 на 2 ноября** Совет министров ГДР отменил запрет на безвизовый выезд в социалистические страны, введенный накануне 40-летия республики. На следующий день границу с Чехословакией пересекли 8 тысяч граждан ГДР. Началось то, что на Западе поспешили назвать «исходом» и что послужило толчком к катастрофическому углублению экзистенциального кризиса республики.

Сообщение посла на совещании утром в **четверг 2 ноября** было целиком посвящено итогам встречи Кренца с Горбачевым. Посол отметил: «Тон беседы – деловой. Продлилась более трех часов. С глазу на глаз Кренц говорил о своих концепциях преодоления кризиса и просил совета. Он настроен на самое широкое сотрудничество с СССР. Обсуждались вопросы экономики, новых импульсов, межгосударственных и межпартийных связей, в том числе оперативной связи на высшем уровне. Затрагивалась проблематика предстоящего пленума ЦК СЕПГ. Там может возникнуть необходимость открыто сказать об ошибках бывшего руководства. Тревожит состояние партии. Будут даны поручения подумать над укреплением связей. Мы высоко оцениваем итоги визита. В ГДР идет сильный нажим снизу по важным вопросам и по персональным аспектам. На пленуме возможны потери. Хорошо, что Кренц побывал в Москве, отлично провел пресс-конференцию. Важно, как это воспринято здесь, в ГДР, среди населения. Продолжаются попытки создать параллельные профсоюзы, наблюдается возрождение темы воссоединения. Предстоит демонстрация 4 ноября на Александер-плац. Друзья готовят-

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

ся к ней. Ожидается самая крупная демонстрация в ГДР вообще. Будет выступать Шабовский. С 3 ноября в посольстве вводится особый режим работы: никто никуда не выезжает».

Как сочетать запрет на внешние контакты с поручением тщательно изучать обстановку, посол объяснять не стал. Поэтому основным источником информации для нас становилось телевидение как ГДР, так и ФРГ.

Совещания в **пятницу 3 ноября** не было: посол поддерживал постоянный контакт с доверенными лицами в аппарате ЦК СЕПГ. Всю полученную информацию о ходе проходившего в этот день заседания политбюро ЦК СЕПГ он немедленно лично передавал по телефону в ЦК КПСС. Утром в **субботу 4 ноября** он рассказал: «Заседание политбюро ЦК СЕПГ продолжалось практически целый день. Согласован текст выступления Кренца по телевидению. Могут быть персональные изменения, они отложены до пленума ЦК СЕПГ и сессии Народной палаты. Если удастся быстро активизировать партию, то удастся остановить процесс обострения. Вероятно нарастание требований – Запад регулирует темп и воздействует на развитие обстановки. Имеются попытки спровоцировать полицию – хотят добиться хотя бы одной жертвы от рук полицейских. У большого числа партийных работников преобладает подавленность, растерянность. Поведение Тиша¹² обострило положение на предприятиях. Профсоюзные организации пришли в движение. Увести людей с улицы не удастся. Последствия административного нажима и догматического давления сказываются до сих пор. Инициатива деятелей искусства (демонстрация 4 ноября) подхвачена "Новым форумом" и частично блоковыми партиями. Новые претензии Герлаха: на встрече дипкорпуса с Кренцом 3 ноября Герлах был в центре внимания дипломатов. Он сам считает себя человеком, без которого в республике ничего невозможно. Сегодняшняя демонстрация соберет около миллиона участников. На митинге будет выступать Шабовский (плюс еще 16 человек). Продлится не менее 3–4 часов. У оппозиции есть намерение организовать "цепочку" от Карл-Маркс-аллее до Бранденбургских ворот. Полиция будет блокировать. Бывшие граждане ГДР в Западном Берлине готовят "встречное движение" к стене. 10-й пленум ЦК СЕПГ (8–10 ноября) не будет простым: там много сторонников прежнего режима. Задача – сохранить единство ЦК. Хонеккер звонил Кренцу, спрашивал: "Что происходит?" Он ничего не понимает. Им полностью утрачен контакт с действительностью».

¹² Гарри Тиш долгое время отказывался подавать в отставку.

Было похоже, что контакт с действительностью не ладился не только у Хонеккера. Руководители ГДР так и не смогли полностью осознать крайнюю остроту ситуации. Митинг 4 ноября стал предвестником перелома в ситуации, после которого ничто в ГДР не могло оставаться прежним. На митинге выступили 27 ораторов – практически все, кто на тот момент обладал политическим весом в ГДР. Наряду с оппозиционерами говорили и представители традиционных партий: Гюнтер Шабовский, Манфред Герлах. Выступил Маркус Вольф – бывший руководитель внешней разведки ГДР, входивший в «прогорбачевскую фракцию». Их освистывали, но давали договорить до конца. Из числа восходящих политических звезд получил слово адвокат Грегор Гизи, будущий руководитель Партии демократического социализма (реформированной СЕПГ). Многие фразы из выступлений на митинге, который целиком транслировался по телевидению ГДР, разошлись на цитаты. «Сейчас будто кто-то открыл окно» (писатель Штефан Гейм). «Это общество отмечено печатью бюрократии, демагогии, слежки, злоупотребления властью и даже преступности» (писатель Кристоф Хайн). «Представьте себе – царит социализм, а никто не убегает» (писательница Криста Вольф). «Из Вандлица¹³ мы сделаем дом для престарелых» (актриса Штефи Шпира).

Республика в цейтноте

Прием в посольстве в **понедельник 6 ноября** прошел вполне благополучно. Народу было очень много. Пришли даже те, кого не приглашали. Вместо одного большого стола у площадки для политбюро ЦК СЕПГ было установлено несколько столов поменьше. Впрочем, нельзя сказать, что это привело к массовому наплыву желающих побеседовать с лидерами республики, хотя их состав только что значительно обновился. 1 ноября в отставку ушли Гарри Тиш, а также первые секретари окружкомов СЕПГ Ганс Альбрехт (Зуль) и Герберт Цигенхан (Гера), председатели ХДС (ГДР) Геральд Геттинг и НДПГ Хайнрих Хоман. На следующий день последовали отставки членов политбюро ЦК СЕПГ:

- Германа Аксена (председатель комитета по иностранным делам Народной палаты);
- Курта Хагера (руководитель идеологической комиссии ЦК);
- Эриха Мильке (министр государственной безопасности);

¹³ В особо охраняемом лесном поселке рядом с городком Вандлиц под Берлином располагались резиденции членов политбюро и секретарей ЦК СЕПГ.

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

- Эриха Мюккенбергера (председатель центральной партийной контрольной комиссии);
- Альфреда Ноймана (первый заместитель председателя Совета министров).

Оркестр ЗГВ посол все же пригласил, и бравурная музыка в его исполнении оглушала присутствующих, делая невозможным любой разговор в прилегающих помещениях. Запомнилось, что в праздничных поздравлениях коллективу посольства (это произошло дважды: до начала приема и после его окончания) посол несколько раз повторил слова, сказанные Горбачевым при отлете из Берлина месяц назад: «Народ нам не простит, если мы потеряем ГДР». Видимо, Горбачев вернулся к этой мысли во время телефонного разговора с послом утром 6 ноября – генеральный секретарь ЦК КПСС имел обыкновение по большим праздникам лично поздравлять советских послов в социалистических странах. Однако в словах посла не было победной твердости, они звучали скорее как заклинание, адресованное неумолимому року. До падения стены оставалось три дня.

В тот же день в печати ГДР для обсуждения в ходе открытой дискуссии был опубликован проект закона о поездках граждан республики, а также проект инструкции по его исполнению; населению предлагалось в период до 30 ноября сообщить в Совет министров ГДР свое мнение и возможные предложения по этим документам. Проекты предусматривали право всех жителей ГДР на поездки за границу и получение с этой целью загранпаспорта и выездной визы. В срочных случаях обработка документов занимала бы три дня; обычно же – 30 суток. Поездки ограничивались по времени. Решение принимали полицейские власти. Заявки о временном выезде надлежало подавать в паспортные и регистрационные отделы полицейских участков; заявки о выезде на постоянное место жительства – в отделы внутренних дел районных советов, которые обязывались принять решение в течение трех – самое большее, шести месяцев. Опубликованные проекты немедленно вызвали практически единодушный отказ уличных демонстрантов одобрить их. Вечером в Лейпциге состоялась самая многочисленная «демонстрация по понедельникам» (около полумиллиона участников). Главными лозунгами стали «Закон о поездках без ограничений!» и «Покончить с монополией СЕПГ на власть!» И это вопреки тому, что даже предварительная публикация проекта закона привела к резкому сокращению количества эмигрантов. Печать ГДР опубликовала 7 ноября статистические данные, согласно которым поток граждан республики, прибывших в первой половине 6 ноября на баварский КПП Ширндинг, составил лишь 60–70

человек, в то время как в предыдущие дни он держался на уровне 300 человек в час.

Во **вторник 7 ноября** (старшее поколение помнит, что это был в СССР праздничный день) меня пригласил на беседу заместитель министра иностранных дел ГДР Курт Нир, только что вернувшийся из США, которые он посетил для консультаций с государственным департаментом. Он просил передать в Москву информацию об итогах своих переговоров в Вашингтоне, где с ним встречался заместитель госсекретаря США Лоуренс Иглбергер, который пожелал выслушать комментарии Нира касательно ситуации в ГДР. Нир сообщил мне, что «американцы были очень заинтересованы в разъяснениях по поводу изменений в руководстве ГДР. Не было попыток поучать, "советовать". Иглбергер заявил: "Мы приветствуем изменения, а что делать дальше – это ваше дело. Для США важно, что реформы начались". Затрагивался также вопрос об отношениях ГДР–ФРГ и о дискуссии в ФРГ о "воссоединении". Накануне приезда Нира госсекретарь США Джеймс Бейкер заявил, что речь идет о "примирении на основе западных ценностей". Нир разъяснил: "Просто [идет] нормализация отношений ГДР–ФРГ". Американцы не полемизировали. Их интересовало также, как оценивает ГДР позиции СССР и ФРГ по "воссоединению". Нир ответил, что позиции ГДР и СССР совпадают, а в ФРГ много лицемерия и неонацизма. По поводу двусторонних отношений ГДР–США Иглбергер заметил, что "США заинтересованы в политическом диалоге с ГДР и в его расширении: очень важно знать позиции друг друга; консультации следует проводить чаще, чем один раз в год"». Вывод Нира: «Значение ГДР для американской политики возросло, конечно, не из любви к ГДР. Сейчас США не заинтересованы в "воссоединении": они не хотели бы подвергать риску свои отношения с СССР; объединенная Германия не была бы таким же послушным союзником США, как нынешняя ФРГ; в воздухе носится идея нейтрализации Германии; СССР не сможет отнестись безразлично; существует опасность, что процесс выйдет из-под контроля. В беседах с американцами ни разу не прозвучало слово "стена". Хорошо бы побудить американцев воздействовать на ФРГ, чтобы та по мере возможности способствовала ослаблению "психоза выезда" из республики¹⁴».

Помимо рассказа о своих переговорах в США (и Нидерландах, которые он также посетил) Нир затронул тему западной «берлинской ини-

¹⁴ Эмигранты из ГДР получали в ФРГ статус политических беженцев с большим набором льгот – от займов на специальных условиях до обеспечения жильем и гарантированного трудоустройства.

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

циативы», на которую надо было отвечать. Он сказал, что ГДР не возражает против четырехсторонней ответственности за «Берлин в целом» при условии, что она не будет затрагивать суверенитет республики. Это была серьезная подвижка в позиции ГДР, поскольку при Хонеккере четырехсторонняя ответственность была причислена к «исчадиям ада»; считалось, что «если кому-то что-то надо от ГДР, пусть обращается непосредственно к ней». Параллельно Нир подчеркнул: «Мы за стабильность. Всем, кто несет ответственность за безопасность в Европе или считает, что несет ответственность за нее, следует помнить, что ГДР является не только реальностью, но и основой безопасности на континенте». Он упомянул и о проблеме закупок американскими военнослужащими дефицитных товаров в Восточном Берлине, сообщив, что ГДР собирается обратиться по этому вопросу к трем державам, и выразив надежду на поддержку СССР этого демарша.

Приблизительно в это же время министр иностранных дел ГДР О.Фишер пригласил к себе посла СССР для консультаций по вопросу о регламентации зарубежных поездок граждан республики¹⁵. На спешно собранном утром в **среду 8 ноября** совещании старших дипломатов посол сообщил по данному поводу: «7 ноября был у Фишера; по этому же вопросу звонил Кренц. Дело в том, что чехи просят освободить их от канители с беженцами из ГДР¹⁶. В политбюро ЦК СЕПГ думают изложить часть закона о выезде на постоянное жительство так, чтобы выезд шел через ГДР, а не через ЧССР (поставить КПП рядом с точкой схождения границ ГДР, ФРГ, ЧССР). Эту часть закона немедленно ввести в действие. Э.А.Шеварднадзе (посол сразу же позвонил ему. – И.М.) сказал: "Если друзья считают это возможным, то возражений с нашей стороны, наверное, не будет". Однако он дал указание проработать вопрос. Ответ друзьям должен быть дан 9 ноября. Сегодня в 16.00 у здания ЦК СЕПГ

¹⁵ Эта беседа может служить примером ненадежности человеческой памяти как исторического инструмента. Я долго был убежден, что лично присутствовал на ней: перед глазами стояла четкая картина служебного кабинета министра, в котором находились пятеро – сам О.Фишер, его помощник Манфред Никлас, посол, советник посольства В.М.Гринин и я. Однако в моем ежедневнике отсутствует запись об этом; нет соответствующей заметки и в записной книжке. Так что приходится признать, что сохраняющаяся в памяти картина относится к какой-то другой беседе в том же составе.

¹⁶ С субботы 4 ноября до понедельника 6 ноября через Чехословакию в ФРГ выехали 23 000 граждан ГДР. От КПП у Дрездена до баварского КПП Ширндинг дороги на севере ЧССР оказались забитыми «трабантами» и «вартбургам» с номерами ГДР, что вызвало недовольство местных жителей.

проводится демонстрация членов партии Берлина под лозунгами: обновление руководства, наказание виновных, созыв партконференции¹⁷. 30% членов ЦК СЕПГ старше 60 лет; нет ни одного моложе 40 лет».

На последовавшем экспертном обсуждении идеи руководства ГДР, которую мы окрестили между собой проектом «дырки в границе», господствовало мнение, что нам не остается ничего иного, как воздержаться от возражений. Обстановка в ГДР была накалена донельзя, главным требованием демонстрантов оставалась «свобода поездок», терять дальше время означало рисковать внутренним взрывом, в такой ситуации «дырка в границе» представлялась наименьшим злом. Репутацией наиболее компетентного специалиста в германо-германских делах обоснованно пользовался советник посольства В.М.Гринин. Он высказался в том духе, что план Кренца и Фишера ведет к фактическому открытию германо-германской границы и их обращение к нам за советом вызвано намерением перестраховаться, «разделить ответственность» с нами на случай, если что-то «пойдет не так». Однако и с учетом этого обстоятельства отрицательный ответ с нашей стороны немыслим. Нам нечего предложить взамен. Да и не может входить в нашу компетенцию предлагать друзьям способы решения проблем, за возникновение которых они сами в значительной мере несут прямую ответственность. На этой основе и был составлен наш анализ проекта Кренца и Фишера, который мы направили в Москву. Эксперты МИД СССР пришли к аналогичным выводам. Руководство ГДР должно было получить из Москвы «карт-бланш» на обустройство «дырки в границе».

Начало конца

Утром в **четверг 9 ноября** мир еще был в относительном порядке. В своем сообщении на совещании посол уделил основное внимание работе открывшегося вчера трехдневного

плenums ЦК СЕПГ: «Процесс создания нового руководства СЕПГ, а также разработка концепций преодоления трудностей проходил трудно. Тактически заседание пленума 8 ноября было проведено правильно: выборы сначала. Состоялась констатация глубокого политического и экономического кризиса в ГДР. Накануне пленума каждый член ЦК получил информацию о беседе Горбачева с Кренцом. Создана комиссия по подготовке итогового документа пленума – программы действий. Важна

¹⁷ *Требование созыва партконференции выдвигалось средним звеном партийных функционеров с целью приступить к реформам, не ожидая очередного съезда СЕПГ.*

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

пресс-конференция Шабовского, проводимая ежедневно. Шабовский набирает силу на глазах. Партконференция нужна для обновления партии¹⁸. Появились неприятные нюансы в СМИ – газеты блоковых партий и окружные газеты СЕПГ стали выступать с резкой критикой партии и ее руководства. Абоимов И.П.¹⁹ даст сегодня ответ по вопросу о "дыре в границе" для беженцев из ГДР».

Много позже мы узнали, что в двух шагах от посольства, в здании МВД ГДР, практически одновременно с нашим утренним совещанием собрались четверо полковников (по два от МВД и МГБ), чтобы выполнить данное им соответствующими министрами поручение составить текст постановления правительства об изменении порядка выезда граждан ГДР на постоянное жительство в ФРГ. Полковники значительно отклонились от заданных параметров будущего постановления²⁰. Подготовленный ими проект касался всех видов выезда из республики и всей границы между ГДР и ФРГ, а также линии секторального разграничения в Берлине. Последний момент представлял особую важность для нас. Если ответственность за государственную германо-германскую границу лежала на ГДР²¹, то линия секторального разграничения в Берлине входила в сферу компетенции, прежде всего, СССР (точнее, МИД СССР), поскольку этот город во все годы существования двух германских государств сохранял особый статус, подтвержденный Четырехсторонним соглашением от 4 сентября 1971 г. Юридически три западных сектора Берлина оставались оккупированной территорией. Высшая власть там принадлежала военным комендантам трех западных держав, образующим вместе «Берлинскую союзническую комендатуру», регулярно заседавшую и утверждавшую решения сената Западного Берлина. Формально сохранялась четырехсторонняя ответственность за Берлин (как и за «Германию в целом»); поддерживалась фикция, что советский комен-

¹⁸ Кренц согласился на партконференцию с ограниченными полномочиями, чтобы избежать созыва внеочередного съезда СЕПГ.

¹⁹ Заместитель министра иностранных дел СССР, куратор отношений с социалистическими странами Европы.

²⁰ В 1994 г. на конференции в Берлине, посвященной 5-летию падения стены, один из упомянутых полковников рассказал мне, что им показалось несправедливым урегулирование, при котором правом немедленно покинуть ГДР должны пользоваться только выезжающие на ПМЖ, а тем, кто собирается вернуться, такое право не предоставляется.

²¹ Хотя и в этом случае вопросы пограничного режима в какой-то степени затрагивали нас, в первую очередь Западную группу войск, так как здесь пролегал рубеж между НАТО и Варшавским договором.

дант²² «опаздывает» на заседания комендатуры. Считалось, будто пограничники ГДР охраняли линию разграничения в Берлине по поручению СССР, то есть четвертой оккупационной державы. Они и в самом деле не могли досматривать транспортные средства военнослужащих западных гарнизонов, посещающих Восточный Берлин. ГДР и ЗГВ соблюдали предоставленное западным державам право свободно пользоваться установленными в 1945 г. шоссейными, железнодорожными и воздушными коридорами, связывающими их сектора в Берлине с центрами бывших оккупационных зон в Западной Германии.

МИД ГДР, в котором существовал специальный отдел Западного Берлина, был в курсе всех этих нюансов, но его не привлекли ни к разработке документа, ни к экспертизе подготовленного текста. О допущенных «вольностях» полковники и их начальники не информировали ни нас, ни Москву. При рассмотрении проекта на политбюро, собравшемся накоротке в перерыве между заседаниями пленума, и при его утверждении на самом пленуме на соответствующие вопросы был дан ответ: «С советскими товарищами согласовано». Однако советские товарищи не имели ни малейшего представления о подлинных масштабах и размахе нововведений. Будь мы информированы о них, наверняка последовала бы просьба с нашей стороны немного повременить с изменением режима пересечения линии секторального разграничения в Берлине. СССР, как несущему свою долю ответственности за стабильность ситуации во всем Берлине, потребовалась бы хотя бы пара дней, чтобы заранее информировать власти трех держав (а заодно и западноберлинский сенат) о намечаемых мерах. Ведь не могло быть сомнений в том, что в Западный Берлин сразу же хлынет из ГДР мощный поток посетителей, к которому надо было заранее подготовиться.

Кстати, практически никто в ГДР и не ожидал немедленного упразднения стены, хотя все понимали, что ее дни сочтены. Шли разговоры о том, что стену «откроют» к Рождеству, т.е. к 24 декабря, и это всех устраивало: немедленное максимальное упрощение условий выезда в ФРГ выполняло главное требование манифестантов о «свободе поездок».

Разработанный полковниками текст предусматривал, что новые правила пересечения границы вступят в силу в момент опубликования постановления правительства, что должно было произойти на следующий день, 10 ноября. Оставшееся время предстояло использовать для того, чтобы довести суть постановления до сведения пограничных и тамо-

²² *Такового, правда, не было в природе после 1957 г., когда был подписан договор между СССР и ГДР о порядке размещения в республике советского воинского контингента.*

женных служб ГДР, в том числе у стены, а также разослать во все КПП измененные служебные инструкции. Но ставший к этому моменту господствующим хаос в высшем эшелоне власти республики привел к преждевременному разглашению содержания правительственного постановления. Решение о введении новых правил стало достоянием широкой общественности еще до того, как узнали о них те, кто должен был эти правила применять. К концу своей ежевечерней пресс-конференции 9 ноября (было около 19.00 час.) Шабовский, отвечая на вопросы иностранных журналистов, сообщил о будущем максимальном сокращении сроков выдачи разрешений на выезд из ГДР и о том, что постановление об этом вступает в силу немедленно²³.

Пресс-конференция Шабовского транслировалась по телевидению ГДР целиком. Телевидение ФРГ немедленно подхватило сенсацию о безотлагательном введении «свободы выезда» и стало нагнетать напряженное ожидание реакции жителей Восточного Берлина на известие об этом. В течение вечера у КПП стены возникли скопления людей, требовавших от пограничников немедленного выполнения решения правительства ГДР. Во избежание серьезных осложнений охрана КПП открыла свободный проход через них. Жители Восточного Берлина и прилегающей территории республики впервые почти за 30 лет существования стены получили возможность беспрепятственно посетить Западный Берлин. Толпы народа «с другой стороны» буквально захлестнули «город-остров», которому так и не удалось заснуть до утра. «Немецкая ночь свидания» стала на следующий день главной новостью мировых СМИ.

Тем не менее свое выступление на совещании утром **в пятницу 10 ноября** посол начал с информации о ходе пленума ЦК СЕПГ: «Работа пленума проходит остро. От него ждут убедительных решений. Раздается критика в адрес Хонеккера, Миттага²⁴ и других его соратников. В адрес Кренца критики нет. Модров пошел дальше в своих предложениях об экономической реформе, чем доклад ЦК. Однако события в первичных парторганизациях опережают события в ЦК. Крепнет поддержка идеи созыва партконференции. Кренц выступит на митинге сегодня в 17.30²⁵. Экономисты утверждают: либо надо снижать на 30% жизненный

²³ Он не присутствовал при обсуждении постановления на пленуме, не прочитал его внимательно и забыл перевернуть листок с текстом, а дата официальной публикации постановления, 10 ноября, была указана на обороте.

²⁴ Гюнтер Миттаг – член политбюро, секретарь ЦК СЕПГ, курировавший экономику.

²⁵ Митинг и выступление Кренца на нем были отменены вследствие ночных событий.

уровень, либо идти на займы. Коль готов прямо из ПНР приехать в Берлин для переговоров об экономической помощи²⁶. Байль²⁷ говорит: "При нынешних условиях ГДР продержится до 1991 года, затем – банкротство". Друзья намерены признать "Новый форум" – мы (советская сторона) не будем драматизировать».

Только потом посол перешел к ночным событиям. Он начал с только что поступившего телефонного звонка заведующего отделом Западного Берлина в МИД ГДР Вальтера Мюллера, который «сказал: "Мы просим понять, что решение о безвизовом выезде в Западный Берлин и ФРГ прошедшей ночью было вынужденным. Иначе были бы очень опасные последствия. Времени на консультации с советской стороной не было. Сегодня мы информируем и М.С.Горбачева. Второй момент: мы просим воздействовать на западные державы для поддержания порядка у стены с западной стороны"²⁸. Дело обстояло так, – продолжал посол, – что после объявления Шабовского у КПП Инвалиден-штрассе собралось несколько тысяч людей, которые вели себя очень агрессивно. Власти ГДР были вынуждены открыть выход в Западный Берлин "по упрощенной процедуре". За ночь ушли 60 тысяч человек, вернулись 45 тысяч. С 8.00 введен обычный режим на КПП²⁹. Ночью вводились войска (у Бранденбургских ворот)³⁰».

Вечером в этот же день посол созвал совещание старших дипломатов, которых он информировал о том, что Москва спокойно отреагировала на

²⁶ Во второй половине дня 9 ноября начался рассчитанный на 5 дней официальный визит канцлера ФРГ Г.Коля в Польшу. 10 ноября он прервал визит и вылетел из Варшавы через Гамбург в Западный Берлин. Коль выступил на массовом митинге у Шенебергской ратуши, в которой размещался западноберлинский сенат. Речи о его встрече с руководителями ГДР не было.

²⁷ Герхард Байль – министр внешней торговли ГДР.

²⁸ Новый порядок пересечения секторальной линии разграничения касался лишь граждан ГДР, и западноберлинцы были очень недовольны тем, что для них все осталось по-старому. Они взбирались на стену и грозились вторгнуться в Восточный Берлин без разрешения. Поскольку контакты с властями трех держав в Западном Берлине входили в мои обязанности, мне пришлось созваниваться с посланниками их миссий и уговаривать их воздействовать на местные власти.

²⁹ Это было не совсем точно: контроль на КПП стены был полностью восстановлен лишь к утру понедельника 13 ноября.

³⁰ Посол имел в виду Национальную народную армию ГДР. Как выяснилось позже, в ночь с 9 на 10 ноября военные верхи ГДР действительно обсуждали возможность усиления группировки войск у Бранденбургских ворот, но затем отказались от этой идеи. Видимо, посол недопонял своих немецких собеседников.

открытие КПП стены: «Горбачев направил устное послание Брандту³¹ с нашей оценкой ситуации». Он также поручил послу «передать для Кренца: "Все сделано совершенно правильно. Так держать – энергично и уверенно". Кренц сказал на это: "Надо жить, наконец, в цивилизованном мире"». Посол сообщил также, что Шеварднадзе, с которым он долго разговаривал по телефону, сослался на какие-то сведения о том, что «военные что-то шевелятся, и распорядился: "Никаких действий не предпринимать!"». В соответствии с этим указанием посол призвал командование Западной группы войск «замереть и уйти в себя»³². Ссылаясь на беседу с министром, посол упомянул о том, что «Тэтчер ругала Миттерана за поддержку воссоединения Германии; она будет сокращать британские войска в Западном Берлине и ФРГ, если будет что не так»; она также звонила Колно и советовала ему встретиться с Кренцом.

В воскресенье 12 ноября к Кочемасову срочно запросился посол США в Бонне Вернон Уолтерс. Контакты с послами трех западных держав в ФРГ посол СССР в ГДР поддерживал исключительно по проблематике, затрагивавшей «Берлин и Германию в целом» – такова была традиция, восходившая к временам, когда не было ни посла СССР в ФРГ, ни послов трех держав в ГДР. Удивительным было то, что американец не стал дожидаться понедельника, чтобы встретиться с советским дипломатом. «Уикэнд» неприкасаем для западников по определению, но тут Уолтерс примчался в Восточный Берлин без всяких предварительных договоренностей. Единственно возможным объяснением было: Вашингтон и его союзники занервничали. Согласно моим записям (я присутствовал на беседе), Уолтерс сказал Кочемасову: «[Произошли] важные события. Джордж Буш получил послание от М.С.Горбачева. Мы разделяем вашу озабоченность. Мы заинтересованы в спокойствии у Бранденбургских ворот, на Потсдамской площади [невралгические точки стены]. Я сам был дважды у Бранденбургских ворот. [Западной стороной приняты] меры предосторожности: западноберлинская полиция отгородила стену³³. Мы не ожидаем инцидентов. Никто [в них] не заинтересо-

³¹ Суть послания Горбачева Брандту состояла в пожелании, чтобы ФРГ не использовала возникшую ситуацию для дестабилизации ГДР. Аналогичное устное послание было направлено и канцлеру.

³² Явное недоразумение: в Москве ошибочно решили, что ставшая там известной утренняя ремарка посла о войсках у Бранденбургских ворот относилась к ЗГВ.

³³ 11 ноября на наиболее опасных участках стены (у Бранденбургских ворот и на Потсдамской площади) западноберлинская полиция выставила вплотную к ней свои служебные автобусы бампер к бамперу, вытеснив карабкавшихся наверх людей за пределы

ван. [Ситуация] такой и останется до встречи Буш–Горбачев³⁴. Идет подготовка к этой встрече. [Обычно] с американским президентом [приезжают] около тысячи человек, но на этот раз будет меньше. Повестки дня не будет – важно познакомиться. США не собираются наносить ущерб СССР. Зажиточные страны не ищут авантюры. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы все были зажиточными. США ничего не имеют против Общеввропейского дома. Н.С.Хрущев открыл двери к [нашему] знакомству друг с другом, М.С.Горбачев широко распахнул их. Есть вопросы, по которым мы не можем достичь согласия, но это не значит, что мы враги. По тем вопросам, по которым можно, мы должны договориться. Сейчас препятствий значительно меньше. Наиболее старая проблема между нами – [взаимное] недоверие. Буш и Бейкер приветствовали соответствующее Заключительному акту Хельсинки решение ГДР [открыть границы]. США всегда поддерживали идею свободного передвижения в Берлине. Мы надеемся, что эта цель будет вскоре реализована. Я был на мосту Глинике [между Западным Берлином и Потсдамом] – там "выпускается пар". Основная масса будет возвращаться. Вопрос состоит в [проведении] реформ в ГДР. Мы рады, что Горбачев [выступает] в поддержку демократизации в ГДР. Мы хотели бы, чтобы отношения между обоими германскими государствами развивались мирно. Послы трех держав встретились с Момпером вчера вечером. Мы рады, что немецкие власти с обеих сторон тесно сотрудничают. [Была выражена] благодарность начальнику полиции столицы ГДР. Мы положительно реагировали на все обращения советской стороны. Ввиду напряженности у Бранденбургских ворот, может быть, устроить там [дополнительный] КПП? Эмоции надо учитывать – с западной стороны у ворот собираются 5–6 тысяч человек. [В том, что касается] "берлинской инициативы", важно обсудить те вопросы, которые [нами] выдвинуты. Может быть, советская сторона пересмотрит свое [сдержанное] отношение? Дело как будто движется в

ограждения. Это произошло после моего обращения по просьбе МИД ГДР к американскому посланнику в Западном Берлине Гарри Гилмору 10 ноября (США председательствовали в ноябре в «союзной комендантуре»). Интересно, что перед началом акции с автобусами Гилмор задал мне вопрос, не встретится ли против нее возражений со стороны ГДР? (Стена находилась на некотором расстоянии от линии секторального разграничения вглубь территории Восточного Берлина, и ранее ГДР и СССР протестовали против любых попыток подойти к ней вплотную). Я взял на себя смелость сразу же ответить, что возражений не будет.

³⁴ *Имелась в виду предстоявшая в начале декабря 1989 г. встреча обоих лидеров на острове Мальта.*

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

этом направлении. Наибольшие трудности представляет проблема воздушного сообщения [с Берлином]. Мы очень заинтересованы в начале подготовительных переговоров».

Кочемасов только один раз прервал нескончаемый монолог посла США. Он отметил: «Мы стоим перед новым этапом развития в Европе. Это требует ответственности от всех, прежде всего от политиков ФРГ. СССР и США несут определенную ответственность за этот регион». Уолтерс ответил: «Бонн понимает, что развитие возможно лишь при согласии со стороны США. Это понимают и Коль, и Геншер. Возможно, будут речи и иного содержания, но их не следует принимать всерьез. Мы несколько озадачены вашим беспокойством по поводу нескольких хулиганов [у стены]. В целом-то народ счастлив. Момпер – серьезный человек. Западные державы обратились к сенату вечером, уже в 5 часов. [Но его реакция была быстрой]. Вчера еще были возможны осложнения, с сегодняшнего дня вряд ли. Главное средство успокоения – обещание свободных выборов. Его Кренц уже дал. Мы заинтересованы в поддержке самого тесного контакта с вами».

На совещании в **понедельник 13 ноября** посол рассказал о состоявшихся 11 ноября телефонных контактах Горбачева с Колем и Шеварднадзе с Геншером. По словам посла, Горбачев подчеркнул: «Перемены требуют, чтобы сохранялась стабильность – все стороны должны вести себя разумно. Развитие в ГДР интересует ФРГ и СССР больше чем других в силу исторических и иных причин. Происходит исторический поворот к новому миру. Нельзя срывать этот процесс подталкиванием развития к хаосу». Шеварднадзе вторил: «Надо избегать подстрекательских призывов и действий, которые могут дестабилизировать обстановку не только в одной стране, но и в Европе в целом. Особенно важна стабильность в ГДР. К сожалению, в речи Коля 10 ноября в Западном Берлине были неприятные моменты». Посол констатировал: «Московское резюме обстановки – политический выигрыш для ГДР, хотя есть разговоры о "распродаже республики". Обстановка нормализуется. Шеварднадзе считает: при правильной политике ГДР в гуманитарных вопросах наибольшие трудности возникнут для ФРГ и Западного Берлина»³⁵.

На состоявшейся в этот же день сессии Народной палаты председателем Совета министров ГДР был избран быстро набравший популяр-

³⁵ В Западном Берлине действительно возникли трудности с размещением хлынувшего из ГДР потока переселенцев, их переправкой в ФРГ и выплатой им «приветственного пособия». Однако эти трудности не шли ни в какое сравнение с углубляющимся кризисом в ГДР.

ность Ханс Модров³⁶. К сожалению, ему, несмотря на все титанические усилия, не суждено было переломить ход событий, и бег к краю пропасти продолжился. Одновременно парламент республики официально упразднил запретные зоны вдоль Берлинской стены, а также по границе ГДР с ФРГ и в территориальных водах ГДР. С открытием границ началась государственный демонтаж республики. Власть оказалась вынужденной действовать под диктовку улицы, певшей с чужого голоса. Следующими мишенями стали закреплённая в Конституции ГДР «руководящая роль» СЕПГ и функционирование министерства государственной безопасности ГДР.

Оглядываясь назад

Хаотическое развитие событий в ГДР накануне и в течение 9 ноября 1989 г. лежит целиком на совести послехонеккеровского руководства республики. Стоявшая на позициях последовательного невмешательства Москва обратила внимание на происшествия у Берлинской стены лишь утром следующего дня. Да и не располагал Советский Союз инструментарием для вмешательства – войска ЗГВ явно не годились для этой цели. Они предназначались только для защиты союзника по Варшавскому договору от внешней агрессии, но этого не понадобилось.

Стратегическим просчетом советского руководства был не отказ от вмешательства во внутренние события в ГДР – это являлось невозможным по колоссальному количеству причин, в том числе принципиального характера. Ошибкой стала недостаточно резкая реакция на явно проявившуюся перспективу поглощения Западной Германией нашего главного союзника в Европе, на котором держалась вся система безопасности, с огромным трудом и ценой величайших лишений для своего населения выстроенная СССР в послевоенный период. Вербальное беспокойство в связи с этим, нашедшее отражение в личных посланиях М.С.Горбачева лидерам западных стран, не сопровождалось принятием каких-либо практических мер и свидетельствовало скорее о том, что таких мер не последует даже при самом неблагоприятном развитии событий.

Запад не сразу поверил в то, что Москва сможет остаться безразличной к дальнейшей судьбе ГДР, хотя наметившаяся ликвидация респуб-

³⁶ На момент ночного открытия КПП стены республика переживала правительственный кризис: Совет министров во главе с Вилли Штофом подал в отставку 7 ноября.

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

лики предрешала развал всего социалистического содружества – кто же захочет оставаться приверженцем державы, оставляющей своих соратников в трудный момент на произвол судьбы? Но по мере того как эта невероятность становилась все более очевидной, исчезало и уважение к СССР. Его переставали воспринимать как великую державу, без согласия которой в Европе и мире ничего фундаментального произойти не может. Реальная озабоченность в этом плане, проявлявшаяся в некоторых руководящих московских кругах, не привела к отказу от четко различного равнодушия советских вождей, для которых одобрение Запада означало высшее блаженство, независимо от того, стоит ли за ним что-либо осязаемое или нет. Наверху продолжали свято верить в обещание Вашингтона и Бонна, что для СССР будет только выгодно, если «маленького немецкого товарища» заменит ему «большой германский друг», контролируемый всеобщим заокеанским благодетелем. Нынешний украинский кризис, в ходе которого наглядно проявились катастрофические плоды слепой ориентации на Запад, расставил все по своим местам. Надо полагать, ни у кого из реально мыслящих людей не повернется язык назвать сегодняшнюю «большую ФРГ» дружественной нам державой.

Бранденбургские ворота утром 10 ноября 1989 года (вид со стороны Западного Берлина).

Люди все хотели понять, где война и что в ней гнусного... Она в страшном одиночестве того, кто сражается, и того, кто остается в тылу, в позорном отчаянии, охватившем всех, и в нравственном падении, которое со временем проступает на лицах. Наступило царствие зверей.

Альбер Камю

**Мир есть не отсутствие войны,
но добродетель, проистекающая
из твердости духа.**

Бенедикт Спиноза

Александр Асташов

**ВОИНСКИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
КАК ФАКТОР
КРИМИНАЛИЗАЦИИ
РОССИИ
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЕ**

ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

УДК
94(47)"1914–1918"

Статья, основанная на архивных материалах, посвящена вопросу роли воинских преступлений в криминализации России в годы Первой мировой войны. В работе рассмотрены основные виды воинских преступлений в годы войны, их масштабы и динамика, связь с общегражданскими преступлениями и революционными выступлениями, проанализировано изменение самого состава русской армии, постоянно пополняемого бывшими уголовниками, их роль в прогрессирующей криминализации армии и общества вплоть до Октябрьской революции.

The article, based on archival materials, is devoted to the role of military crimes in the criminalization of Russia during the First World War. The paper describes the main types of military crimes during the war, their scale and dynamics, the relationship with civil offenses and the revolutionary actions, analyzes the change of the composition of the Russian army, constantly expanding the former criminals, their role in the progressive criminalization of the army and the society until the October Revolution.

Ключевые слова: воинские преступления; преступность; Первая мировая война; криминализация; Февральская революция.

Key words: war crimes; crimes; World War I; criminalization; the February Revolution.

E-mail: astashsh@yandex.ru

Проблема преступности в годы Первой мировой войны стала в последнее время актуальной. Это связано со столетием «Великой войны», общим вниманием к ее социальной истории, в том числе и социальной девиации. Эта тема особенно важна в связи с полемикой о причинах Февральской революции. Некоторые авторы указывают на нарастание преступности уже перед войной [32]. Однако другие утверждают, что количество правонарушений в годы войны уменьшилось и, следовательно, не могло влиять на подготовку революции [41, с.19–21, 24; 44, с.203–204]. В этом споре не учитывается, однако, роль воинских и общеуголовных преступлений на театре военных действий (ТВД), их значение для криминализации страны накануне «великих потрясений». Такое невнимание к процессам, происходившим в годы войны, укладывается в тренд части отечественной историографии, обещающей русскую армию от негативных явлений, приписывая последние только тылу, где и готовился «нож в спину» «Великой войны» [46, с.494–498; 47; 56]. Военный опыт в сфере преступности мог сказаться на переходе армии и населения от состояния войны к гражданскому военному конфликту, а затем и к мирному существованию, что важно при изучении России первых десятилетий XX в.

Для решения вопроса о состоянии преступности на Русском фронте в годы Первой мировой войны в данной статье используются материалы, которые отложились прежде всего в РГВИА (документы делопроизводства центральных учреждений Военного министерства и МВД, а также штабов военного командования от ставки до корпусов) и частично в ГА РФ (материалы Корпуса жандармов).

В данной статье преступность на Русском фронте рассматривается в свете тотальной войны, каковой являлась Первая мировая война. Для такой войны характерны господство технических средств вооружений, массовость, высокий уровень дисциплины. В такой войне связь между массовой политикой и массовым убийством, созданная через механизмы универсальной военной воинской повинности [69, с.6–8, 199–200], проявляется также и в «праве на преступление» каждого участника войны. Этому способствует и всеобщий призыв, вобравший в себя все контингенты мужского населения, включая и преступный, и особенное положение армии на фронте по отношению к населению. К тому же тотальная война предоставляет массу условий для новых видов преступлений, поскольку резко увеличивается стремление избежать тяготы военного времени. Для выяснения роли преступности в коллапсе армии и всего государственного порядка России в 1917 г. следует также учиты-

вать сам характер воинского преступления. В юридической литературе уже давно обращено внимание, что воинское преступление фактически неотделимо от покушения на общественно-государственный порядок [58, с.29–30], что резко отличает его от обычного преступления (за исключением собственно государственных преступлений), направленного на частную безопасность.

Первая мировая война застала российское общество в процессе ускоренной модернизации, которая, как и во всех странах на этой стадии, сопровождалась увеличением преступности. Если за последние 14 лет XIX в. преступность в России, измеряемая числом осужденных, увеличивалась ежегодно менее чем на 1%, то за первые 9 лет XX в. она возрастала ежегодно на 7%. Преступность нарастала вплоть до начала Первой мировой войны [42, с.24–42; 35; 43; 50, с.61–62, 82; 57; 62]. Масштабы довоенной преступности были даже больше, если учесть многочисленные виды мелкой преступности – «хулиганства» [38, с.243–252; 64; 66; 70]. Последняя имела серьезный потенциал в растущей еще быстрее, чем взрослая, детской преступности [45; 37, с.4; 39; 31, с.48–49; 48; 68]. Но и в самой армии накануне мировой войны нарастало количество воинских преступлений: дезертирства, солдатских бунтов и т.п., что можно рассматривать в качестве предвестников падения армейской дисциплины во время войны [34, с.20–21; 51].

Преступления на фронте

В начавшейся войне уже к концу первого года в армии имели место серьезные правонарушения. Их можно разделить на нарушения специальных обязанностей военной службы и нарушения общеуголовные, но связанные с исполнением обязанностей военной службы [33, с.36]. Общая причина большого количества воинских преступлений состояла в неприятии реалий технической, индустриальной войны в основном традиционалистском составе (крестьяне, мещане, ремесленники) русской армии. Из воинских преступлений наиболее массовым было бегство в плен. Начавшись в первые месяцы войны, побеги продолжались вплоть до последних ее дней. Всего за время войны по официальным данным Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) в плен ушло 3 638 271 чел. – 23,66% всего количества призванных в армию. По годам – 1914–1917 – это составляло 5,3; 37,5; 41,4; 15,8% [1, д.1210, л.13; 10, д.6, л.122, 130; 53, с.32; 54, с.8, 79, 92, 142], т.е. тенденция этого вида ухода от войны нарастала.

Массовая сдача в плен

Проблема бегства в плен так и не была решена до конца войны. Ее острота с 1916 г. была утрачена, во-первых, в связи с переходом к позиционной войне, сделавшей технически невозможными массовые сдачи в плен, а с другой стороны – с развитием нового способа «ухода» от войны – дезертирства. Если в случае побегов в плен армия вынуждена была решать проблему наказания преступников после войны, то в случае дезертирства армия стала перед проблемой одновременно и наказания, и продолжения использования дезертиров в военной службе. На Русском фронте бытовали различные формы дезертирства: прямой уход из части (побег), кратковременная самовольная отлучка с возвращением в часть или невозвращением в часть вовремя, бродяжничество – скрытая форма ухода из части в виде постоянного хождения по этапам и периодических с них побегов. В западной литературе дезертирами признаются только те, кто был осужден за этот вид воинского преступления. В России военное командование считало дезертирами всех задержанных военно-служащих, хотя и не судившихся по статьям о дезертирстве, а также призванных, но уклонившихся от несения военной службы. Всего до 1 марта 1917 г. при переходе из прифронтовой зоны во внутренние районы России было задержано 195 130 чел., а на 1 августа 1917 г. – 365 137 чел. [53, с.26]. К числу дезертиров следует прибавить задержанных жандармско-полицейскими управлениями на путях сообщений внутри России – 247 475 чел. Таким образом, только по официальным

Грани катастрофы

отчетным данным военных и жандармских учреждений было задержано на фронте и в тылу с конца 1914 г. до 1 марта 1917 г. 442 605 чел. Это на порядок превышает общее количество дезертиров в германской (35–45 тыс.) и британской (35 тыс.) армиях [13, д.1069, л.409–410; д. 4461, л. 56–57; 19, д.267, л.26, 297–297 об.; 27, д.3860, 3861; 67, с.150, 168].

Русские ловят дезертиров

Дезертиры не только развращающее действовали на армию, но и являлись серьезным фактором общей преступности в стране. В прифронтовых губерниях они участвовали в незаконных «реквизициях», погромах, прямых грабежах, переходивших в эксцессы «социального бандитизма», «промотании» казенного имущества, пьянстве, разврате. Во внутренних районах России дезертиры, среди которых было множество известных еще до войны хулиганов, терроризировали местное население, выступали зачинщиками антивоенных беспорядков, продовольственных бунтов и т.п. Дезертиры были зримой частью фронтовиков, поддерживавших массовое недовольство войной среди населения, особенно в Петроградском районе. Таким образом, преступные действия дезертиров были в наибольшей степени связаны с антиобщественными и антигосударственными настроениями и выступлениями накануне 1917 г. и далее в революционный период.

ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИИ

В качестве дезертирства можно рассматривать и многочисленные случаи членовредительства и симуляции. Это было следствием как массовой мобилизации, так и увеличения доли преступного элемента в армии, где преступники активно распространяли свои собственные способы ухода от выполнения обязанностей перед обществом и государством. Наиболее распространенным видом членовредительства были самострелы («самопалы»), как правило, в верхние конечности [30]. Таких «палечников» насчитывалось, по расчетным данным, в русской армии от 260 до 400 тыс. Членовредительство продолжалось вплоть до последних дней войны [28, с.495–514].

Палечники

Среди способов «ухода от войны» необходимо назвать и братания. В отечественной литературе оно фигурирует в качестве инструмента «революционизирования» и «большевизации» солдатских масс [29, с.37; 65, р.212–233]. В качестве же воинского преступления братание не рассматривалось и объяснялось чаще подрывной деятельностью немецкого командования [30]. В то же время братания на Русском фронте мировой войны имели свою специфику. Они начались позднее, чем подобные контакты противоборствующих сторон на других фронтах мировой войны, и нарастали в течение всего ее хода. С осени 1915 г., с началом

Грани катастрофы

позиционной войны, братания, договоренности о перемирии происходили во многих пехотных частях. На ряде участков Северного фронта установились прочные, многомесячные «дружеские отношения» с частями противника. На Пасху 1916 г. (совпавшую с этим праздником у противника – 10 апреля) в братаниях участвовали уже десятки полков, артиллерийских батарей и железнодорожных батальонов Северного и Юго-Западного фронтов. На Рождество 1917 г. начальство уже не в состоянии было пресечь этот процесс, сопровождавшийся широким распространением мирных настроений, чему способствовала и немецкая пропаганда. После Февральской революции в Пасхальную неделю – со 2 по 8 апреля – братания приняли невиданно широкий размах – в них участвовали уже сотни полков. Братания продолжались также в мае-июне и далее вплоть до осени. Особенно они усилились после Октябрьского переворота и не прекращались вплоть до заключения перемирия в декабре 1917 г. Братания подрывали дисциплину, приводили к незаконному общению с противником, развитию антивоенных настроений [28, с.210–223; 59, с.42–45, 64; 60, с.273–275, 679].

Братания

ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Наиболее серьезным воинским преступлением являлись солдатские бунты, отказы идти в бой, прямые покушения на командный состав. Они были характерны для русской армии в течение всей войны, но их пик пришелся на конец 1916 – начало 1917 г. Одним из крупнейших солдатских бунтов было восстание (октябрь 1916 г.) на пересыльном пункте в Гомеле, где собрались представители самых различных частей, ранее замешанных в беспорядках, а также дезертиры, «бродяжничавшие» и «штрафные» солдаты [29, с.95–96, 100; 52, с.29, 212–216]. Через несколько дней подобное восстание произошло на другом распределительном пункте – в Кременчуге. Во время следствия выявилась огромная степень разложения дисциплины на пункте: пьянство, непослушание начальникам и т.п. [52, с.220–227]. В ноябре–декабре 1916 г. солдатские волнения продолжались. В начале 1917 г. они стали распространяться по всему фронту [18, д.3863, л.79, 252]. Волнения в армии перед революцией показали, с одной стороны, слабость аппарата управления армией, а с другой – степень влияния преступного элемента на солдатскую массу. Следует отметить нерешительность командиров, их неспособность погасить беспорядки, хотя начальство было полностью осведомлено об их нарастании. Это говорит о возникшем параличе дисциплины в войсках. Бунтари, солдатская масса имели немало возможностей удовлетворить свои требования. Обычно волнения начинались после прихода пополнений, часто инфицированных бациллами недовольства и непослушания. Иногда эти пополнения отличались особым менталитетом – рабочих, постоянно отстаивавших свои права, или жителей регионов, где было больше индивидуальных свобод, например, Сибири или Дальнего Востока. Но главная антидисциплинарная сила пополнений заключалась в значительной группе дезертиров, взятых из запасных полков, где они обменивались опытом уклонения от службы на позиции [28, с.677–713].

Из нарушений, хотя и не преследовавшихся в рамках воинских преступлений, но подрывавших дисциплину в армии, нужно остановиться также на пьянстве, мошенничестве, разврате. Так, с пьянством была связана масса воинских преступлений: дезертирство, торговля казенным имуществом и т.п. Пьянство широко поддерживали местные жители, охотно предлагавшие солдатам алкоголь в обмен на дефицитные предметы первой необходимости. Полиция в прифронтовых городах, часто не бескорыстно, бездействовала [8, д.122, л.35, 37, 48, 49, 53 и др.]. После Февральской революции пьянство на фронте и вообще в армии рез-

Грани катастрофы

ко возросло, стало показателем развала в вооруженных силах, приближения краха фронта и государства.

Район Нарочанских озер, Белоруссия, 1916 г. (лечение алкоголизма)

На грани преступности в армии были и такие деяния, как болтливость, неосторожное сообщение сведений, составляющих военную тайну. В наибольшей степени это имело место в информации, которую сообщали военные в своих письмах (до 20–40% всех писем). Никакие напоминания, угрозы, административные меры здесь не исправляли ситуацию [16, д. 904, л.74 об, 105, 330; 18, д.3863 и мн. др.].

Значительную группу воинских преступлений составляли деяния, затрагивавшие одновременно воинский порядок, боевую дисциплину и интересы населения, причем как прифронтовой полосы, так и тыла. В частности, мародерство, широко развитое на фронте, разлагающе действовало на войска и командование [13, д.1067, л.54, 77, 83–85; 20, д.365, л.4]. Со времени перехода к позиционной войне случаи мародерства прекратились. Зато стали все шире распространяться имущественные преступления военных в отношении гражданского населения прифронтовой области. Еще в первые месяцы войны имели место массовые грабежи имений в Восточной Пруссии, Восточной Галиции [13, д.1067, л.19–20, 22, 31–31 об.]. Летом 1915 г. во время «великого отступления»

ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИИ

грабежи военными под видом «реквизиций» распространились и на гражданское население других регионов ТВД. Грабежи сопровождались насилием, истреблением посевов, лесов, разгромами винных складов и т.п. Много грабежей производилось солдатами совместно с местными жителями. Последние видели в таких действиях акты социальной справедливости против «эксплуататоров» (помещиков, евреев и др.), а помощь солдат в их глазах расценивалась как проявление социальной солидарности [26, д.88, л.191–192; 15, д.553, л.303–303 об.]. В 1917 г. разросшиеся грабежи помещичьих имений в прифронтовой зоне уже трактовались как «революционные» эксцессы [7, д.281, л.766; 19, д.350, л.296–296 об.; 4, д.152, л.71–71 об.; 26, д.91, л.43, 54, 61–62].

Преступления в тылу

Крайне негативное влияние на криминализацию страны имели и реквизиции в Западном крае с лета 1915 г. Даже будучи сами по себе оправданными (для защиты ресурсов от наступающего врага), они сопровождались многочисленными злоупотреблениями и порою проводились преступными методами.

В ходе реквизиции часто не оплачивались или не полностью оплачивались уничтожаемые или забираемые посевы, скот, повозки; сжигались десятки деревень, выгонялись внутрь страны десятки тысяч человек [14, д.37, л.245; д.42, л.108; 17, д.588, л.122 об., 267]. Одновременно широко распространились и вовсе незаконные реквизиции отдельными воинскими командами, что уже прямо являлось актами грабежа по отношению к собственному населению – как владельцам имений, так и простым крестьянам. В свою очередь сами беженцы по пути следования на восток вместе с обозными командами включились в грабежи имений и крестьянских селений. К осени 1915 г. имущественные преступления со стороны отставших солдат, отдельных команд, беженцев стали распространяться на глубокий тыл театра военных действий [14, д.42, л.99, 155, 286–287; 17, д.1380, с.7].

С реквизициями связан и рост экономических правонарушений. После реквизиций у населения оказалась масса квитанций, по которым беженцы, лишенные имущества, требовали оплаты. Вместе с тем появилось и значительное количество фальшивых или неправильно оформленных квитанций, к распространению которых в министерстве финансов считали причастными представителей реквизиционных комиссий на местах (из военных и гражданских лиц). Поскольку сумма таких требо-

ваний исчислялась многими десятками миллионов рублей, министерство финансов весной 1916 г. вообще прекратило по ним выплату населению [14, д.34, л.441–446]. Это вызвало массовое недовольство со стороны миллионов разоренных и обездоленных беженцев. Не получив обещанных выплат за утраченное имущество, беженцы из западных окраин России, ставшие жертвами преступлений и насилия на ТВД, требовали возмещения за счет реквизиций, уплотнений, конфискации у обеспеченного населения городов – вообще «буржуев» в тылу страны – и превратились тем самым в важную силу революционного движения.

Множество видов воинских преступлений происходило при участии населения как в прифронтовой зоне, так и внутри России. Одним из них было «промотание» (т.е. продажа с надеждой получить вновь) воинского обмундирования. Особенно активно занимались сбытом вещей населению дезертиры [6, д.1800, л.57–57 об.; 8, д.122, л.56, 79, 120, 251; 13, д.1069, л.20]. К 1917 г. скупка вещей захватывала все больше внутренних районов России [6, д.1800, л.89; 8, д.122, л.8; 17, д.382, л.66]. Кроме нанесения громадного ущерба государству, такая деятельность спланивала солдатский элемент и гражданское население, часто семьи тех же военнослужащих, участвовавших в этой форме присвоения государственного имущества. Непосредственно перед Февралем военные власти прифронтовых губерний вместе с гражданским правлением разрабатывали систему борьбы с профессиональными скупщиками [6, д.1800, л.29, 32, 34, 104–105]. Эти меры по своему размаху напоминали будущую систему борьбы с мешочничеством в годы Гражданской войны.

Уголовники идут в армию

Проблема преступности коснулась во время войны и самого состава армии. Этому способствовала особенность мировой войны, требовавшая всеобщего призыва. В такой войне становится актуальным привлечение на дело обороны даже таких групп населения, которые в мирной ситуации являются вредными для общества и изолируются. Для тотальной войны с ее всеобщим призывом характерно несение тягот, которые в обычной жизни рассматриваются как наказание: крайне тяжелые, «каторжные», условия работ, высокая степень риска для здоровья и для жизни. Такое «наказание» вынуждены терпеть как раз обычные, «невиновные», люди. Тем более несправедливым является избегание тягот тотальной войны для преступных элементов.

ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Впервые вопрос о привлечении уголовных элементов к несению службы встал в самом начале войны по отношению к военнослужащим, проходившим наказание в военно-тюремных учреждениях: военных тюрьмах и дисциплинарных батальонах. 23 июля 1914 г. царь утвердил доклад военного министра, согласно которому направлялись в строй заключенные таких учреждений (кроме разряда «худших»). Им было предоставлено право «доблестною и усердною своею службой во время войны облегчить свою участь и даже получить совершенное помилование» [22, д.232, л.1 об.]. Из военно-тюремных учреждений уже в первые месяцы войны были высланы на фронт фактически все (свыше 5 тыс.) [22, д.232, л.3–4 об., 6, д.233, д.3–4 об., 6 а об., 10–11, 14–23 и др.].

Летом 1915 г. в связи с большими потерями встал вопрос о посылке в армию осужденных или состоящих под судом гражданских лиц, лишенных по закону права защищать родину. Еще ранее этот вопрос подняли сами уголовники, но их просьбы были оставлены без последствий.

Военное ведомство предлагало отправить в армию лиц:

- находившихся под следствием, под судом, осужденных, а также находившихся уже в тюрьме и в ссылке¹;
- состоявших под надзором;
- освободившихся из заключения, но пораженных в правах;
- задержанных военнообязанных, совершивших мародерство в прифронтовой полосе;
- заключенных из эвакуированных территорий, чье наказание было неясно.

Это касалось как новобранцев, так и запасников и ратников ополчения перечисленных категорий правонарушителей. В августе начальник штаба Ставки генерал М.В.Алексеев выступил за эту меру при наличии хороших отзывов тюремного начальства и равномерном распределении уголовников в войсках, не допускающем скапливания в частях «порочных» людей.

Инициатива военного ведомства была поддержана и в Главном штабе, со следующим уточнением. Чтобы из допущенных в войска были исключены осужденные за разбой, грабеж, вымогательство, присвоение и растрату чужого имущества, кражу и мошенничество, ибо такого рода элемент «развращающе будет действовать на среду нижних чинов и несомненно будет способствовать развитию в армии мародерства». Соответст-

¹ Таковых высланных только в отдаленные части Европейской России насчитывалось свыше 5 тыс. чел. [11, д.1221, л.2–3 об, 342].

вующий проект вскоре был представлен на обсуждение в министерство юстиции и, наконец, подан царю в январе 1916 г. [11, д.1221, л.2–3 об, 342]. Подписанное Николаем II 3 февраля 1916 г. (в порядке ст. 87 Основных законов, т.е. ставшее законом без обсуждения в Думе) положение Совета министров позволяло привлекать на военную службу лиц, состоящих под судом или следствием, а также отбывающих наказание по суду. Исключение составляли те, кто был привлечен к суду за преступные деяния, влекущие за собою лишение всех прав, т.е. за наиболее тяжкие преступления [11, д.1221, л.12, 16–16 об.]. Реально речь шла, конечно, о предоставлении отсрочки наказания для таких лиц до конца войны.

В мобилизационном отделе ГУГШ рассматривался вопрос и о посылке в армию лиц, состоящих под надзором и также не подлежащих прежде призыву. Опасения были, однако, в том, что некоторые лица могли специально совершить правонарушение и, будучи подвержены следствию, суду или даже надзору, избежать военных тягот. Опасались также посылки в армию, в сущности, неблагонадежного политического элемента. Правда, за время войны таких поднадзорных было всего около 1 800 чел.² Предполагалось, что вопрос об освобождении будут решать губернаторы и градоначальники [11, д.1221, л.16–16 об., 46–47].

В конце 1916 г. в связи с исчерпанием людских ресурсов для войны власти вновь подняли вопрос о привлечении к делу обороны и уголовников, даже совершивших тяжкие преступления. В Главном штабе насчитывали таких лиц около 540 тыс. Даже после выбраковки слабых по физическому состоянию оставалось около 360 тыс. человек бывших уголовников. Но при этом возникли опасения в целесообразности отправки их на фронт. В октябре 1916 г. военный министр Д.С.Шуваев предложил использовать таких уголовников в специальных военно-рабочих командах на особо опасных работах на пользу армии. Это были испытание и применение удушливых газов (химические команды), постройка и усовершенствование передовых окопов и искусственных препятствий под огнем противника, а также некоторые тяжелые работы на заводах. Однако заместитель министра внутренних дел С.А.Кукольник-Яснопольский полагал эту меру мало осуществимой. В качестве аргументов он находил, что для содержания команд из «порочных лиц» по-

² Кроме лиц, высланных за шпионаж, германофильство, принадлежность к военно-революционным и террористическим, анархическим и другим, «более серьезным революционным организациям».

ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИИ

требовалось бы большое количество конвойных – как для поддержания среди них дисциплины и порядка, так и, в особенности, для недопущения ими новых преступлений и побегов со службы. С другой стороны, нахождение подобных команд в сфере огня противника, т.е. среди действующих войск первой линии, могло отразиться на духе этих войск в «самом нежелательном направлении» – полагал высокопоставленный чиновник. Наконец, невозможно было бы посылать бывших уголовников на заводы, где потребовались бы чрезвычайные меры охраны, и была вероятность их вредного влияния на остальную рабочую массу [2, д.139, л.5 об., 14; 11, д.1221, л.146].

Осенью же вновь вернулись к вопросу о посылке на фронт лиц, находившихся под жандармским надзором. Однако в Главном штабе опасались разлагающего влияния неблагонадежных элементов на войска, особенно на допущенных в армию уголовников, для которых «политические» являлись часто «авторитетами». Когда с сентября 1916 г. в запасные полки Омского военного округа стали поступать «целыми сотнями» лица, допущенные в армию по закону 3 февраля 1916 г., то среди них оказалось много с неблагоприятными отзывами жандармской полиции. По данным командующего войсками округа генерала Н.А.Сухомлинова, бывшие поднадзорные (в том числе видные революционные работники РСДРП, ПСР) вели в армии антивоенную пропаганду; отстаивали интересы рабочих и крестьян; убеждали сослуживцев не исполнять приказаний начальства в случае привлечения к подавлению беспорядков и т.п. Генерал высказывался категорически против их посылки на фронт, поскольку они «нравственно испортят самую лучшую маршевую роту», и убедительно просил избавить войска от преступного элемента [2, д.136, л.30, 204 об., 213–215 об.].

Однако и бывшие уголовники, и поднадзорные – в целом неблагонадежный элемент – продолжали поступать на фронт. Так, в Одоевский полк, в котором в январе 1917 г. произошли крупные беспорядки, за период с 4 ноября по 24 декабря 1916 г. было влито 12 новых рот с общим количеством 2 715 чел. Среди них были 884 беглых и задержанных на разных этапах солдат, 19 подсудимых матросов, а также бывшие приисковые рабочие из Сибири. Последние даже среди товарищей получили прозвище «каторжников». Все это не могло не добавить особенной стойкости и упорства этих частей во время волнений [3, д.28, л.41 об., 43 об. 56 об.].

Апогеем декриминализации воинских преступлений явился указ Временного правительства «об облегчении участи лиц, совершивших

уголовные преступления», принятый 17 марта 1917 г. [55]. На основании этого указа происходило массовое освобождение из тюрем множества заключенных независимо от характера и тяжести совершенных преступлений. Им было предложено поступать добровольно в войска и своею воинской службой заслужить прощение [11, д.1248, л.25–25 об.].

Амнистия породила, однако, ряд проблем. В некоторых тюрьмах начались беспорядки с требованием допуска арестантов в армию. С другой стороны, возникло множество недоразумений о порядке призыва в армию бывших уголовников. Одни амнистированные воспользовались указанным в законе требованием явиться на призывной пункт и отправились на родину; другие, наоборот, стали уклоняться от постановки на воинский учет. В этом случае для них был определен срок явки до 15 мая 1917 г., после чего они вновь представляли перед законом. Третьи, особенно из ссыльных в Сибири, требовали перед посылкой в армию двухмесячного отпуска для свидания с родственниками, бесплатного проезда и кормовых. Как бы там ни было, фактически освободившиеся из тюрем отнюдь не стремились в армию, затягивали прохождение службы на фронте.

Бывшие уголовники и в частях продолжали совершать преступления, прикрываясь революционными целями, что сходило им с рук. Этим они возбуждали ропот в солдатской среде, ухудшая мотивацию нахождения на фронте. «Особенных» прав требовали для себя бывшие «политические». В печати стали появляться «приказы по армии и флоту» без указания даты и номера, согласно которым политзаключенные, отбывшие наказание в каторжных тюрьмах, по акту амнистии вовсе освобождаются от воинской повинности. В некоторых частях бывшие амнистированные по политическим делам, а за ними и амнистированные по делам о грабежах, убийствах, подделках документов и пр., как добровольно пожелавшие поступить в ряды армии, ходатайствовали о восстановлении их в звании унтер-офицеров, о поступлении в школы прапорщиков [11, д.1245, л.25–26, 28–29, 41–42, 75, 142–143].

Крайне обеспокоенное наплывом бывших уголовников в армию, начальство, согласно приказу по военному ведомству №433, получило право избавить армию от этих лиц. В приказе по военному ведомству №465 от 14 июля разъяснялось, что такие лица могут быть приняты в войска лишь с согласия на это самих войсковых частей. 12 июля Верховный главнокомандующий генерал А.А.Брусилов обратился с письмом к Министру-Председателю А.Ф.Керенскому против «загрязнения армии сомнительным сбродом». По его данным, с само-

ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИИ

го момента посадки их на железной дороге для отправления в армию они «буйствуют и разбойничают, пуская в ход ножи и оружие. В войсках они ведут самую вредную пропаганду большевистского толка». По мнению главковерха, их следовало назначить на наиболее тяжелые работы по обороне, где такие лица могли бы на деле показать свое стремление к раскаянию. В августе 1917 г. этот вопрос был поднят управляющим военным министерством Б.В.Савинковым перед новым главковерхом Л.Г.Корниловым. Наконец, уже в октябре 1917 г. ГУГШ подготовило документы с предписанием задержать наводные армии бывшими преступниками и немедленно возвращать из войсковых частей в распоряжение прокурорского надзора лиц, оказавшихся в армии без надлежащих документов, установив срок, за который необходимо получить свидетельство «о добром поведении, допускающем право дальнейшего пребывания в части» [11, д.1245, л.145; д.1248, л.25–26, 28, 29–29 об.].

Уголовники «спасают» революцию

По данным министерства юстиции, на август 1917 г. из 130 тыс. (до указа 17 марта) освободилось 100 тыс. заключенных. В министерстве насчитывали три категории бывших

амнистированных. Представители первой сразу явились в действующую армию. Представители второй категория явились в ряды армии, но не были приняты войсковыми частями ввиду прежней своей преступной деятельности, и поэтому находились в запасных частях внутренних округов. Наконец, представители третьей, самой многочисленной категории, воспользовались амнистией, но никуда не явились и находились вне армии. Эта группа занимала, однако, активную общественную позицию, образец которой представлен в «Постановлении Петроградской группы бывших уголовных», поступившем в Главный штаб в сентябре 1917 г. Группа протестовала против обвинений в адрес уголовников в развале армии. Бывшие преступники, «озабоченные судьбами свободы и революции», предлагали выделить всех бывших уголовных в частях – как в тылу, так и на фронте – в особые отряды. «Постановление» предусматривало также организацию санитарных отрядов из женщин-уголовниц в качестве сестер милосердия. Авторы документа заверяли, что «отряды уголовных не только добросовестно, но геройски будут исполнять возложенные на них обязанности, так как этому будет способствовать кроме преданности уголовных делу свободы и революции, кроме

естественного в них чувства любви к их родине и присущее им чувство гордости и личного самолюбия». Одновременно с обращением в Главный штаб группа обратилась с подобным ходатайством в Военный отдел ЦИК Петроградского Совета.

Несмотря на всю эксцентричность данного заявления, 30 сентября 1917 г. для его обсуждения было создано междуведомственное совещание с участием представителей от министерств внутренних дел, юстиции, Политического и Главного военно-судебного управлений военного министерства. Возможно, причиной этого были продолжавшие развиваться идеи о формировании безоружных рабочих команд из бывших уголовников. Однако совещание даже не поставило вопроса о создании военно-рабочих команд. Требование же об образовании собственных вооруженных частей из состава бывших уголовников было категорически отвергнуто, «поскольку такие отряды могли лишь увеличить анархию на местах, не принеся ровно никакой пользы военному делу». При этом совещание ссылалось на неудачный опыт создания таких отрядов из каторжников во время Русско-японской войны на острове Сахалин. Совещание соглашалось только на «вкрапление» условно амнистированных в «здоровые воинские части». Создание частей из бывших уголовников допускалось лишь при формировании их не на фронте, а во внутренних округах, и только тем, кто получит от комитетов частей, в которых они находились, свидетельства о «добропорядочном поведении». Что же касалось самой «Петроградской группы бывших уголовных», то предлагалось сначала подвергнуть ее наказанию за неявку на призывные пункты. Впрочем, до репрессивных действий к бывшим уголовникам дело не дошло, так как по адресу «Петроградской группы бывших уголовных» было обнаружено «Похоронное бюро»... [11, д.1248, л.31, 40].

* * *

Представленный материал позволяет сделать следующие выводы. В годы Первой мировой войны Русская армия оказалась перед лицом множества воинских преступлений. Их номенклатура охватывала все проявления борьбы с ними на фронте и одновременно являлась показателем дестабилизирующего влияния воинской преступности на социально-политическую ситуацию в стране в целом. Власти на фронте не способны были противопоставить преступности ни адекватные дисциплинарные меры, ни военно-судебные кары. Особенностью воинских преступлений, кроме их массовости, была также крайне слабая осознанность нарушителями своих деяний при очевидном нарастании кримина-

ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИИ

лизации как самой армии, так и общества. Недостаточное же фиксирование преступлений подчеркивало неспособность военно-судебной машины справиться с кризисом армии и одновременно пресечь этот процесс, представлявший антигосударственный, аномичный для общества характер. Фактически в течение войны постоянно нарастала безнаказанность по отношению к лицам, совершившим преступление. Тем самым у остальных групп военнослужащих укреплялось ощущение не только возможности избежать наказания за преступление, но и стремление к уничтожению самих общественных институтов, определяющих правовые нормы. После Февральской революции негативные процессы в армии дополнились формальными актами декриминализации преступных деяний. Знаменитый «Приказ №1» по существу являлся в этом смысле оправданием отказа от военной дисциплины. А последовавшая за ним амнистия по отношению к бывшим уголовникам легализовала пребывание преступников в армии, подчеркнув неспособность новой власти привлечь к делу обороны массы нарушителей. Завершающим актом в процессе криминализации армии стала Октябрьская революция, уничтожившая сами правовые рамки понятия воинского преступления. А преступники, и вместе с ними массы солдат, получившие специфический опыт ниспровержения норм закона во время войны, включая и эксперименты по социальному бандитизму, продолжали нести эту практику в гражданскую войну и гражданский мир, используя ее при создании нового общества.

Список сокращений

ГА РФ. – Государственный архив Российской Федерации.

РГВИА. – Российский государственный военно-исторический архив.

Библиографический список

1. РГВИА. Ф.1. Оп.2.
2. РГВИА. Ф.400. Оп.19.
3. РГВИА. Ф.801. Оп.28.
4. РГВИА. Ф.1343. Оп.2.
5. РГВИА. Ф.1343. Оп.10.
6. РГВИА. Ф.1759. Оп.4.
7. РГВИА. Ф.1932. Оп.3.
8. РГВИА. Ф.1932. Оп.15.
9. РГВИА. Ф.2000. Оп.1.
10. РГВИА. Ф.2000. Оп.2.
11. РГВИА. Ф.2000. Оп.3.
12. РГВИА. Ф.2000. Оп.15.

13. РГВИА. Ф.2003. Оп.2.
14. РГВИА. Ф.2005. Оп.1.
15. РГВИА. Ф.2031. Оп.1.
16. РГВИА. Ф.2048. Оп.1.
17. РГВИА. Ф.2049. Оп.1.
18. РГВИА. Ф.2067. Оп.1.
19. РГВИА. Ф.2068. Оп.1.
20. РГВИА. Ф.2070. Оп.1.
21. РГВИА. Ф.2106. Оп.1.
22. РГВИА. Ф.2126. Оп.2.
23. РГВИА. Ф.2134. Оп.1.
24. РГВИА. Ф.2139. Оп. 1.
25. РГВИА. Ф.16142. Оп.1.
26. РГВИА. Ф.16142. Оп.2.
27. ГА РФ. Ф.110. Оп.4.
28. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 730 с.
29. Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М.: Изд-во всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 130 с.
30. Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество, 1900–1941 годы: Ст., док. М.: ИРИ РАН, 1999. С.51–76.
31. Бельский П. Преступность и дети // Психология и дети. 1917. №2. С.48–56.
32. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2010. 969 с.
33. Военно-уголовное право: Учебник. М.: За права военнослужащих, 2008. 381 с.
34. Всеподданейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 год. Пг., 1916. 1011 с.
35. Гернет М.Н. Преступность и самоубийство во время войны и после нее. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1927. 270 с.
36. Гилянский Я.И. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000. 384 с.
37. Золотарев С.А. Четыре смены молодежи (1905–1925). Из наблюдений педагога. М.: Л.: Современник, 1926. 163 с.
38. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.
39. Известия Всероссийского союза городов. 1916. №29–30.
40. Ляхов М.Н. По Галиции, три года назад. [Б.м.], 2002. 20 с.
41. Миронов Б.Н. Почему люди бунтуют: Русская революция 1917 года в контексте современных теорий революции // «Стены и мосты». Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М.: Совпадение, 2012. С.15–40.
42. Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX в. // Отечественная история. 1998. №1. С.24–42.
43. Зориков А.Н. Криминогенная обстановка как результат и фактор социальной мобильности в России в начале XX в. // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М.: ИРИ РАН, 1997. С.5–19.
44. Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М.: Весь Мир, 2014. 329 с.
45. Мышкис В.С. Малолетние преступники в Петербурге // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1913. №4. С.49–95.

ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИИ

46. Нарский И.В. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...». Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. / Редкол: И.В.Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С.488–502.
47. Никонов В. Крушение России. М.: АСТ, Астрель; Минск: Харвест, 2011. 932 с.
48. Окунев Н. Беспризорность малолетних как следствие войны // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. Пг., 1914. №1. С.10–11.
49. Оппель В.А., Федоров С.П. Наставление к определению вероятности саморанения огнестрельным оружием («самострела»). Пг.: Петр. окр. воен.-сан. упр., 1920. 24 с.
50. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 204 с.
51. Старый служака. Причины упадка дисциплины // Разведчик. 1917. №1403–1404. 15 октября. С.507–509; №1405–1406. 30 октября. С.524–525.
52. Революционное движение в русской армии (27 февраля – 24 октября 1917 г.). Сб. док. М.: Наука, 1968. 619 с.
53. Россия в мировой войне 1914–1918 (в цифрах) М.: Центр. стат. упр. Отдел воен. статистики, 1925. 104 с.
54. Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг.: Сб. док. Куйбышев: Изд. Куйбышевской военно-мед. академии Красной армии. 1942. 464 с.
55. Собрание узаконений и распоряжений правительства. № 63 от 19 марта 1917 г.
56. Стариков Н.В. 1917. Разгадка русской революции. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
57. Тарновский Е.Н. Война и движение преступности в 1911–1916 г.г. // Сборник статей по пролетарской революции и праву. Пг.: Изд-во Наркомюста. 1918. №1–4. С.100–122.
58. Фалеев Н.И. Цели воинского наказания: Дис. на соискание звания э.-орд. проф. ... СПб., Тип. «В.С. Балашев и К^о», 1902. 525 с.
59. Фельштинский Ю. Крушение мировой революции: Брестский мир. М.: ТЕРРА, 1992. 656 с.
60. Френкин М. Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен: ЛОГОС, 1978. 750 с.
61. Фурманов Дм. Дневник (1914–1915–1916). М.: Моск. рабочий, 1929. 316 с.
62. Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 79 с.
63. Шибков А.И. Введение в учение о членовредительстве. Ростов-на-Дону: Изд. Краевого Упр. Здравоохранения на Северном Кавказе, Б.г. 35 с.
64. Эдельштейн А.О. Опыт изучения современного хулиганства // Хулиганство и поножовщина / Ред. Е.К.Краснушкин, Г.М.Сегал, Ц.М.Файнберг. М.: Изд-во Мосздравотдела, 1927. С.28–80.
65. Ferro M. Russia: Fraternization and Revolution // Meetings in No Man's Land: Christmas 1914 and Fraternization in the Great War. L.: Constable, 2007. P.212–233.
66. Frank S.P. Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914. Berkeley: Univ. of Calif. Press, 1999. XXII + 352 p.
67. Jahr C. Gewöhnliche Soldaten: Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. 419 S.
68. Neuberger J. Hooliganism: crime, culture, and power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley: Univ. of Calif. Press, 1993. XIV + 324 p.
69. Sanborn J.A. Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Northern Illinois Univ. Press, 2003. 288 p.
70. Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914 // Slavic Review. 1978. 37. P.228–240.

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

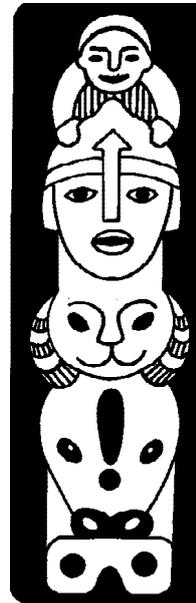
**Победители и побежденные
извлекают из истории разные уроки.**

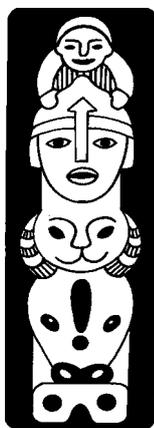
Вильгельм Швобель

РОССИЯ XXI 05. 2016

Чтобы писать историю
достойным образом,
надо забыть о своей вере,
своем отечестве, своей партии.

Пьер Буаст

Михаил Ковалев

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

**ПРОФЕССОР А.В.ФЛОРОВСКИЙ
И ЕГО СОВЕТСКИЕ КОЛЛЕГИ¹**

УДК
94(47+100-87)
929:930

В статье рассказывается, как «железный занавес» прервал контакты А.В.Флоровского с советскими коллегами. Он смог возобновить их только в годы хрущевской «оттепели». В 1950-е гг. историк познакомился по переписке с А.А.Новосельским, Б.Б.Кафенгаузом и другими советскими коллегами. Одной из главных тем их общения становится подготовка издания «Писем и бумаг императора Петра Великого». В статье анализируются историографические и источниковедческие советы А.В.Флоровского относительно этого издания.

The article describes how the “Iron Curtain” broke the contact of A.V.Florovsky with Soviet colleagues. He was able to resume them only during the Khrushchev’s Thaw. In 1950-ies the historian met by correspondence with A.A.Novoselsky, B.B.Kafengauz and other Soviet scholars. One of the main themes of their communication becomes the preparation of “The Letters and papers of the Emperor Peter the Great”. This article analyzes the historiographic and source study suggestions of A.V.Florovsky regarding this publication.

Ключевые слова: А.В.Флоровский; Г.В.Вернадский; С.А.Фейгина; Т.А.Быкова; Т.К.Крылова; А.А.Новосельский; Б.Б.Кафенгауз; «Письма и бумаги императора Петра Великого»; Петр Великий; СССР; историография; Зарубежная Россия; идеологические кампании; эпоха Сталина; хрущевская «оттепель».

Keywords: A.V.Florovsky; G.V.Vernadsky; S.A.Feygina; T.A.Bykova; T.K.Krylova; A.A.Novoselsky; B.B.Kafengauz; “Letters and papers of the Emperor Peter the Great”; Peter the Great; USSR; historiography; Russia Abroad; ideological campaigns; Stalin Era; Khrushchev’s “Thaw”.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2016. №4.

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4739.2016.6 «Российская научная эмиграция в Чехословакии в 1920–1940-е годы (по материалам зарубежных архивов)».

**«Железный занавес»
опускается**

В научной литературе справедливо отмечалось, что советским историкам приходилось играть по постоянно и стремительно меняющимся правилам, создававшим ситуацию

неопределенности, когда критике могли подвергнуться любой ученый и любая работа [22, с.131]. Сверху им было предписано встать в авангарде патриотической пропаганды. Они должны были не просто противостоять «буржуазной науке», но и доказывать национальные приоритеты во всех областях, научно обосновывать советскую имперскую идею, беспощадно критиковать разного рода «фальсификаторов». Вполне естественно, что в этих обстоятельствах русские историки-эмигранты в глазах советской пропаганды становились злейшими врагами. Особенно это касалось тех, кто оказался в США и преподавал в американских университетах.

Приведем в пример известную статью, которая была опубликована от имени редакции во втором номере *Вопросов истории* за 1949 г. и направлена против «буржуазных космополитов» в исторической науке [18]. Согласно справедливому мнению А.Л.Юганова, одной из причин жесткой идеологической борьбы стала реакция на американский опыт написания многотомной «Истории России», которую как раз в это время затеял в США Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) [32, с.611]². Закономерно, что журнальная статья помимо советских историков, уличенных в «низкопоклонстве перед Западом», направила острие критики в адрес ученых-эмигрантов, которых прямо обвинили в фальсификации прошлого по указанию «англо-американских хозяев»³. Если

² В 1943 г. в Нью-Хейвене вышел первый том, «Древняя Русь», в 1948 г. – второй том, «Киевская Русь». Последующие тома выходили вплоть до 1969 г. Но свой проект Г.В.Вернадский, как известно, не сумел довести до конца [5, с.103–114].

³ См.: «...история нашей Родины фальсифицируется в США и Англии русскими белоэмигрантами по указанию их англо-американских хозяев. В так называемой кембриджской истории в разделах, посвященных истории России, подвизался такой автор, как Струве, – злейший враг советского народа и гнусный ренегат. Многотомная история России, затеянная в Америке под редакцией Вернадского и Карповича, пишется силами объявивших себя космополитами русских белоэмигрантов. Политический смысл трудов этих фальсификаторов истории нашей Родины ясен: они стремятся представить русский народ находящимся где-то на задворках истории, неспособным к самостоятельному развитию. Сочиненная русскими белоэмигрантами так называемая "евразийская" концепция истории

в 1945 г. журнал *Вопросы истории* декларировал расширение научных связей советских ученых с внешним миром, призывал публиковаться на его страницах иностранных авторов, то теперь он стал проводником научного изоляционизма⁴. Иностранцы историки в своем большинстве теперь рассматриваются как «апологеты английского империализма, открытые германофобы и плохо скрытые русофобы, чьи труды не имеют никакого отношения к объективной науке» [9, с.87].

А.В.Флоровский *Вопросы истории* читал и даже успел опубликовать на его страницах статью (1947) [29]. Хорошо знал он и Г.В.Вернадского, вместе которым в 1920-х гг. работал на Русском юридическом факультете, состоял членом Русского исторического общества и некоторых

Г.В.Вернадский

других эмигрантских организаций (в Праге). Оба историка активно переписывались на протяжении многих лет. Они не были близкими друзьями, во многом стояли на разных научных позициях, но, несмотря на это, глубоко уважали друг друга. Известно было А.В.Флоровскому и о текущей научной работе Г.В.Вернадского. В апреле 1947 г. он написал коллеге в США: «Знаю, что Вы издали первый том Истории России и англ[ийский] перевод Рус[ской] Правды и др. – но еще в руках не держал» [34, 29.04.1947].

Полагаю, что злобные выпады в советском журнале в адрес американского коллеги вряд ли остались незамеченными А.В.Флоровским. В сохранившихся письмах двух ученых мы, правда, не находим ни одного намека на обсуждение идеологических кампаний в СССР [2, д.171, л.30–48; 4]. А.В.Флоровский юридически уже не был эмигрантом, получив в 1946 г. советский паспорт. На научные обобщения русской истории, подобно

России имеет целью "обосновать" якобы на основе исторических "особенностей" развития России отсутствие собственных национальных корней у русской культуры и у русского государства» [18, с.5].

⁴ *О метаморфозах редакционной политики см.: [9, с.77–78].*

Г.В.Вернадскому, он тоже не претендовал, сосредоточившись на узких, конкретных сюжетах, довольно далеких от современных политических реалий⁵. И все же он не мог не понимать, что в глазах и советских, и чехословацких властей он не выглядел полностью благонадежным. Не будем забывать, как менялся климат в самой Чехословакии, где в феврале 1948 г. на волне острого политического кризиса к власти пришли коммунисты. Президент Э.Бенеш, хорошо знакомый русским эмигрантам, в июне ушел в отставку. В Чехословакии начал формироваться социалистический режим по советскому образцу со всеми соответствующими атрибутами: культом личности, причем не только руководителей партии, но и функционеров местного масштаба, поиском врагов, созданием лагерей принудительного труда, давлением на католическую церковь, политизацией научной и культурной жизни, гонением на «реакционные элементы» вплоть до выселения из крупных городов [31, с.89–110].

Например, семья профессора А.Н.Фатеева была выселена из знаменитого «Профессорского дома» в Праге, а его внучке было запрещено поступать в высшее учебное заведение. И это несмотря на то, что сын ученого геройски погиб во время Пражского восстания в мае 1945 г. и посмертно был награжден медалью. Даже ревностный коммунист А.Л.Сидоров с некоторым недовольством вспоминал, что по примеру советской практики значительная часть научной литературы в пражских библиотеках попала под запрет и была уничтожена [20, с.432]. Все эти процессы не обошли стороной и русских эмигрантов.

Апофеозом идеологического бесовства стали показательные судебные процессы по советскому образцу и подобию. Чехословацкая интеллигенция, несмотря на достаточно прочные «левые» традиции, с настоятельностью и опаской следила за происходящим. Эти настроения фиксировали в своих донесениях советские дипломаты в конце 1940-х – начале 1950-х гг. [31, с.117]. Для немалого числа интеллектуалов несогласие с новыми властями обернулось эмиграцией. Что касается А.В.Флоровского, то для него 1948 год, напротив, был ознаменован получением постоянной работы в Карловом университете, причем в должности ординарного профессора. В этом назначении однозначно сыграло положительную роль советское гражданство ученого, получен-

⁵ *Свою единственную работу, в которой была предпринята попытка обрисовать пути развития Российской империи и причины ее краха, А.В.Флоровский так и не опубликовал [8].*

ное в 1946 г. На новые коммунистические власти советский паспорт действовал магически. Указ об устройстве на работу был подписан уже новым президентом республики – Клементом Готвальдом (*Klement Gottwald*; 1896–1953). Однако еще весной 1947 г. Министерство образования и просвещения, несмотря на ходатайство философского факультета Карлова университета, отказало в назначении А.В.Флоровского ординарным профессором, мотивировав свое решение тем, что иностранец не может претендовать на эту должность. Марксистом профессор А.В.Флоровский так и не стал, о чем прямо говорилось в его личном деле [33]. Он продолжал следовать дореволюционной научной модели и потому, с точки зрения советской пропаганды, мог бы стать идеальной мишенью для обвинения в «буржуазном объективизме», «реакционных взглядах» и «космополитизме».

По словам А.Л.Юрганова, дискуссии 1949–1951 гг. показали, что сталинская идеология в изучении российской и всеобщей истории с новой силой вернулась к классовому подходу [32, с.704]. Позитивистская концепция, которой придерживался А.В.Флоровский, явно не вписывалась в эту модель. Полагаю, что сам он прекрасно понимал это. Жизнь под немецкой оккупацией научила его осторожности. И в то же время его вряд ли можно назвать политическим конформистом и обвинить в лояльности новому режиму. В действительности, он всегда сторонился политики. Для него наука была смыслом жизни. Поэтому и делал он то, что было полезно для науки. Но жизнь в послевоенной социалистической Чехословакии требовала выработки новой модели поведения. Не будем забывать, что в конце 1940-х гг. страны Восточной Европы захлестнула волна репрессий и организованных судебных процессов против «врагов народа» по худшим сталинским образцам. В сентябре 1949 г. в Венгрии прошел суд над Ласло Райком (*László Rajk*) и его соратниками. 27 июня 1950 г. по сфабрикованному делу была повешена Милада Горакова (*Milada Horáková*), видный чехословацкий общественный и политический деятель. В мае 1952 г. в СССР прошел суд над членами Еврейского антифашистского комитета, по приговору которого в августе 1952 г. 13 из 15 обвиняемых были расстреляны. В ноябре 1952 г. в Праге состоялся процесс Рудольфа Сланского (*Rudolf Slánský*), большинство осужденных по которому также были казнены. В январе 1953 г. после сообщения в *Правде* в СССР было начато «дело врачей».

И всё же А.В.Флоровский и после 1948–1949 гг., когда письма из Москвы или Ленинграда внезапно перестали приходить⁶, не оставлял попыток наладить сотрудничество с советской стороной. Среди неразобранных бумаг историка в Славянской библиотеке в Праге в 2014 г. была обнаружена машинопись его обращения к советским коллегам. Кому именно было адресовано письмо, остается загадкой, ибо никаких указаний в тексте нет. Лишь в правом верхнем углу рукой историка подписано: «Передано через И.И.Удальцова 13.XI.1950». Обратимся теперь к содержанию самого письма: «А.В.Флоровский, профессор русской истории Карлова университета в Праге, в последнее время занимается историей Петра I, в особенности теми ее сторонами, которые связаны с его внешней политикой (внешняя торговля, отношения с Австрией и др[угое] и под[обное]). А.Флоровский очень заинтересован в налаживании живого личного контакта с историками Советского Союза, занимающимися специально эпохой Петра Великого. Начатая в связи с этим переписка с А.И.Андреевым прервалась уже 2 года назад. Флоровский готов оказывать посильное содействие всем историкам, нуждающимся в справках и под[обном] в иностранной литературе и под[обном], в заграничных архивах – может быть. Флоровский готов помочь подбором справок относительно заграничной литературы о Петре I и его времени за период после первой мировой войны 1914 и сл[едующих] гг., когда нарушено было нормальное снабжение русских библиотек заграничной исторической и журнальной литературой. Со своей стороны Флоровский очень нуждается в своевременном получении новых советских работ по эпохе Петра I. В частности в Праге нет до сих пор книг по истории внешней политики Петра I, Б.Б.Кафенгауза, Е.В.Тарле, нет комплекта статей Т.К.Крыловой, [С.]А.Фейгиной и др.» [35].

Факт передачи письма через Ивана Ивановича Удальцова (1918–1995) был не случаен. А.В.Флоровский имел возможность познакомиться с ним в 1949 г. в Праге, куда советский историк приезжал с лекциями [34]. И.И.Удальцов был тогда сотрудником Института славяноведения АН СССР, его партийно-дипломатическая карьера была еще впереди. Можно предположить, что А.В.Флоровский в тот момент пытался выстраивать отношения с советскими коллегами через официальных научных посредников, не исключено, что в силу осторожности. И, конечно,

⁶ Так, ни в Праге, ни в Москве не сохранилось ни одного письма от А.И.Андреева или Н.Л.Рубинштейна, написанного после 1947 г.

он искренне был убежден, что может быть полезен, а потому вновь и вновь предлагал свои услуги АН СССР. Можно подумать, что молчание Москвы смущало его и как человека с непростым характером даже обижало. Неспроста он сетовал на прерывание переписки с А.И.Андреевым. Но знал ли А.В.Флоровский о фактическом разгроме группы по изучению Петра Великого к концу 1940-х гг., понимал ли он истинные обстоятельства прерывания контактов с советскими учеными и причины молчания А.И.Андреева? Документальных свидетельств на сей счет пока не выявлено. Но, полагаю, что прекрасно понимал. А.В.Флоровский читал советскую научную периодику, которая исправно поступала в Прагу. Как человек умный, он вряд ли не замечал смену тональности статей. За его плечами был и личный опыт высылки из Советской России (1922). Можно предположить, что сказались также неудачные попытки возродить работу Археологического института имени Н.П.Кондакова. Увы, ничего неизвестно и о судьбе письма, переданного в Москву через И.И.Удальцова.

В итоге А.В.Флоровский понял, что полноценные связи с советскими учеными пока невозможны. В разгар борьбы с космополитизмом и «низкопоклонством перед Западом» под ударом оказались международные контакты советских ученых, ограничение которых стало одной из главных черт послевоенной советской научной политики. Еще в 1946 г. начинает сокращаться поступление иностранной литературы в библиотеки и исследовательские учреждения, а сами они были поставлены под жесткий цензурный контроль; запрещалась индивидуальная подписка на иностранную периодику. В итоге уже к августу 1947 г. был налажен жесткий контроль в системе получения и распределения иностранных изданий [9, с.74]. Травля профессоров-медиков Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина («дело КР») манифестировала отказ от иностранных контактов и «особую советскую науку». Официально декларировалось, что «безродные космополиты» предпочитают печататься за рубежом, а в их исследованиях доминируют ссылки на иностранную литературу. Приоритет советской науки перед зарубежной был возведен в абсолют. Прекратилось издание некоторых советских научных журналов на иностранных языках. Русский язык провозглашался «международным языком эпохи социализма» [21]. В таких условиях международные научные связи не могли развиваться, а наличие корреспондентов за пределами своей страны становилось отягчающим обстоятельством.

Конечно, после принятия советского гражданства А.В.Флоровский вел себя предельно осторожно и, по некоторым устным сведениям, даже

основательно вычистил свой архив, желая избавиться от материалов, которые могли бы скомпрометировать его. Переписка А.В.Флоровского с советскими коллегами прекращается на несколько лет, чтобы возобновиться с новой, необычайной силой уже в годы хрущевской «оттепели»⁷.

«Оттепель» и новые надежды В 1955 г. в Праге выходит работа А.В.Флоровского «Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого», которая, по мысли автора, должна была обобщить первичные итоги его исследований [28]. А в то же самое время в Москве под редакцией Б.Б.Кафенгауза готовится к изданию X том «Писем и бумаг императора Петра Великого», который выйдет из печати в 1956 г.⁸ Среди использованной при его составлении литературы мы находим и указания на недавнюю работу пражского профессора [19, т.10, с.867]. В пору начавшейся «оттепели» редакция серии вновь стремится наладить сотрудничество с иностранными учеными, причем не только из социалистических стран. К слову, уже в последующих томах «Писем и бумаг...» появятся документы из Центрального германского архива в Мерзебурге, Саксонского архива в Дрездене, Государственного архива Флоренции, Архива Венеции, Государственного архива в Цетинье, Польско-советского института в Варшаве, Венского государственного архива.

Появление нового тома «Писем и бумаг...», вероятно, послужило для А.В.Флоровского поводом к повторной попытке возобновить контакты с советскими учеными. В своей монографии 1955 г. он объяснял важность изучения петровской дипломатии в контексте общеевропейской внешнеполитической истории и апеллировал к удачному опыту советских историков: «Искренне приветствуем... обращение советской

⁷ В то же время интерес А.В.Флоровского к советской историографии не угас. В 1952 г. он опубликовал по-чешски небольшой очерк об изучении петровской эпохи в СССР, отметив огромный вклад А.И.Андреева, С.К.Богоявленского, Е.И.Заозерской, Б.Б.Кафенгауза, В.В.Мавродина, Н.Л.Рубинштейна, С.А.Фейгиной и др. (см.: [45]).

⁸ Именно Б.Б.Кафенгауз после опалы А.И.Андреева возглавит проект по изданию «Писем и бумаг...». В 1950–1952 гг. под его редакцией будет издана 2-я часть VIII тома [19, т.8, вып.2], подготовка которой была начата еще А.И.Андреевым, а также две части IX-го [19, т.9, вып.1–2]. Имена А.И.Андреева и С.А.Фейгиной были изгнаны со страниц книги.

историографии к темам истории дипломатии и русской международной политики, – эти заслуживающие полного научного внимания проблемы в былое время не пользовались особым признанием и оставались обычно на втором, третьем плане в развитии русской исторической мысли» [28, с.5–6]. Среди наиболее ценных исследований он называет работы Б.Б.Кафенгауза, В.Д.Королюка, Т.К.Крыловой, Л.А.Никифорова, Е.В.Тарле и С.А.Фейгиной.

Другим поводом стал очередной приезд в Прагу в 1957 г. А.Л.Сидорова, который к тому моменту вновь пережил идейные метаморфозы. А.В.Флоровский встретился с ним и поинтересовался судьбой «Писем и бумаг императора Петра Великого». Он поделился своими критическими замечаниями в адрес нового тома, отметил пропуски в документах и выразил готовность оказать посильную помощь в дальнейшей работе. А.Л.Сидоров рассказал А.В.Флоровскому про новейшие исследования о петровской эпохе и особо отметил скорый выход книги С.А.Фейгиной про Аландский конгресс⁹. Той самой С.А.Фейгиной, которую он еще недавно беспощадно клеймил и подвел к увольнению из Института истории. Но времена изменились, а вслед за ними в очередной раз решил меняться и А.Л.Сидоров. По приезде в Москву он поделился с коллегами впечатлениями о встрече с А.В.Флоровским¹⁰.

В конце марта 1958 г. на пражский адрес А.В.Флоровского пришло письмо из Института истории АН СССР. Оно было напечатано на официальном бланке и подписано Владимиром Григорьевичем Трухановским (1914–2000), исполнявшим в тот момент обязанности директора, и Алексеем Андреевичем Новосельским (1891–1967), заведовавшим сектором публикации. В письме рассказывалось о возобновлении в 1946 г. издания «Писем и бумаг императора Петра Великого»¹¹ и говорилось о необходимости выявления нового круга документов. Авторы признавали, что неразрешимой трудностью является использование зарубежных источников, и поэтому сотрудничество с А.В.Флоровским для них было бы крайне желательным: «Зная Вас, как исследователя, плодотворно работающего по изучению времени Петра I, мы просим Вас не отказать

⁹ Об этом мы узнаем из эпистолярного рассказа А.В.Флоровского А.А.Новосельскому в письме от 20 октября 1958 г. [39, №2].

¹⁰ На этот факт указывает содержание письма к А.В.Флоровскому от имени Института истории АН СССР от 24 февраля 1958 г. [35].

¹¹ Из письма складывается впечатление, что авторы не знали о прежних контактах А.В.Флоровского и А.И.Андреева.

сообщить свои замечания относительно издания "Писем и бумаг" Петра I, а также помочь нам своими указаниями относительно архивных собраний и коллекций Чехословакии, в которых имеются материалы о России 1-й четверти XVIII столетия (и особенно документов 1711–1712 гг.). Ваши соображения и указания о расширении источников нашего издания, а также Ваши критические замечания о нем примем с благодарностью» [35].

Получение письма воодушевило А.В.Флоровского, лучшим свидетельством чему является его пространный ответ от 23 марта 1958 г., в котором он изложил свои главные соображения («Я почитаю для себя высокой честью принять хотя бы какое-либо посильное участие в деле подготовки и обработки очередных томов замечательного научного начинания, каким является издание "Писем и бумаг Петра Великого"»). Он особо подчеркивал, что ему удалось тщательно изучить документы о дипломатических сношениях между Россией и Австрией в 1698–1726 гг. в фондах Австрийского государственного архива. Среди них были акты, письма и грамоты, связанные с именем самого Петра. Он заметил, что материалы архива, датированные событиями до 1710 г., были неплохо изучены еще дореволюционными русскими историками, работавшими над подготовкой «Писем и бумаг...», чего нельзя было сказать о более поздних документах, совершенно обойденных вниманием ученых. А.В.Флоровский сожалел, что уже два года он не может получить командировку в Вену для более глубокого изучения архива и выявления новых русских материалов. В качестве банальной причины отказа он называл нежелание выделять на поездку валюту («Я уже два года пытаюсь получить возможность поехать за этим в Вену, но мне не хотят позволить – из-за экономии валюты – истратить мои собственные деньги на эту поездку и на посещение иных заграничных архивов, куда рвусь ради петровских материалов. Не имеет возможности помочь в этом (валюта!) и наш консулат без формального толчка со стороны. А выписать сюда эти документы не решаюсь, не знаю точно, где именно имеются русские материалы, а на месте – при знании основного Фонда – это было бы и легко и полезно...» [35]).

Здесь сделаем небольшое уточнение. Отказ в обмене валюты под предлогом ее острой нехватки в банке часто служил для воспрепятствования поездки за границу неблагонадежных, с точки зрения властей, лиц. При этом официально такое путешествие никто не запрещал, но

реально без валюты его невозможно было осуществить¹². К слову, в том же 1958 г. А.В.Флоровский жаловался своему старому приятелю востоковеду В.Ф.Минорскому: «Все меня тревожит необходимость для разысканий моих попасть как-нибудь в Вену, Лондон и Париж, конечно, и в Голландию – ради дополнения моих сведений архивных. Но это теперь так трудно из-за валютных стеснений у нас, что прямо руки опускаются. Надо бы в свое время завести какой-нибудь значительный денежный фонд за границей, чтобы отсюда ехать совсем без денег!» [1, д.845, л.17 об.].

А.В.Флоровский. 1950-е годы

Остановимся подробно на критических замечаниях со стороны А.В.Флоровского на X том «Писем и бумаг», которые важны с точки зрения не только взгляда из-за границы, но и взгляда представителя дореволюционной научной школы на работу советских историков. Так, в письме от 23 марта 1958 г. он рекомендовал опубликовать не только русский, но и немецкий текст русско-прусского договора в Мариенверде 1709 г.¹³; дать комментарий относительно судьбы архива шведской королевской канцелярии, захваченного русскими под Полтавой; скорректировать рассказ о русской оккупации Спиша; внести уточнения в именной указатель и т.д. К тому же, он советовал помещать в каждом томе «итинерарий Петра Ве-

ликого»¹⁴: «Это очень нужная практически вещь, – и никто лучше этого не может сделать, как ре[дакт]торы этого издания, своего рода дневника

¹² Благодарю за эти сведения моих чешских коллег докторов Отакара Хулеца (*Otaakar Hulec*) и Зденека Полачека (*Zdeněk Poláček*).

¹³ «Ведь и русский и немецкий тексты одинаково действительны и полноправны, и вне России царские обязательства цитировались и понимались по немецкому тексту. Параллельное чтение этих текстов может быть поучительно и со стороны формулировки известных тезисов, это при том, что между двумя текстами нет никаких различий».

¹⁴ Имеется в виду хроника поездок царя.

жизни царя. Конечно, такие поденные записи имеются в Журнале Петра Великого, но он далеко, а письма и бумаги под руками» [35].

А.В.Флоровский говорит о важности использования уже опубликованных иностранных источников, например венгерских материалов, касающихся сношений Петра Великого с Ференцем Ракоци. Он обрисовывает документы об императоре, хранящиеся в чехословацких архивах, и, в частности, бумаги о посещении царем чешских земель в 1698, 1711 и 1712 гг. К ним относились, например:

- документы из фонда бывшего австрийского канцлера графа Кауница в Брно (документы об австрийской миссии князя П.А.Голицина, проект залога Тешинского и Кладенского графств России в 1703 г. и др.);
- письма императора Леопольда I о встрече с Петром Великим в Вене в 1698 г. из собрания графа Штернберга в Национальном музее в Праге (Národní muzeum);
- донесения австрийского посла в России в 1721–1723 гг. графа С.Кинского в Земледельческо-лесном архиве города Дечина (Zemědělsko-lesnický archiv v Děčíně);
- переписка чешских иезуитов, работавших в России в 1684–1719 гг. [25]¹⁵.

Важно еще и то, что А.В.Флоровский дал в своем письме широкие историографические указания, основанные на глубоком знании чешской, польской, немецкой, венгерской историографии (В.Лёве, Й.Фельдман, А.Баллаги, А.Гаспаржикова, И.Лукинич и др.). Вряд ли кто-то из ученых в СССР в тот момент мог похвастаться такими познаниями. «Итак, прошу располагать мною – пока могу – охотно сделаю все нужное. Если нужно – я пришлю список всех актов за подписью Петра I, что встретил в изученных мною фондах венского архива. А далее – нужно выяснить, чем бы и в какой форме мог бы я участвовать в дополнительной обработке этих и иных материалов для соответствующих томов», – подытоживал в марте 1958 г. свое обширное письмо пражский историк [35].

¹⁵ С 1956 г. Земледельческо-лесной архив стал частью Государственного областного архива в Литомержицах (Státní oblastní archiv v Litoměřicích). Изученные А.В.Флоровским документы находятся в специальном фонде: Fond 27. Rodinný archive Kinských a Preysingů.

«Можно надеяться, что благодаря все растущим связям ученых СССР с учеными стран народной демократии...»

Письмо А.В.Флоровского было получено, внимательно изучено и вызвало большой и неподдельный интерес. Об этом свидетельствует подробный ответ от А.А.Новосельского, заведовавшего Сектором источниково-

ведения и издания исторических источников дооктябрьского периода, в сентябре 1958 г. Советский историк поблагодарил своего коллегу и выразил особую признательность за ценные историографические указания, которые, по его убеждению, кроме всего прочего, будут способствовать пополнению Библиотеки Академии наук новыми зарубежными изданиями. А.А.Новосельский понимал, что материалы Венского архива, тщательно обработанные А.В.Флоровским, представляют для советских историков огромный интерес не только в силу своей исторической уникальности, но и в силу их практической недоступности. Поэтому предложение А.В.Флоровского прислать в Москву список документов 1711–1712 гг., касающихся жизни и деятельности Петра Великого, вызвало с его стороны одобрение и воодушевление. На архивные поиски А.В.Флоровского, в том числе на попытки выяснить судьбу шведской королевской канцелярии после Полтавской битвы, в СССР обратили пристальное внимание. В ответ А.А.Новосельский обещал поделиться сведениями о документах, собранных в свое время Комиссией по изданию писем и бумаг Петра Великого. Он кратко ознакомил своего коллегу с ходом работы над новым, 11-м, томом «Писем и бумаг...», которую планировали завершить к 1959 г. А.А.Новосельский увидел в сотрудничестве с пражским профессором долгожданную возможность возобновления научных контактов с иностранными учеными, прерванных в конце 1940-х гг.: «Можно надеяться, что благодаря все растущим связям ученых СССР с учеными стран народной демократии, легенды под документами Петра I, и особенно под договорами России с другими странами, обогатятся в ближайшем будущем ссылками на современные зарубежные архивные фонды» [39, №1].

С этого письма начинается активная переписка А.В.Флоровского с А.А.Новосельским. В ответном письме в октябре 1958 г. Антоний Васильевич выразил советскому коллеге благодарность за помощь и приложил обещанную справку из Венского архива. Он поведал, что важнейшим книжным собранием для его работы над петровской тематикой стала библиотека Е.Ф.Шмурло, приобретенная Славянской библиотекой

в Праге¹⁶. В этом же письме профессор осведомился о судьбе архива Е.Ф.Шмурло, который (в составе Русского заграничного исторического архива, или РЗИА) оказался в Москве после II мировой войны. А.В.Флоровский упомянул о двух сундуках с материалами, собранными историком во время своей работы в Италии. Советские ученые толком ничего не знали о фонде Е.Ф.Шмурло, ведь вплоть до конца 1980-х гг. получить доступ для работы с документами бывшего РЗИА, большая часть которых оказалась в Центральном государственном архиве Октябрьской революции¹⁷, было крайне сложно. В том же октябрьском письме 1958 г. А.В.Флоровский рассказал о найденной Е.Ф.Шмурло грамоте Петра Великого капуцинам 1705 г., опубликованной в Варшаве (1928), по мнению А.В.Флоровского, «весьма неудачно» и с «ошибочными комментариями». Он настаивал на необходимости ее републикации в «Письмах и бумагах» [39, №2, 14]. Но, вопреки обещаниям советских коллег [39, №15], она так и не была издана впоследствии. В конце 1950-х гг. А.В.Флоровский подготовил статью об этой грамоте, послал ее в Москву в надежде на публикацию в «Проблемах источниковедения» [39, №17], но печатная судьба этой работы неизвестна¹⁸.

А.В.Флоровский охотно делился с А.А.Новосельским информацией о своих архивных находках. Например, в 1958 г. он рассказал о материалах, касавшихся взятого в русский плен в Спише секретаря Карла XII Отто фон Клинковстрёма (*Otto Vilhelm Klinckowström*; 1683–1731). В Венском архиве сохранились протокол его допроса, состоящий из ответов на 95 вопросов, и копии его собственных писем, в том числе Карлу XII, Станиславу Лещинскому и Юзефу Потоцкому. Историк полагал, что русское командование послало эти материалы царю, который в указах П.М.Апраксину (1710, 1711) обмолвился об О. фон Клинковстрёме. А.В.Флоровский пытался выяснить, имеются ли в советских архивах материалы об этом деле. Сюжетом этим он интересовался в контексте изучения оккупации русскими Спиша в 1710 г., которая хоть и не имела серьезного влияния на ход Северной войны, зато «сильно всколыхнула отношения в Австрии, Угрии, Польше и т.д.!» [39, №2].

¹⁶ «При этом Шмурло сам всегда говорил, что его интересует Петр Великий только до Полтавы, его становление, но не его зрелость и полный расцвет. Для времени после 1709 г. Шмурло как-то не собирал уже материала, и в библиотеке его имеются огромные лакуны...» [39, №2].

¹⁷ Ныне Государственный архив Российской Федерации.

¹⁸ В личном фонде историка в Праге сохранилась авторская рукопись этой работы [40].

В скором ответе в декабре 1958 г. А.А.Новосельский, явно желая отблагодарить А.В.Флоровского, сообщил, что архив Е.Ф.Шмурло действительно находится в Москве, и что в скором времени некоторые документы из него будут опубликованы [39, №4]¹⁹. В том же письме содержалась информация, что интересующие А.В.Флоровского документы о суде над генерал-фельдмаршалом Генрихом Гольцем (1648–1725), рассорившимся с А.Д.Меншиковым, ослушавшимся Петра Великого и потому в 1711 г. высланным за границу, хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА)²⁰ и пока не стали предметом научного изучения.

Для А.В.Флоровского общение с А.А.Новосельским было важно и интересно не только в плане обмена информацией, но также с целью выяснения возможностей публикации своих работ в СССР. Так, в мае 1960 г. он написал в Москву о неизвестном воззвании Петра Великого к шведам под Полтавой и попросил у своего коллеги содействия для напечатания статьи в *Истории СССР* или *Историческом архиве*. Эта информация привлекла внимание Л.Г.Бескровного и Б.Б.Кафенгауза, готовивших сборник статей к юбилею Полтавской битвы. Они предложили опубликовать в нем статью А.В.Флоровского вместе с текстом самого воззвания, который впоследствии планировали поместить в «Письмах и бумагах...» [39, №6, 8]. А.В.Флоровского это предложение воодушевило, и он быстро подготовил обещанный материал [24, с.359–362]. Вскоре появилась его статья об архиве Карла XII и в другом юбилейном «полтавском» сборнике [26, с.236–244]. Оба издания он воспринимал как некое продолжение андреевского сборника «Петр Великий» (1947). К слову, в 1940-х гг. А.В.Флоровский так и не успел получить от А.И.Андреева это издание. Потому в марте 1960 г. он попросил А.А.Новосельского разыскать для него книгу в Москве. Но ничего из этого не вышло – ее давно не было в продаже [39, №16, 19].

Вообще, А.В.Флоровский нередко просил А.А.Новосельского посодействовать в приобретении нужной ему советской литературы. Напри-

¹⁹ Действительно, материалы фонда Е.В.Шмурло были использованы для подготовки XI тома «Писем и бумаг». В этом велика была заслуга Б.Б.Кафенгауза, который добился допуска к архиву историка и подготовил к публикации несколько документов из него [7]. Примечательно, что принять участие в этом сборнике статей пригласили двух ученых-эмигрантов – самого А.В.Флоровского [30] и его коллегу из Скопье В.А.Мошина [16].

²⁰ Ныне Российский государственный архив древних актов.

мер, ему требовалась книга Леонида Алексеевича Никифорова (1911–1987) о Ништадтском мире, чрезвычайно важная для разработки русско-австрийских отношений 1718–1720 гг., которую он не смог купить в советском книжном магазине в Праге, и многострадальная монография С.А.Фейгиной об Аландском конгрессе, чей выход некогда притормозили идеологические кампании 1940-х гг. А.А.Новосельский исполнил просьбу коллеги. Его же стараниями А.В.Флоровский получит фотокопию грамоты Максимилиана I из ЦГАДА [39, №6, 8, 9].

**«С особым чувством
направляю это письмо...»**

А.В.Флоровский был заинтересован в получении микрофильмов уникальных книг, недоступных ему. Он наладил обмен информацией с Татьяной Александровной Быковой

(1893–1975), заведующей Отделом редких книг в Государственной Публичной библиотеке имени М.Е.Салтыкова-Щедрина. Профессор регулярно посылал ей запросы, в которых осведомлялся о возможности изготовления микрофильмов нужных ему изданий [36, №9]. Т.А.Быкова посильно помогала ему.

Т.А.Быкова

Так, А.В.Флоровский довольно долго, еще со времени поездки в Стокгольм в конце 1920-х гг., разыскивал небольшую брошюру 1720 г. о Петре Великом (*“Pro memoria pour faire voir combien la puissance du Czar est redoubtable”*), принадлежавшую, вероятно, перу шведского сенатора графа Мориса Веллинга (*Maurice Wellingh*), и сумел ознакомиться с ней лишь благодаря Т.А.Быковой.

Профессор в ответ охотно делился своими материалами. Например, в 1959 г. он переслал Т.А.Быковой фотокопии грамматики иезуита Георгия Давида (1690), которую считал первым учебником русского языка для иностранцев, к тому же совершенно неизвестным для исторической науки²¹. Ей же он отправил гравюры с изображением Гангутского сра-

²¹ Об этом букваре, составленном чешским иезуитом Георгием Давидом, находившимся

жения, взятия шведского корабля «Элефант», взятием Саволакского замка, грамоты императора Максимилиана и др. [36, №5, 7, 9, 47].

Общение с Т.А.Быковой, талантливым историком и библиографом, способствовало успеху поисков А.В.Флоровского. Он ясно осознал необходимость подготовки библиографических и источниковедческих справочников, поэтому приветствовал работы своей ленинградской коллеги в ноябрьском письме 1958 г.: «Благоволите принять мою самую глубокую благодарность за присылку мне описания изданных при Петре Великом книг. С величайшим интересом и большой пользой для себя просматриваю это издание, так ярко отображающее великую и неусыпную энергию царя Петра. Уже давно нужно было повторить и расширить когда-то такую заслуженную работу П.Пекарского и Каратаева и нельзя не признаться, что Вы выполнили это с огромным успехом, потребовавшим столько внимания, сосредоточенности и широты изысканий <...> С особым чувством направляю это письмо в Библиотеку, в которой я последний раз занимался, увы, 45 лет назад» [36, №29]²².

Надежной опорой А.В.Флоровскому в его поисках служил знаменитый справочник Р.И.Минцлова, до сих пор не утративший своей научной значимости [15]. Профессор стремился максимально подробно изучить центральноевропейскую Россию XVIII в., выявить малоизвестные или вовсе забытые печатные издания. И вновь он критиковал советских специалистов по петровской эпохе, о чем прямо писал Т.А.Быковой: «Конечно, редакция "Писем и бумаг" не дает библиографического описания обнаруженных ею печатных изданий и вместе с тем недостаточно внимательна к печатным текстам, упуская порою даже заглянуть к Минцлову, что в некоторых случаях прямо вредит делу» [36, №11]. Саму Татьяну Александровну советы, рассуждения и замечания профессора привлекали, ведь в фондах ленинградских библиотек отсутствовали многие издания России, указанные пражским профессором. Впрочем отсутствовали и работы ученых-эмигрантов, включая его самого [36, №7, 10]. В той же Публичной библиотеке имелись лишь двухтомная монография о чехах и восточных славянах и книга о русско-чешских торговых отношениях²³. Об-

долгое время с миссией в Москве, А.В.Флоровский писал еще в конце 1930-х гг. [44], а затем, на основе новых сведений, обобщил известные ему данные [27].

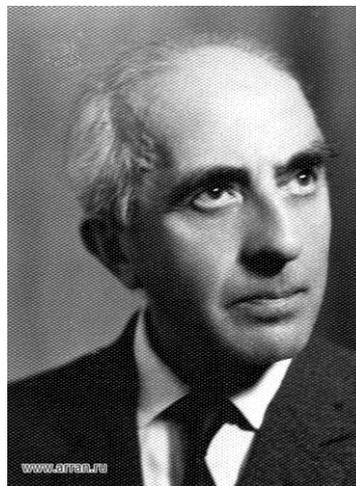
²² Очевидно, что А.В.Флоровский писал об издании: [6].

²³ Вероятно, имеется в виду книга: [42].

суждая с Т.А.Быковой свою книгу о чешских иезуитах [43], он с некоторым недоумением заметил: «Я не ожидал, что в СССР осталась совсем или мало известной эта моя работа...» [36, №9].

А как складывались взаимоотношения А.В.Флоровского с непосредственными участниками группы по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого»? На основе сохранившихся архивных источников можно сделать вывод, что с Н.А.Баклановой, П.П.Епифановым, Е.И.Заозерской он не общался. По крайней мере, ни одного письма от них к А.В.Флоровскому не сохранилось. Его обращения к ним также неизвестны. Мы также ничего не знаем о его попытках возобновить общение с А.И.Андреевым в 1950-е гг. Свидетельств тому в архивах пока обнаружить не удалось. Но нет сомнения, что за его научной работой А.В.Флоровский внимательно следил, и о своем советском коллеге не забывал. Во всяком случае, в частых письмах к Владимиру Ивановичу Малышеву (1910–1976) в Ленинград пражский профессор несколько раз просил передать А.И.Андрееву привет и наилучшие пожелания [3, д.1560, л.16 об., 19, 20 об., 21 об.]. И именно В.И.Малышев 22 июня 1959 г. напишет в Прагу П.Н.Савицкому: «Кланяйтесь от меня А.В.Флоровскому. Передайте ему печальную весть: 13 июня мы схоронили проф[ессора] А.И.Андреева; умер в возрасте 72 лет от сердца (перегрелся на солнце, у нас были очень жаркие дни)» [41, №4].

Кажется, что отношения А.В.Флоровского с Б.Б.Кафенгаузом, возглавлявшим в 1950-е гг. работу Группы по изданию писем и бумаг Петра Великого, не сложились. В начале июля 1959 г. Антоний Васильевич направил ему письмо, рассказал о своих работах, предложил обмениваться информацией и осведомился о возможности опубликовать свои работы в СССР [2, д.40, л.1–1 об.]. Но послание его пришло в Москву, когда Б.Б.Кафенгауз находился в отпуске, поэтому ответ задержался до конца октября. Сохранившееся письмо советского историка носит предельно официальный

Б.Б.Кафенгауз

характер: «Подготавливаемая Вами новая большая работа по истории дипломатических отношений времени Петра I на основании документов Венского архива, несомненно, вызовет большой интерес. В настоящее время подходит к концу подготовка XI тома "Писем и бумаг Петра I". Таким образом, действительно, мы работаем по общим научным вопросам. Если представится возможность печатания Ваших новых работ, конечно, не замедлю Вам сообщить» [37, №1]. Других сведений об общении А.В.Флоровского и Б.Б.Кафенгауза в архивах не сохранилось. Иное дело другие участники научного проекта.

В 1957 г. А.В.Флоровский по переписке познакомился с Татьяной Корнильевой Крыловой. Есть основания полагать, что их свел В.И.Малышев, с которым пражский профессор состоял в активной переписке с 1957 г. О его любезном посредничестве профессор упомянул в июньском письме 1957 г. [38, №1]²⁴. Именно через В.И.Малышева А.В.Флоровский получил оттиски статей Т.К.Крыловой из *Исторических записок*, которые прежде были ему недоступны [13; 12; 10]. А.В.Флоровский поделился с Т.К.Крыловой своими творческими планами по написанию книги о русско-австрийских отношениях в 1-ю четверть XVIII в. и сообщил, что в настоящее время работает над главами о послепоплавском времени. Он показал хорошее знание советской историографии петровской эпохи и отметил ее сильные и слабые стороны. Например, он покритиковал В.П.Лысцова за игнорирование дипломатических вопросов в только что вышедшей книге о Персидском походе, а Л.А.Никифорова – за малое внимание к англо-русскому дипломатическому противоборству [14; 17]. Коснулся он и нового, 10-го, тома «Писем и бумаг...», вынося вердикт, что «редакция все же мало обращается к иностранной литературе, где можно – между прочим – найти немало размышлений и дополнений чисто документального характера» [38, №1].

На основании имеющихся документов складывается впечатление, что ответа А.В.Флоровский тогда не получил и повторил свое обращение лишь через пару лет. В январе 1960 г. в редакцию журнала *Исторический архив* на имя Т.К.Крыловой было отправлено следующее послание: «Простите великодушно, что я беспокою Вас этим

²⁴ В описи письмо неверно датировано 1952 годом из-за небрежного написания самим А.В.Флоровским даты. Упоминание в тексте X тома «Писем и бумаг», изданного в 1956 г., подтверждает датировку.

письмом. Но думаю, что в интересах нас обоих наладить хотя бы письменный контакт, поскольку мы работаем в одной и той же сфере...» [38, №2]. А.В.Флоровский сообщал, что от В.И.Малышева получил несколько оттисков ее статей, но некоторые из работ, опубликованных в Ленинграде, остались для него недоступными. В знак уважения профессор послал ей отпечаток своей работы о деле О. фон Клиноквстрёма [23]. Вскоре, 14 января 1960 г., он получил любезное послание из Москвы, в котором Т.К.Крылова сообщила, что прочла статью «с неослабевающим интересом», «испытывая большое наслаждение от этого маленького шедевра»: «Ваше большое исследовательское мастерство и обширные познания отразились в нем как Солнце в малой капле воды» [38, №3]. Профессор же в ответ направил в Москву свои работы и вновь пожаловался, что многое из написанного советскими историками остается для него недоступным, хотя жизненно необходимо в процессе исследовательской работы. В переписке А.В.Флоровского с Т.К.Крыловой отчетливо слышалась его критика советских историков за слабое знание иностранных источников и литературы. Она была вполне справедливой, и, вероятно, прекрасно осознавалась самими советскими учеными. Та же Т.К.Крылова писала А.В.Флоровскому 12 февраля 1960 г., что ничего не слышала о присланном им журнале *Scando-Slavica*²⁵. Журнал этот, между тем, был на тот момент ведущим славистическим изданием в Скандинавии²⁶.

А.В.Флоровскому явно импонировал подход Т.К.Крыловой, стремившейся вписать петровскую внешнюю политику в общеевропейский контекст, показать широту дипломатических усилий России. Ее исследования он активно использовал, например, считал, что статья о русско-турецких связях в 1711–1714 гг. помогла ему при разработке русско-австрийских отношений [38, №7]²⁷. «Еще раз хочу подтвер-

²⁵ «Если Вас не затруднит, сообщите мне, пожалуйста, как давно оно издается, какие цели ставит, и каков состав и размеры его предшествующих выпусков» [38, №5].

²⁶ Он был основан в 1954 г. в Университете Орхуса Адольфом Стендер-Петерсоном (Adolf Stender-Petersen; 1893–1963), видным датским историком, а в прошлом – выпускником Петроградского университета и эмигрантом.

²⁷ Датировка цитируемого письма А.В.Флоровского к Т.К.Крыловой (23 сентября 1960 г.) в описи его личного фонда в Славянской библиотеке в Праге неверна. Архивисты атрибутировали его по нечеткой карандашной приписке рукой самого историка в правом верхнем углу. Однако упоминание статьи Т.К.Крыловой [11] говорит о том, что письмо было

дять, что рад возможности научного общения с Вами, с таким важным представителем исследования по эпохе Петра Великого», – подытоживал он в одном из своих писем [38, №1].

Список сокращений

ИЗ. – Исторические записки.

Международные связи России. – Международные связи России до XVII в.: Сб. ст. / Под ред. А.А.Зиминой, В.Т.Пашуто. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

SK – Slovanská knihovna v Praze. Trezor.

Библиографический список

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Ф.134. Оп.3.
2. Архив Российской академии наук. Ф.1609. Оп.2.
3. Отдел рукописей Института русской литературы Российской академии наук. Ф.494. Оп.2.
4. Аксенова Е.П. Из переписки Г.В.Вернадского и А.В.Флоровского // Славяноведение. 1994. №4. С.92–101.
5. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В.Вернадский, М.М.Карпович, М.Т.Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 142 с.
6. Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 646 с.
7. Кафенгауз Б.Б. Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // Международные связи России. С.533–536.
8. Ковалев М.В. Рукопись А.В.Флоровского «Реформы, реакция, революция» в собрании Архива Российской академии наук // Освободительное движение в России. Саратов, 2014. Вып.25. С.132–172.
9. Колеватов Д.М., Мамонтова М.А. Начало «холодной войны». Поворот к изоляционизму в науке // Трансформация образа советской исторической

написано не ранее 1966 г.

- науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. С.66–89.
10. Крылова Т.К. Россия и «Великий союз» // ИЗ. 1942. Т.13. С.84–129.
 11. Крылова Т.К. Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). Сб. ст. / Отв. ред. Л.Г.Бескровный. М.: Наука, 1966. С.410–446.
 12. Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // ИЗ. 1941. Т.10. С.250–279.
 13. Крылова Т.К. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны // ИЗ. 1940. Т.7. С.115–148.
 14. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. М.: Изд-во МГУ, 1951. 250 с.
 15. Минцлов Р.И. Петр Великий в иностранной литературе. СПб.: Издвением И.И.Глазунова, книгопродавца-издателя, 1872. 691 с.
 16. Мошин В.А. Из истории сношений Римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Международные связи России. С.491–511.
 17. Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре. М.: Госполитиздат, 1950. 278 с.
 18. О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. №2. С.3–13.
 19. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т.8. Вып.2. 1180 с.; 1950. Т.9. Вып.1. 526 с.; М., 1952. Т.9. Вып.2. 1620 с.; 1956. Т.10. 870 с.
 20. Сидоров А.Л. Чехословакия. Прага. Октябрь 1946 – февраль 1947 г. // Мир историка. XX век / Под ред. А.Н.Сахарова. М.: ИРИ РАН, 2002. С.425–438.
 21. Сонин А.С. Несколько эпизодов борьбы с «космополитизмом» в физике // Вестник Российской академии наук. 1991. Т.6. №12. С.103–114.
 22. Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки: историографический вестник. 2009–2010. М.: ИРИ РАН, 2012. С.118–144.
 23. Флоровский А.В. Дело О. фон-Клинковстрёма. Эпизод из истории Северной войны 1709–1710 гг. // Scando-Slavica. Copenhagen, 1959. Т.5. S.199–230.
 24. Флоровский А.В. Забытое воззвание Петра I к шведам после Полтавы (1709) // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения. Сб. ст. / Под ред. Л.Г.Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С.359–362.

25. Флоровский А.В. Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С.236–241.
26. Флоровский А.В. Об архиве Карла XII под Полтавой // Полтавская победа: Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. Сб. ст. / Отв. ред. И.Б.Греков, В.Д.Королюк. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С.236–244.
27. Флоровский А.В. Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М.; Л., 1961. Т.17. С.482–494.
28. Флоровский А.В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Praha: Karlova Universita, 1955. 42 s.
29. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне в X–XVIII вв. // Вопросы истории. 1947. №8. С.66–73.
30. Флоровский А.В. Чешско-русские торговые отношения X–XII вв. // Международные связи России. С.61–83.
31. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории / Отв. ред. В.В.Марьина. М.: Наука, 2005. Т.2. 558 с.
32. Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 765 с.
33. Archiv Univerzity Karlovy. F. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy. Kart.18. Inv.č. 206.
34. Bakhmeteff Archive of Russian and European History and Culture, Columbia University. George Vernadsky Papers. Box 32. Florovskii, A.V.
35. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. (Неописанная часть коллекции А.В.Флоровского, документы без инвентарных номеров).
36. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. Krab.III. Korespondence. №29. Bykova, Tat'jana Aleksandrovna, Leningrad.
37. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. Krab.V. Korespondence. №103. Kafengauz, Bergard Borisovič, Moskva.
38. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. Krab.V. Korespondence. №121. Krylova, Tat'jana Kornil'jevna, Moskva.
39. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. Krab.VII. Korespondence. №192. Novosel'skij, Aleksej Andrejevič, Moskva.
40. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. Krab.XXVII. Флоровский А.В. История одной царской грамоты (1705 г.) (Страница из истории русско-польских отношений начала XVIII века).
41. SK. P.N.Savickij. T-SAV. Krab.II: Korespondence. Kart.III. Inv.č. 30. Malyšev, Vladimir Ivanovič, Leningrad. №4.

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

42. Florovskij A. Česko-ruske obchodni styky v minulosti (X–XVIII století). Praha: SPN, 1954. 396 s.
43. Florovskij A. Čeští jesuité na Rusi: Jesuité české provincie a slovanský východ. Praha: Vyšehrad, 1941. 468 s.
44. Florovskij A. Ruská mluvnice českého jesuity r. 1690 // Slovo a slovesnost. Praha, 1939. Roč. IV. №4. S.239–245.
45. Florovskij A. Sovětská historiografie o době Petra I // Sovětská věda – Historie. 1952. Roč.II. №14. S.133–134.

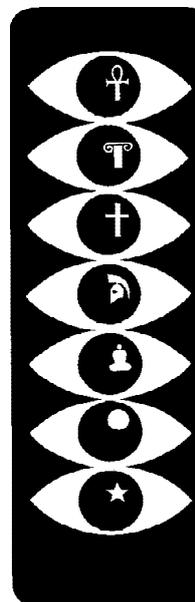
(Продолжение следует)

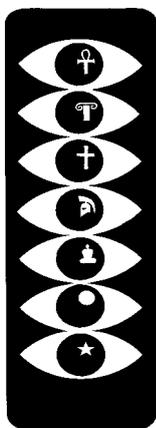
**Все революции кончались реакциями.
Это неотвратно. Это — закон.
И чем неистовее и яростнее
бывали революции, тем сильнее
были реакции. В чередованиях
революций и реакций есть какой-то
магический круг.**

Н.А.Бердяев

**Временами изощренность предстает
как умение сделать правильный выбор
в соответствии с интуицией.**

Жак Деррида

Владимир Дегоев

**ДИПЛОМАТИЯ ПЕТРА I
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ
ЭТАПЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЫ 1686–1700 ГОДОВ¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47)05

К началу декабря 1697 года казалось, что вымотанные острейшими дипломатическими схватками и несносными природными условиями участники Карловицкого конгресса все же принудят себя к какому-то компромиссу. Но это была лишь иллюзия. Во многом благодаря твердой позиции Возницына и его умению играть на разногласиях союзников борьба неожиданно разгорелась с новой силой, создавая ситуацию, когда могло случиться всякое из прежде маловероятного.

By the beginning of December 1697 the participants of the Karlowitz congress had seemed exhausted well enough to come up with some semblance of compromise. But instead they faced a series of new problems to be resolved. Owing to Voznitsin's dexterity in the art of capitalizing on the severe disagreements between his opponents the diplomatic struggle reemerged with the renewed vigor. It resulted in a situation that could turn into reality any outcome hitherto unlikely to happen.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1686–1700 гг.; Священная лига (1684–1699 гг.); Карловицкий конгресс; Петр I; П.Б.Возницын; П.В.Посников; А.Маврокордато; Рами Мехмед-паша; Вильям Пэджет; Якоб Кольер.

Key words: Russo-Turkish War of 1686–1700; Holy League (1684–1699); the Congress of Karlowitz; Peter the Great; Procopius Voznitsin; Peter Posnikov; Alexander Mavrocordato; Rami Mehmed-pasha; William Paget; Jacobus Colier.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

¹ *Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2016. №№1, 2, 3, 4.*

V. Затянувшееся ожидание развязки

Возницын в раздумьях

Что стоило бы считать непоправимо «неблагоприятным» результатом конгресса для Москвы? Подписание трех мирных договоров (Австрии, Польши, Венеции) с Турцией? Но это не рус-

ские проблемы, и причин для паники в них нет, как нет смысла обижаться на сверхциничное поведение союзников.

Отсутствие аналогичного соглашения между Россией и Турцией? А кто сказал, что это было апофеозом мечтаний Петра? Или, быть может, распад Священной лиги? Но она почилла в бозе еще до конгресса, сыгравшего роль траурной панихиды, где никто не рыдал.

Более того, а был ли Петр на самом деле заинтересован в русско-турецком примирении на основе «десяти пунктов», когда его замыслы, как известно, простирались далеко за горизонт этой скромной для него программы? Не лишнее ли тому подтверждение упорное молчание царя в ответ на мольбы Возницына?

О чем бы ни догадывался Прокопий Богданович на сей счет, он для самоуспокоения предпочел бы иметь на руках либо подтверждение прежней инструкции, либо высочайшие коррективы, если после всех докладов из Карловица царь сочтет их необходимыми. Чем ближе к концу конгресса, тем острее чувствовал Возницын нужду хотя бы в каких-то указаниях из Москвы. Даже его богатейший опыт не гарантировал, что в почти ежедневно меняющейся обстановке, на скользких участках уже завершающегося пути он не может случайно оступиться, не имея под рукой прочную трость в виде столь долгожданных повелений Петра.

Напрямую исповедаться Петру в своих профессиональных проблемах Возницыну, по-видимому, не достало духу. Да и служебной субординацией подобные обращения – в обход Посольского приказа – не поощрялись. 2 декабря в Москву была отправлена очередная почта. Свой, как всегда, обстоятельный доклад Прокопий Богданович завершал слезной просьбой к Льву Кирилловичу Нарышкину: «Прошу милости, – писал он, – изволишь о сем о всем донести Великому Государю, и его Государев указ исходатайствовать, а именно о тех поднепровских городах и границах от Азова и от Очакова, и о даче хану казны, и о всем состоянии того с турками и татарами миру. Я с своей великой трудности и печали дерзаю донести: во истину, государь, надобно было и прежде сего, и без моего доношения, о

всех сих настоящих трудностях, помыслив и рассудя накрепко, ему, Великому Государю, донести, и меня не единокрлатно разными способами или статьями удовольствовать; а то не токмо каким указом, или на что рассуждением определен, но и на мои письма ни на которое ответу нет. Сами извольте милостиво рассудить, что я труждаюся не в своем токмо, в общем его Государеве деле, и одною бедною головою как могу делать: помириться с уступкою тех городов – беда, а остаться в войне одним, – и то, кажется, не прибыль. А то уже видимо, что все оставляют, однакож я без указа тех городов уступить не смею: нечто только положить на волю Божию. Буде не дадут на описку (т.е. время на консультации с Москвой. – *В.Д.*) и ждать совершенно не похотят, помышлю о учинении на малое перемирие, буде к тому турки покажут пристойную склонность» [2, с.329–330].

В определенном смысле это чрезвычайно любопытный документ. Сам стиль изложения информации передает чувства задетого за живое человека, верой и правдой служащего Царю и Отечеству, его подавленное настроение и даже плохо скрываемое раздражение. В искренности автора сомневаться не приходится. Но искренность свою Возницын использует с сугубо практической целью. Он знает, что это, скорее всего, его последний призыв к царю, который, как и остальные, может остаться без ответа. Да и при наличии ответа, дойти до Карловица он едва ли успеет, учитывая усилившееся стремление участников конгресса завершить его в предельно короткие сроки.

Если Возницын не надеется получить инструкции, то зачем он их просит? Затем, что ему нужна железная гарантия, что его не станут корить за решения, которые ему придется принимать вслепую. Точнее – импровизируя в рамках венских наказов Петра, оставлявших мало свободы для импровизаций, считавшихся монаршей привилегией. Вероятнее всего, Возницын еще раз убедился бы, что гениальность вождя далеко не всегда подразумевает последовательность и полную предсказуемость его политики.

Многоопытный Возницын был прекрасно осведомлен об общеевропейском раскладе сил и назревавших дипломатических комбинациях. Разумеется, не была для него секретом и идея Петра о присоединении России к еще только оформлявшейся антишведской коалиции. Однако в данном случае это намерение вступало в острое логическое противоречие с неслыханными по масштабам военно-морскими приготовлениями против Турции.

Воевать одновременно против двух могущественных империй на юге и севере – безумие. Значит, надо выбирать. Потенциал и темпы мобилиза-

ции России на южном направлении представлялись Возницину достаточно внушительными, и поэтому он рискнул предложить Петру нанести удар по туркам на пространстве от Черкесии до Дуная. Этот вариант по сравнению с северным выглядел более подготовленным и более реалистичным, хотя никто не мог знать, когда и чем закончится южная война при отсутствии союзников и других сложностях.

А если государь предпочтет войну со Швецией, соблазнившись тем обстоятельством, что недостаточная боевая и техническая готовность России будет компенсирована наличием дееспособной коалиции европейских государств?

От этого выбора зависела стратегия и тональность русско-турецких переговоров на заключительном этапе Карловицкого конгресса. Перспектива продолжения войны с Портой развязывала Возницину руки, освобождая от необходимости ломать голову над формой и содержанием документа, подводящего итог спорам о территориальных и иных уступках. Не было бы большой беды, в том числе для него лично, если бы он вернулся в Москву вообще без какого-либо документа.

Но дело в том, что к Прокопию Богдановичу приходили сведения о настойчивых усилиях европейских государств вовлечь Россию в антишведскую коалицию, приманивая Петра соблазнами, перед которыми трудно было устоять. В таком случае царскому послу в Карловице ничего не оставалось, как держать курс на заключение в том или ином виде мирного соглашения с Турцией.

Осторожные намеки русского посла

По крайней мере один дипломатический трофей Возницин уже завоевал благодаря своему опыту и непоколебимой настойчивости. Рейс-эфенди согласился на «малое перемирие», о чем раньше не хотел и слышать. Россия не брала на себя никаких обязательств. Проблема поднепровских городков была заморожена. Петр получил возможность использовать перемирие либо для подготовки к широкомасштабной южной войне, либо для переговоров об условиях прочного мира.

Даже осознавая их безнадежность, Возницин не прекращал усилия, направленные на саботаж сепаратных договоров и объединение их в коллективный международно-правовой документ, то есть на возвращение переговоров в процедурный формат конгресса. Доверительное сообщение Рудзини о том, что австро-турецкий договор проходит стадию техниче-

ской подготовки к подписанию, дал Возницыну основание послать к царцам Посникова с протестом против открытого нарушения правил конгресса, предполагавших согласование между союзниками всех договоров с Портой на предмет «удовольствования» каждого из участников Священной лиги.

Для австрийцев, однако, соображения целесообразности и собственной выгоды являлись основополагающим международным законом и настолько непререкаемым императивом, что требование Возницына чуть было не лишило их дара речи. Эттинген и Шлик не скрывали своего возмущения напоминанием русского посла о еще не истекшем сроке взаимных коалиционных обязательств государств антиосманской лиги. Возницын был обвинен в том, что он смеет ставить им в укор прекращение войны, которую цесарцы ввели 16 лет с великими издержками [2, с.330].

3 декабря стал для Прокопия Богдановича днем неприятных известий. Помимо встречи с австрийцами он имел беседу с секретарем польского посла Горковским, которого Малаховский прислал с сообщением о готовности польско-турецкого договора к подписанию. Доводы Возницына о незаконности этого акта потонули в стенаниях Горковского по поводу катастрофического положения Польши и положительной невозможности оставаться в войне. Он даже не согласился повременить с подписанием договора [2, с. Twists of Fate: Professor A.V.Florovski and his Soviet Colleagues (the continuation)331–333].

В тот же день Возницын послал к туркам Посникова в слабой надежде получить от них обнадеживающую информацию. Ведь в последний раз стороны расстались на том, что переговоры нужно довести до логического конца. Удалось ли Маврокордато заручиться вымученным согласием рейс-эфенди на уступку поднепровских городков? Но великий драгоман, как всегда, встретивший Петра Васильевича с отменной любезностью, сразу же лишил своего гостя иллюзий. Выяснилось окончательно, что об уступке днепровского устья не может быть и речи. Тут рейс-эфенди был настроен самым непреклонным образом. Единственное, на что удалось уговорить его – это «малое перемирие». Да и то одному Богу ведомо, чего это стоило Маврокордато. «А учинил он то, – продолжал грек, – для унятия крови и тяжести в бурсманской неволе православных христиан, и в прибыль Его Царскому Величеству могут в те годы лучшую пользу сыскать» [2, с.333].

Маврокордато просил Возницына поторопиться с подписанием перемирия и еще раз посоветовал «не иметь надежды на союзников», «а смотреть бы крепко сам о себе». В совете великого драгомана таился намек на необходимость поскорее договариваться с рейс-эфенди, пока тот не пере-

думал. Или не уехал из Карловица, где он «крепко скучил тутошним житьем и занемою». Его задерживало лишь ожидание ответа из Вены, куда уже готовый австро-турецкий договор был отправлен на одобрение Леопольда [2, с.333–334].

Получив достоверные сведения об австро-турецком договоре, Возницын (4 декабря) направляет Эттингену и Шлику официальную ноту, в которой обстоятельно излагает известные русской стороне факты и ее резко отрицательное отношение к антироссийской политике, последовательно проводимой на конгрессе цесарцами и посредниками. Именно из-за такой политики русско-турецкие переговоры зашли в полный тупик. Найти выход из него без консультаций с Москвой невозможно. На этом основании Возницын просит о десятидневной отсрочке для получения инструкций от царя. Тут же он прозрачно намекнул, что отсрочка может понадобиться и австрийцам, ибо даже на завершающем этапе переговоров с Портой они не застрахованы от «трудностей» [2, с.334–336].

Ноты с просьбой отложить окончательное решение дел на десять недель Возницын направил также Малаховскому и Рудзини (5 декабря). Польский посол вновь подвергся упрекам в нарушении Вечного мира 1686 года, которые сопровождалось замечанием, что это не способствует укреплению дружбы между царем Петром Алексеевичем и королем Августом II. Письмо к венецианскому послу содержало лишь информацию о русско-турецких проблемах и призыв к пониманию ситуации, требовавшей от Прокопия Богдановича консультаций с Москвой [2, с.336–341].

Любопытно, что в текстах всех трех нот присутствовало то ли предположение, то ли предупреждение о возможности возникновения в общении союзников с турецкой делегацией таких же трудностей, с которыми столкнулся он, Возницын. Как мы увидим позже, эта мысль, по крайней мере, в одном случае, оказалась отнюдь не выражением стремления выдавать желаемое за действительное.

5 декабря от Эттингена и Шлика был получен вежливый отказ. Они пространно рассуждали о миролюбии Леопольда, его горячем желании помочь русской дипломатии на конгрессе, его верности союзным обязательствам и христианской вере. Принести достигнутые на конгрессе успехи в жертву сомнительным шансам новой войны было бы верхом неблагодарности. Эту демагогию сдобривала полуиздевательская фраза: «Прочее мудрому изящества вашего рассуждению и благоискусному размышлению оставляем» [2, с.341–343].

Малаховский прислал полное гнева письмо (6 декабря), назвав ноту Возницына оскорбительной и не заслуживающей ответа. Не потрудившись выразить солидарность с русской позицией в днепровском вопросе, польский посол объявил Возницына главным виновником создавшейся ситуации. Особое его внимание к каким-то крепостишкам в устье Днепра ставит под сомнение благополучное завершение конгресса. Против десятидневной отсрочки Малаховский выступил категорически, предположив «вреднительнейшие» ее последствия для «общих наших дел», прежде всего возобновление с турками войны. Возницыну, создавшему уже достаточно трудностей всем участникам конгресса, пора образумиться и не разрушать мир, чтобы не навлечь беду на османских христиан. Так закончил рассвирепевший поляк свое послание [2, с.344–347].

Самым коротким и самым учтивым был ответ Рудзини (7 декабря). В нем были дежурные комплименты в адрес царя и его победоносного оружия. Но суть составляли не они, а пожелание скорейшего устройства дел ко всеобщему удовлетворению. В связи с этим большие надежды Рудзини возлагал на «мудрость вашего изящества» [2, с.347–349].

Полученные Возницыным послания пронизывал – где грубо, где подспудно – укор в том, что он «отошел от основания конгресса», то есть от принципа *uti possidetis*, а если точнее, от его свободного толкования, которое бесцеремонно позволял себе каждый союзный посол, ставивший во главу угла не международное право, а соображения выгоды.

**Когда не знаешь куда спешить,
не вредно и помедлить**

Возницын не спешил переводить вопрос о подписании малого перемирия с турками в практическую плоскость. К призывам Маврокордато сделать это побыстрее он относился с определенной осторожностью. Лишь через четыре дня (7 декабря) после последнего съезда с турками посол велел Посникову встретиться с Маврокордато и обсудить с ним не только сроки малого перемирия, но и возможность «прямого (полноценного. – В.Д.) мира», что для Порты было гораздо предпочтительнее. Вполне вероятно, Возницын намеревался преподнести это предложение как большую уступку, чтобы обменять ее на отказ рейс-эфенди от притязаний на поднепровские городки.

По пути к Маврокордато Петра Васильевича обязали заехать к Пэджету и Кольеру поинтересоваться о причинах, по которым они держат «великого и полномочного посла» России в неведении относительно хода конгресса. Возницын обращался к посредникам с просьбой устроить еще одну

конференцию с турками: «авось дела наши к лучшему состоянию придут» [2, с.349–350].

Посников вез к Маврокордато черновой проект соглашения о малом перемирии сроком на два года (до января 1701 года). Обе стороны обязывались сохранять на это время мир и покой, запрещая своим подданным под страхом смертной казни чинить зло в виде тайных или явных набегов, воровства, грабежей. Само собой подразумевалось, что ни султан, ни крымский хан, ни царь не допустят никаких армейских военных акций друг против друга.

Посредники приветствовали русскую инициативу, пообещав содействие в организации съезда. Статейный список сообщает несколько странную деталь, которой Возницын не нашел объяснения. Кольеру, всегда действовавшему рука об руку с Пэджетом, зачем-то понадобилось приватно приглашать Посникова в свою (голландскую) резиденцию, чтобы с таинственным видом сказать следующее: если великий и полномочный посол России «имеет какое дело делать, прилежное радение чинил не мешкав». «А для чего, того не сказал», – заключил Прокопий Богданович [2, с.352]. Если это был призыв к скорейшему подписанию мира «в образе перемирия» на основе уступок Порте, то какой смысл в том, чтобы делать столь банальное предложение в конфиденциальной обстановке?

8 декабря Возницын получил от Маврокордато ответное послание, содержащее более пространный проект перемирия, по сути, не отличавшийся от русского. Однако в этом документе уже довольно четко обозначена мысль о том, что урегулирование русско-турецких проблем следует вынести за пределы конгресса и решать в двустороннем порядке, причем в Стамбуле. Чтобы столь резкий поворот не имел скандального подтекста и формально вписался в постановления конгресса, Маврокордато предлагал заручиться согласием посредников рассматривать идею малого перемирия в качестве официального результата дипломатической работы, проделанной в Карловице. [2, с.352-354].

Каждую неделю Возницын отсылал в Москву отчеты о своих действиях и об общей обстановке в Карловице. Один экземпляр предназначался для Петра, другой для Посольского приказа. За малым исключением они были идентичны. Как мы уже отмечали, в этих донесениях нарастал тревожный тон в связи с политикой, проводимой союзниками, посредниками и турками. При естественном несовпадении интересов победителей и побежденных, в одном они сходились – в молчаливом согласии с принципом «каждый за себя» и в почти открытой неприязни к Возницыну, отрицав-

шему данный принцип, как противоречивший сути дипломатического собрания, именуемого «конгрессом».

В отправленной из Карловица 9 декабря почте Прокопий Богданович докладывает государю о своих переговорах о малом перемирии, согласие на которое стало единственным послаблением, к которому удалось склонить рейс-эфенди, ранее вообще не желавшего слышать об этом. Не имея точных представлений о стратегических планах царя, посол не отвергает, но и не развивает идею продолжения русско-турецкой войны, уже без союзников. Тут он весьма осторожен: если есть уверенность, «то бросаю» (то есть, отказавшись от безнадежных и убыточных дипломатических игр с союзниками) и «осмотревшись накрепко (тщательно взвесив все за и против – *В.Д.*)», можно продолжить войну. Что касается шансов на сохранение Священной лиги как действующей коалиции, то их, по убеждению Возницына, нет. Он также считает необходимым поделиться своим, возникшим из разных источников, ощущением, что австрийцы очень хотят «дабы Его Царское Величество с турками остался в войне, нежели в миру, для многих причин, потребных им». По-прежнему лишенный всяких указаний из Москвы, Возницын постоянно повторяет, обращаясь к Петру: «помилуй, аще что не так!» [2, с.355,359].

**Невозмутимый англичанин
в состоянии психоза**

10 декабря состоялась четвертая русско-турецкая конференция, как и предыдущие, в присутствии посредников. Османская делегация прибыла первой.

При появлении Возницына его приветствовали надлежащим образом, и, не успев рассестись по местам, турки объявили о своем желании слышать «что от него полезного», что явно подразумевало лишь приятные новости для Порты.

Прокопий Богданович ответил, что и у него есть желание оказаться на конгрессе в том же счастливом положении, что и его союзники, в той или иной степени определившие свои дела и получившие удовлетворение своих требований. Эта же надежда привела его на нынешнюю встречу.

Пэджет не удержался от язвительного замечания: если бы не его, Возницына, поведение, то он «такое ж бы счастье одержал».

На вопрос русского посла: «в чем он не так поступил», англичанин ответил: «противно постановлению их (посредников – *В.Д.*)».

Можно представить себе общий русофобский настрой Пэджета, если он потерял самообладание настолько, что напрочь забыл протокольные

приличия и свои посреднические функции, попытавшись затеять перепалку.

Нужно отдать должное Маврокордато, тоже нарушившего протокол с целью пресечь сползание переговоров в скандальное русло и дать им конструктивное направление. Он прервал англичанина и взял инициативу на себя, спросив у Возницына, какое «подобие мира» мыслит себе Его Царское Величество?

Великий и полномочный посол ответил, что царь «в миру быть желает на тех статья», которые давно уже известны и османской делегации и посредникам.

Турки вновь заявили о невозможности удовлетворить требования России и попросили «объявить иной какой способ» выхода из тупика.

Тогда «учинить на малые годы перемирие», – последовал ответ. Стороны сошлись на двухлетнем сроке. Турки настаивали, чтобы переговоры проходили в Стамбуле, куда русские должны прислать своих уполномоченных. Возницын заявил, что решение данного вопроса не в его компетенции, а намерений Его Царского Величества он знать не может.

Наступила пауза, в которую неожиданно врезался разгневанный голос Пэджета. Последовавшая затем беспрецедентная и весьма безобразная сцена живописно изложена Возницыным: «злоростным устремлением молчав, и чернев и краснев, многий испустил свой яд английский посол». Его заявление являлось серией оскорбительных выпадов. Русский посол, по мнению посредника, перешел все мыслимые пределы, он уже вмешался в вопрос, который его совсем не касается – о месте проведения переговоров о перемирии. Фактически призывая положить этому конец, Пэджет предложил именем конгресса потребовать от царя «от сего числа в три месяца... дать знать: желает ли быть в миру и на чем?». Что для решения этой проблемы Россия должна отправить послов в Стамбул, а не куда ей захочется, обсуждению не подлежит. Уже сейчас, на этой конференции, необходимо твердо и окончательно запретить России укреплять устье Днепра [2, с.363].

Казалось, все его существо было изначально заряжено на этот «злоростный» взрыв. Его разрушительная энергия, как буря, снесла профессиональный лоск с обычно «сухого и умеренного в словах» Пэджета (как аттестовал его Рудзини) [1, с.414]. Это был типичный момент помутнения рассудка, даже на краю которого не осталось места для представления о том, что такое посредническая миссия и каковы ее рамки. У Возницына никогда не было сомнений по поводу протурецкой позиции Пэджета. Но Прокопию Богдановичу впервые выпала возможность наблюдать почти

полное перевоплощение англичанина в турка – до такой степени, что к нему вполне подошла бы метафора: «хотел быть правовернее халифа». И Пэджет действительно превзошел своих подопечных, посмеив предъявить русскому государю требование, которое иначе как ультиматумом не назовешь.

Обращаться с какими-то словами к Пэджету было бесполезно. Он потерял способность слышать что-либо кроме звуков своего расщепившегося голоса. Однако позволять ему и дальше заходиться в истерике значило оскорблять не только Возницына, но и всех присутствующих. Прокопий Богданович подошел к Кольтеру и попросил унять своего товарища, ибо дипломату «так говорить и дела терзать непристойно» [2, с. 361–364].

Весьма показательно, что унимать Пэджета никто не спешил. Даже Маврокордато, который не повторил своего умиротворяющего жеста. Более того, турки стали в прежнем стиле развивать тему о поднепровских городках, добавив к ней еще и требование вести переговоры только в Стамбуле. Пэджет демонстративно отказался от роли посредника, устроился среди османской делегации и постоянно что-то нашептывал. Он увлекся до того, что стал говорить от лица турок, настаивая, чтобы положения, по которым стороны достигли согласия на этой встрече, были зафиксированы официально.

Возницын не возражал, при условии, что протокол должен содержать именно то, «в чем есть согласие», без всяких лишних слов. Но составлявший документ секретарь Пэджета так и норовил «в то письмо многие непотребные слова (в пользу Турции – *В.Д.*) вложить». Следивший за текстом Маврокордато настаивал, чтобы их там не было. Возможно, это говорило не только о его профессионализме. Посников, прочитавший окончательный вариант документ, констатировал: «лишнего ничего нет». Вместе с тем были обозначены уже упомянутые нами спорные моменты как предмет будущих переговоров [2, с.364–365,373–377].

12 декабря Возницын отправил туркам проект «перемирного» договора. В целом это был изящный дипломатический документ, исполненный миролюбивого пафоса. С несколько избыточной торжественностью звучало пожелание, дабы «все дела, которые принадлежат к миру и соседству, да расположатся» [2, с.369. Ср.: с.401]. Но суть была не в этом, а в констатации желания обеих сторон установить перемирие на два полных года (с 25 декабря 1698 года) для пресечения разногласий, так и не устранившихся на Карловицком конгрессе, для «переложения их в любовь и дружбу». Сама по себе идея короткого перемирия, переданная в слащаво-витиеватой форме, являлась важным достижением Возницына. Однако качества, атте-

ствующие Прокопия Богдановича как тонкого мастера дипломатических изощрений проявились не только и, быть может, не столько в том, что присутствовало в указанном проекте, но и в том, чего там не было. А не было в нем двух пунктов: о поднепровских городках и о хождении русских послов в Каносу (Стамбул). Настояния турок о проведении переговоров в их столице, в сущности, выставляли царских уполномоченных в образе просителей. Избегая категоричной формы отказа от последнего пункта, Возницын предложил «какой ни есть лучший изыскать способ, дабы соглагались вышереченные обои Великие Государи (царь и султан. – *В.Д.*) о вечном миру или на довольные лета о перемирии» [2, с.370. Ср.: с.402]. Фразой, в которой нет ничего, кроме вежливой пустоты, Прокопий Богданович умудрился убрать со своей дороги один из камней преткновения.

И, наконец, в проекте содержалось подробное описание того состояния на границах России и Османской империи, поддерживать которое всеми силами торжественно обязались обе стороны. Это был в каком-то смысле ключевой пункт [2, с.370–371, 402–403]. Ведь в Северном Причерноморье и на Северно-Западном Кавказе, независимо от характера русско-турецких отношений на тот момент, шла перманентная малая война между татарами и их черкесскими союзниками, с одной стороны, и казаками, малороссами, вольными людьми – с другой. Она регулярно создавала международно-политические проблемы и нередко являлась детонатором больших войн между государствами. Отныне виновники возобновления ее, под каким бы видом и в какой бы форме это ни произошло, будут затворяться в темницы и мучиться там «неотменно и незаступно». Когда туркам вручили этот проект, им не понадобилось много времени, чтобы заметить там отсутствие двух важных пунктов и подчеркнуть необходимость их включения в документ [2, с.371,377]. Ситуация опять вернулась в неопределенное состояние.

Через свой тайный канал связи Возницын обратился за помощью к Маврокордато (15 декабря) с просьбой избавить его, измотанного этой беспросветной ситуацией, от «отягчения» («понеже больше едва могу здесь жити») и привести сие дело к окончанию [2, с.372–373.] Маврокордато, в известном смысле, находился в еще более сложном положении, чем Возницын. Ему нужно было каким-то образом переломить упрямство рейс-эфенди, глубоко убежденного, что османская делегация перебрала лимит уступок «капризам» Возницына.

Поначалу казалось, что это невозможно. 16 декабря Маврокордато сообщил Возницыну, что надо бы обозначить спорные пункты, поскольку в этих вопросах «светлая ясность потребна есть» [2, с.379–380].

Но на следующий день (17 декабря) многое изменилось. Прокопий Богданович послал Посникова к своему коллеге с наказом «skonчить договорное письмо так, как прежде написал, а лишние все трудности (упоминание спорных пунктов. – *В.Д.*) отложил». «Маврокордат, – как указывает статейный список, – на все склонился» [2, с.381]. Похоже, настойчивые внушения, которым подвергся Рами Мехмед-паша, возымели действие.

Возницын понимал, что из тактических соображений привилегию составления окончательного варианта договора о перемирии следует предоставить турецкой стороне, то есть великому драгоману. Это даст дополнительное доказательство компромиссного настроения русских. 18 декабря текст был готов. В основе его лежал проект Возницына. Блистательное перо Маврокордато добавило ему лоск, изящество и словесную обтекаемость. Острых углов в нем, разумеется, не было [2, с.382–386].

Неужели опять война?

Появились основания полагать, что русско-турецкие дела на конгрессе вступают в свою завершающую стадию, заполненную обычными процедурными вопросами, связанными с переводами документов на рабочие языки, уточнением деталей, оттачиванием формулировок, исправлением фраз, отдающих двусмысленностью и т.д. Как правило, все это идет более или менее гладко и размеренно.

Однако с какого-то момента турки, несмотря на заботливую опеку цесарцев и посредников, стали нервничать и все настойчивее торопить с подписанием мирных соглашений не только русскую, но и другие делегации. Возникло ощущение, что причиной тому была не только морозная погода.

Возницын заподозрил что-то неладное. 19 декабря он получил весьма неожиданное письмо от Рудзини, заставившее Прокопия Богдановича вспомнить все доверительные разговоры с венецианским послом, сообщавшим о разногласиях между союзниками, главной причиной которых были интриги цесарцев и посредников. Теперь же Рудзини известил Возницына о полученных из Венеции инструкциях, намекая, что там недовольны ходом конгресса. В Италии, по всей видимости, не понравилась придуманная Веней отнюдь не конгрессная форма заключения мирных договоров, обеспечивавшая максимальные выгоды австрийцам в ущерб

другим участникам Священной лиги. Рудзини стал выступать за то, чтобы «сыскати единый мир известный и долгостоятельный». Иначе говоря, за параллельные и согласованные действия, которые бы расставили победителей и побежденных по своим местам, не заставляя их вымалывать у Порты то, что отнято у нее по праву войны или по законам справедливости.

Посол, раньше торопивший Возницына, теперь просил его повременить с подписанием перемирия и объединиться с Венецией и Польшей в стремлении противопоставить неуступчивости турок коллективный отказ от полноценного мира, ограничившись армистициумом. Таким путем предполагалось принудить турок к сговорчивости перед лицом призрака возобновления коалиционной войны.

Прокопий Богданович, воспрянув духом, ответил Рудзини: «слыша о том, много радуюсь». Царь, – писал посол, – всегда был именно за такой подход, вследствие чего он принимает предложение венецианца тем охотнее, что даже в вопросе о малом перемирии между русскими и турками дело «и то еще к совершенству не дошло» [2, с.387–390].

Весьма неожиданно: то, чего долго и безнадежно добивался Возницын, казалось, стало обретать черты реальной политики. И инициаторами на этот раз были не эти занудливые русские. Вольно или невольно Прокопий Богданович подсказал союзникам способ борьбы с эгоистической политикой цесарцев, поддерживаемых посредниками.

Идею создания тройственного союза провоцировало еще одно обстоятельство. Ожидаемое со дня на день объявление о подписании австро-турецкого мира задерживалось. Что-то там не клеивалось. Косвенно это подтверждали австрийские кордоны вокруг османской резиденции, усиленные против обычного. Туда не пускали даже союзных дипломатов высших рангов [2, с.388–389]. Видимо, цесарцы опасались, что теперь, когда до цели рукой подать, могут найтись протрезвевшие люди, вроде Рудзини, и все испортить.

Но были и факторы, работавшие против плана Рудзини. С новой силой разгорелся никогда, впрочем, не утихавший конфликт между Возницыным и Малаховским. 11 декабря Прокопий Богданович вновь потребовал от польского посла, чтобы тот «с турками, без удовольствования Царского Величества, не мирился», ибо это будет противно букве и духу союзничества между Петром и Августом II. Он заявил, что лишь высокие политические интересы заставляют его терпеть как словесные оскорбления Малаховского, так и его реальные действия против России. Возницын язвительно намекнул на бесполезные попытки посла скрыть

двойную игру, которую Малаховский ведет, лавируя между своим королем и сеймом. А затем угрожающе предупредил, что не хочет распространяться на эту щекотливую тему, «отлагая то до иного времени». Покуда же он настоятельно советует «крепко памятовать» об официально существующих союзных обязательствах между Россией и Речью Посполитой, за несоблюдение которых польской стороне придется основательно поплатиться. Если же у поляков действительно нет сил для полномасштабной войны с турками и татарами, Возницын предлагал Малаховскому, по примеру России, взять короткое перемирие, чтобы оставить себе свободу рук и тем или иным способом взыскать с побежденной Порты справедливое вознаграждение [2, с.365–366].

Малаховский, едва сдерживая себя, начинает ответное послание со слов, что давнее «неблаговоление» к нему Возницына не забыто. Как вытекало из логики рассуждений Малаховского, подписание мирного договора – это приоритет, стоящий жертв. Среди них – вынужденный отказ от союзнических русско-польских обязательств. Посол отверг предложение о кратком перемирии. Уязвленный намеком на двурушничество, Малаховский парировал: действует он в полном соответствии с наставлениями Августа II, и не отступит от них ни на «един ноготь» [2, с.367–368].

Польша не хотела, да и не могла воевать дальше. Каменец она считала достаточно приемлемым для себе вознаграждением, чтобы выйти из войны. К тому же цесарцы и посредники, видимо, припугнули, что она не получит и этого, если у нее разыграется аппетит.

Слухи оставались для дипломатов в Карловице основным источником информации о том, насколько близки австрийцы и турки к подписанию мира. Утечки стороны не допускали. Чем дольше слово «скоро» носилось в воздухе, тем больше подозрений вызывало. Не исключено, что Порта, торопя Россию, Польшу, Венецию, и затягивая переговоры с Веной, намеревалась еще глубже вбить клин в и без того расколотую коалицию. Выведя союзников из игры, легче давить на австрийцев с целью умерить их немалые запросы. Но цесарские дипломаты и посредники были слишком серьезными противниками, чтобы позволить себе проглядеть этот незамысловатый ход.

Ситуация сохраняла неустойчивое равновесие и не совсем ясные перспективы. Карловицкий дипломатический рой копошился уже больше двух месяцев, а итоговых документов так и не было. Такая неопределенность расширяла питательную среду для интриг, сомнений, усиления эгоистических и даже саботажных настроений. Исторические источники рисуют картину, в которой порой нельзя понять, кто с кем и против кого.

Возницыну это давало шанс продолжить свою игру и, учитывая доверительные сообщения Рудзини, набрать в ней больше очков, чем он ожидал. Однако австрийская дипломатия, почувствовав, что идея срыва конгресса не потеряла своей актуальности, концентрирует профессиональные ресурсы для контрудара по тем, кому не нравится ее диктатура. 22 декабря Эттинген нанес визит Возницыну, чтобы поздравить его с окончанием дела с турками. Прокопий Богданович ответил, что поздравлять не с чем, ибо он не собирается подписывать документы, в которых османская делегация не только не удовлетворяла законные интересы Его Царского Величества, но еще и выставила тягостные претензии. Посол повторил свой прежний упрек: русские требования к Порте были принесены в жертву эгоистической политике союзников [2, с.393,399].

Услышав слово «перемирие», гость обрадовался и сказал, что выход из положения найден удачный. И тут, вроде бы невзначай, русский посол сообщает о просьбе Рудзини не заключать с турками перемирия, по крайней мере, первым. Говорил он это с простодушным видом, будто не знал, зачем венецианцу вдруг понадобилась такая задержка. Эттинген встрепетнулся. Его подозрения подтвердились: на антиавстрийскую фронду нельзя смотреть как на мираж. Чтобы она не воплотилась во вполне материальное явление, по ней надо нанести превентивный удар. И сразу взялся за дело, доверительно советуя Возницыну «своего разума держаться, а таких бы не слушать». Те, кто советует подобную ересь, не имеют права называться друзьями российского царя [2, с.393,399].

Сошлись концы с концами и у Прокопия Богдановича. Раньше он слышал злобный шепот в адрес цесарцев от Рудзини, подозревая в нем заведомый театральный ход. А теперь нелестные слова о своем венецианском союзнике вкрадчиво произносит Эттинген. Стало быть, нелады в стане «закадычных друзей» усугубляются. Делать ставку на перспективу провала конгресса, основываясь лишь на австрийско-венецианских разногласиях, опытный Возницын не торопился. Но на всякий случай держал в уме вероятность неожиданных поворотов событий, любой из которых будет на руку России.

Не желая настораживать Эттингена проявлением излишнего интереса к данной теме и оставив без внимания совет жить своим умом, Прокопий Богданович перевел разговор на тему, волновавшую его в данный момент в первую очередь: подписан ли австро-турецкий договор?

Эттинген ушел от подробностей, сказав лишь, что «с великою уступкою» взяли у османов перемирие на 25 лет (а это практически мир), и дело близится к концу. Давая понять, что для Порты это главная про-

блема, и после ее решения османская делегация и посредники могут покинуть Карловиц, Эттинген тем самым советовал Возницыну подумать о себе, а не строить несбыточных планов предотвращения того, что уже предрешиено [2, с.393,400].

В информации, которую Эттинген оставил Возницыну для размышления, по-прежнему не было ответа на вопрос: можно ли считать заключение договора между Австрией и Турцией свершившимся фактом. Общие слова о том, что подписание документа – дело ближайших дней, Возницын слышал много раз, и Эттинген к этой «новости» ничего не прибавил. А вот сам факт его визита к Возницыну давал повод к разным предположениям. Не со скуки же...

Какие бы гипотетические комбинации ни возникали в голове у Прокопия Богдановича, держать он их предпочитал при себе. По крайней мере, пока его умозрительные предположения не обретут под собой прочную опору.

Ответ могло дать только время. А доклады в Москву нужно было отправлять срочно. С очередной посольской почтой (23 декабря) Прокопий Богданович посылает письма, в которых он не строит никаких химер на будущее.

Беспощадно подавляя в себе приступы оптимизма, Прокопий Богданович твердо решил раскрыть перед царем картину во всей ее нелицеприятности. Правда являлась главной страховкой для Возницына. Поэтому авантюрному искушению обрадовать Петра вероятностью провала конгресса он предпочел жесткий политический реализм. Он не хуже других знал, как в России складывались судьбы калифов на час.

Докладывая в Посольский приказ о ходе русско-турецких переговоров, Возницын заранее просил у Петра прощения, если что сделал не по его воле. Сорвать конгресс, чтобы продолжить коалиционную войну в прежнем составе или в союзе с одной или двумя державами не удалось «за великими трудностями». «Оставить его Великого Государя одного в войне» не посмел.

Дальнейший текст послания заслуживает полного цитирования, ибо в пересказе теряются многие нюансы, крайне важные подробности, да и колорит тогдашнего дипломатического стиля. Поэтому, – продолжал Прокопий Богданович, – «взял по его Государеву указу и по письму малое перемирие, в котором ограждено и *написано без всякой тягости* (здесь и далее курсив наш. – *В.Д.*); и те, при которых турки стояли, трудности, а именно – о нестроении вновь, и о непочинке городов, и о посылке в Царьград послов, и о посредниках, на силу отговорил; тут же и Хан

Крымский не забыт. Однако *учинено то все в надежду его государевой милости, размышляя то, что по сему постановлению, как мир, так и война, в его Государеве воле*. Подписывать того договору (он, Возницын. – В.Д.) *еще погодит, покамест цесарцы и поляк подпишут*, потому что он не токмо на словах, и на письмах просил их, чтоб они его Великого Государя, по союзному обязательству, не оставляли и договоров своих, без удовольствования его, с турками не совершали; но они не токмо словами и листами своими в том отказали, и оттого иному впредь отговориться будет нельзя и нездержания союза некоторыми делами отреди ему невозможно будет. А чтобы кто сказал, что и он равно с ними мир, каков хотел, таков постановил, не возможно того никому не говорить; *он учинил только армистициум или унятия на время оружия*, – и то по самой нужде, видя, что он Великий Государь от турков в миру не удовольствован, а они все удовольствованы и его оставили. А прежде он их в тот армистициум звал и советовал, чтоб учинить то ныне, а не мир, которые немцы словами, а поляк и письмом в том ему отказали...» [2, с.394–396].

Далее, не предлагая никаких выводов, Возницын сообщает, что между венецианцами и австрийцами «есть тайная антипатия; немцы (австрийцы. – В.Д.) не хотят того слышать, чтоб венет брал силу» [2, с.396]. Однако за пределы этого утверждения Возницын не выходит, оставляя царю самому размышлять о теоретической возможности русско-венецианского военного союза.

В дипломатической почте от 23 декабря Возницын подводит лишь предварительные итоги конгресса, избегая точно предсказывать, чем все закончится. Ведь многие документы оставались без подписей, и никто не мог стопроцентно гарантировать, что эти подписи появятся. Тем не менее он предполагал, что ближе всего к успеху цесарцы, которые выиграют больше всех, если им удастся дожать турок. Как истинный профессионал Возницын не удержался, чтобы не отдать им должное: «По правде немцы знают, как свои дела вести, и сей мир сильною рукою и в потребное себе время сделали» [2, с.397].

Цитированный статейный список предназначался для главы Посольского приказа Нарышкина, к великодушию и мудрости которого постоянно апеллировал Возницын, рассчитывая на его заступничество перед царем. И на этот раз он просит Льва Кирилловича донести Петру, что царский посол просит прощения за то, что «лучше он сделать сего дела не умел» [2, с.397].

**Австрийская челобитная
Возницыну:
«Спасите конгресс!»**

Напряжение на конгрессе не спадало, хотя цесарцы и посредники то и дело твердили, что он близится к концу. Участники забыли даже о Рождестве. Возницыну пришлось напомнить им

об этом, после чего все обменялись поздравлениями, которые несколько скрасили томительное ожидание дальнейшего хода событий.

Визит Эттингена к Возницыну (22 декабря), как мы уже заметили, не прояснил ситуацию, а лишь убедил русского посла, что она становится еще более туманной. Надеясь рассеять в ней хотя бы наиболее темные и одновременно наиболее принципиальные проблемы, Прокопий Богданович (26 декабря) нанес визит австрийскому послу. И предложил разговор начистоту. Он потребовал прямого ответа на вопрос: «миру ль чаять или войны?», поскольку именно такого ответа ждет Его Царское Величество накануне вешнего времени (намек на обычный сезон для начала военных кампаний). После такого заявления Эттингену было не до экивоков. Он выложил на стол почти все карты. Оказывается, возник острейший спор между Рудзини и османской делегацией. Отношения между ними зашли в опасный тупик. Ни одна, ни другая сторона не собиралась отступить от своих требований ни на йоту. Одиннадцатичасовые переговоры с участием цесарцев и посредников, употребивших весь свой арсенал средств увещевания, не дали никакого результата. Венецианцы готовы продолжать войну [2, с.404].

Возницын приободрился. Не зря он подозревал, что цесарцы и посредники в своих рассказах о плавном течении конгресса многого недоговаривают. И не зря намекал в своих донесениях в Москву, что история еще не закончилась. Потерять – Россия ничего уже не потеряет, а вот выиграть кое-что – вполне.

28 декабря Прокопий Богданович выяснил, что срыв конгресса более реален, чем казалось. Того же числа на пороге резиденции Возницына появились охваченные паникой Эттинген и Шлик. Вести, ввергшие их в подобное состояние, Прокопий Богданович вовсе не считал скверными. Послы объявили, что турки хотят «все дела броса, порвать и отъехать». И все – из-за «венецианских прихотей». Итальянцы осуждались за непристойное желание «впредь войну вести». Впервые цесарцы не знали, что делать («Бог ведает, как то будет»), и признавались в этом – кому! – послу из полуварварской Московии [2, с.405].

Возницыну впору было бы спросить: «А не вы ли, господа имперские послы, вместе со своими английскими и голландскими друзьями, заварили кашу, которую теперь не можете расхлебать? Не вы ли изначально извра-

тили идею конгресса, провозгласив девиз «каждый за себя» и расплотив дух махрового эгоизма и интриг? Не вы ли, сорвав главный куш, поставили турок перед необходимостью не делать уступок другим союзникам? Не вас ли я отчаянно призывал к единству действий и общепринятому толкованию принципа *uti possidetis*? Чего же вы после всего этого хотите?».

Но Возницын не стал унижать их этими вопросами. Посол терпеливо ждал от них главного – разъяснения цели столь лихорадочного визита, кое о чем, впрочем, уже догадываясь. И он не ошибся.

Эттинген и Шлик без обиняков заявили, что великий и полномочный посол России остается их последней надеждой. Ведая о том, что он с Рудзини «в добром приятстве пребывает», они просят повлиять на венецианца и выступить в роли... посредника на съезде с турками [2, с.405–406]. Возницын моментально сообразил, что от него хотят, чтобы он склонил Рудзини к уступкам и тем самым фактически взял турецкую сторону. То есть дал вовлечь себя в политику охраны полученной Веной львиной доли территориальных трофеев, которые могут оказаться под угрозой в случае провала конгресса. Встраиваться в эту шулерскую возню Возницын считал непристойным ни для себя, ни для России.

Поблагодарив послов за доверие, Возницын произнес совсем не то, что он него ждали. Смысл его речи был совершенно ясен. Теперь, когда вся стратегия конгресса принесла закономерный результат в виде острого дипломатического кризиса, самое время осознать это и «рассудить праведно». Под «праведным рассуждением» Прокопий Богданович разумел необходимость честно признать, что союзники вольно или невольно спровоцировали турок занять непреклонную позицию. И самое прискорбное, что визит Эттингена и Шлика свидетельствовал о нежелании отказаться от этого курса. Между тем, выход Возницын видел в кардинальном переосмотре столь пагубной линии. Нужно свернуть с унижительного и губительного пути умиротворения Порты, «всем став при пользе» нашего венецианского союзника. «И турки как то увидят, тогда они в таком упрямстве не будут, ... не надобно бояться их, ... пристойно их больше принудить, нежели просить». Вместе с тем, предложение о посредничестве он принял и обещал встретиться с Рудзини [2, с.406].

Цесарские послы были глубоко разочарованы. Оправдываясь, они опустили до неохотного признания правоты Возницына, приправив эту откровенность тонким комплиментом. Не всяк, дескать, в состоянии позволить себе такую же свободу действий, как могущественный русский царь, который готов к войне с любым противником, что он доказал своей несклонностью к миру. Австрии не то, что воевать нечем. Ей нечем платить войскам, мерзнувшим на зимовьях [2, с.406].

Пропустив эти, уже набившие оскомину, стенания мимо ушей, Возницын ответил укором, который цесарцы, по правде сказать, тоже слышали не один раз. Посол обвинил их в том, что они, вопреки союзническому долгу, помешали его планам (предполагавшим прямые переговоры с турками) и фактически оставили его ни с чем. То есть с пародией на мирный договор, именуемой «малым перемирием». Затем Прокопий Богданович откровенно предупредил гостей, что у него нет желания остаться в полных дураках в связи с изменившейся ситуацией, свидетельствующей о том, что не все союзники жаждут мира на условиях, которые им навязывают турки, поддерживаемые австрийцами и посредниками. Поэтому он и сам воздержится от подписания этого туманного документа [2, с.407].

После его слов цесарцы вообще ударились чуть ли не в челобитные интонации, умоляя Возницына об одном: что-нибудь придумать с этим несносным Рудзини. А они напрямик поедут к Малаховскому с той же просьбой. Напоследок Эттинген и Шлик совсем по-детски (впрочем, в дипломатии таких понятий нет) обратили внимание русского посла, что к поляку они едут не в первую очередь, ибо «почитают честь Великого Государя, Его Царского Величества» [2, с.407].

Скорее всего, именно в этот момент Возницын почувствовал, что, во-первых, австро-турецкий договор еще не подписан, и неизвестно, произойдет ли это и когда. А во-вторых, он почти физически ощутил, насколько Вена дорожит тем, что получила в рамках предварительных договоренностей, и ни при каких обстоятельствах не хочет расставаться с этой добычей, полная решимости смести любые препятствия к обретению выстраданного приза.

**Венецианский фактор
как источник смятения**

По-прежнему оставаясь без каких-либо инструкций от царя, Возницын вынужден был принять новый вызов и отвечать на него по своему разумению. Зная, с какой силой будет воз-

растать психологическое давление на Рудзини, русский посол отправился к нему (29 декабря), но вовсе не для того, чтобы включиться в хор возмущенных цесарцев. Напротив, Возницын видел свой долг в оказании венецианцу хотя бы максимальной моральной поддержки. Прокопий Богданович, вероятно, не терял надежды расстроить австрийские планы, противопоставив им, покуда лишь моральный, альянс России и Венеции. По крайней мере, перспектива срыва конгресса становилась более реальной. Вольными или невольными пособниками в этом грозили стать и сами

турки, которые внезапно заспешили домой, узнав, что в Стамбуле началась дворцовая смута.

Возницын рассказал Рудзине, к чему его склоняли венские дипломаты и в чем они обвиняли венецианца. Отвечая, что «он всякую уступку турецкой стороне чинит», посол «по должности приятства его с ним (Возницыным. – *В.Д.*)» открылся в своем намерении пойти еще на ряд послаблений. Проблема, однако, в том, что османам все мало, а Вена поощряет их ненасытность [2, с.407]. Разумеется, ничего нового Прокопий Богданович, испытывавший на себе железную австрийскую хватку, не услышал. Предлагая закрыть разговор об умиротворении Порты, он посоветовал Рудзине, «чтобы он в делах своих был не страшлив и в поступках не скор, а что цесарцы принуждают его и страшат турских послов отъездом, и то они делают для своей пользы» [2, с.408].

Эти слова, видимо, подбодрили Рудзине настолько, что в тот же день он совершил ответный визит к Возницыну и просил его повременить с подписанием перемирия, сообщив также, что обратился с такой же просьбой к Малаховскому, но тот уже принял другое решение. Идея антигабсбургского дипломатического альянса не была чужда венецианцу. Но он зависел от резонов, которыми будет руководствоваться венецианское правительство. Захочет ли оно продолжить войну в союзе с таким, еще не проверенным партнером, как Петр?

Возницын не замедлил с посылкой Посникова к цесарцам с сообщением, что русские и венецианцы не довольны результатами переговоров с турками и оставляют за собой свободу окончательного решения вопроса о подписании договоров с ними. Эттинген и Шлик, опасаясь, что русско-венецианский альянс станет реальностью и вынудит османскую делегацию покинуть конгресс, принялись убеждать Петра Васильевича, что хитрый венецианец сыграл на простодушии русского посла и попросту обманул его, утверждая, что это он, Рудзине, только тем и занимается, что делает Порте уступку за уступкой. На самом же деле он «во всем упорно стоит и ничего уступать не хочет». «Тот венет (Рудзине. – *В.Д.*), – распалились цесарцы, – надут неким злым духом и то делает нарочно, развращая мир». А причину ведь искать не нужно: французский посол в Стамбуле венецианцам «то присоветовал, чтобы они Цесаря к миру не допускали, а в войне еще пребыли и своей пользы еще искали, а он де им всякими способами помогать будет» [2, с.408–409].

Эттинген и Шлик не скрывали своих опасений относительно настроя турок, которые не боятся ставить вопрос прямо: мир или война? Особенно сейчас, когда из Стамбула приходят дурные вести о попытке дворцового переворота. Эта ситуация заставляет османских делегатов быть категорич-

нее в своих требованиях, чтобы по возвращении в Стамбул не поплатиться эшафотом за промахи, допущенные на конгрессе. Поэтому они спешат закончить свои дела как можно скорее и покинуть Карловиц, не дожидаясь, когда русские и венецианцы созреют до какого-то решения. В турецкую столицу рейс-эфенди должен вернуться с результатами, не умаляющими султанское достоинство [2, с.409].

То, что так беспокоило цесарцев, Возницына лишь вдохновляло. Он не имел ничего против, если бы османские делегаты привели в исполнение свои угрозы уехать домой, что означало бы продолжение войны. Эта была бы лучшая из новостей, какую он мог сообщить в Москву. Встречи Возницына с Рудзини участились, и русский посол, конечно, развил бы их в конкретном направлении, не будь он буквально стреножен царским молчанием. Пока же он мог говорить только от своего имени и обсуждать идею союза, исходя из общей логики старых инструкций Петра. Прокопий Богданович был достоин сочувствия. Едва ли не единственная из открывшихся перед ним перспектив расстроить габсбургскую игру и взять инициативу в свои руки оказалась для него закрытой из-за отсутствия полномочий.

Однако и в такой обстановке посол не ограничивался пассивным ожиданием момента, когда турки сами сорвут конгресс. Он не собирался лишать османскую делегацию сомнений в том, что проблема перемирия решена окончательно, и уклонялся от обсуждения вопроса о точной дате его подписания. Когда весьма кстати подоспело сообщение о готовящемся походе крымского хана на украинские города, Возницын не упустил случая предъявить туркам жесткий протест, подчеркнув, что вести себя так непристойно: с одной стороны, делать вид, будто ими «чинится мир», с другой – поощрять своего вассала на открытые военные действия. И хотя османы обещали остановить этот поход, данный инцидент укреплял моральные позиции Возницына и оставлял повод для проволочек [2, с.410].

Из немногочисленной литературы о Карловицком конгрессе порой складывается впечатление, будто австро-турецкие переговоры являлись единственным направлением, где все шло более или менее гладко. Это не совсем так. Внутри этого процесса периодически возникали кризисы, ставившие с трудом достигнутые договоренности на грань провала. Дело ведь в том, что во главе угла оказывался не только авторитет султана, но и имперское достоинство Леопольда I – фактор, зачастую определявший перепады в настроениях цесарских посланцев. Похоже, один из упомянутых кризисов возник в конце декабря и совпал, во-первых, с резким обострением турецко-венецианских споров, во-вторых, со слухами о преждевременном отъезде османской делегации в связи со смутой в Стамбуле. Об этом Воз-

ницын узнал от Эттингена и Шлика, которым пришлось признаться, что ситуация накалилась до предела: вся проведенная на конгрессе работа может пойти насмарку, поскольку турки впали в нервное состояние, спешат домой и в ультимативной форме ставят вопрос: мир или война? [2, с.409]. Естественно, Леопольд никогда не простил бы уполномоченным победившей Империи слова «мир», если бы оно было произнесено в ответ на диктаторскую постановку вопроса, абсолютно оскорбительную для чести цесаря.

30 декабря Возницын отправил в Посольский приказ обычный недельный отчет с подробным описанием имевших место событий. Как всегда, он был осторожен в прогнозах, но сообщить о том, что турки прямо поставили вопрос о войне или мире, не преминул. Не забыл посол сказать и о своем демарше в связи с крымским походом в Южную Россию.

На этот раз Возницын не просил инструкций, и вместо аналитической картины конгресса предпочел дать, так сказать, фотографическую. Пусть в Москве сами с ней разбираются. Если конгресс сорвется, его донесение задним числом обретет пророческий характер. Если нет, то никто его не упрекнет в фантазиях [2, с.410–416].

31 декабря Прокопий Богданович послал Посникова к цесарям справиться о ходе конфликта между Рудзини и турками. Выяснилось, что по требованию османской делегации венецианец был отстранен от переговоров («турки зело тягостны к нему»), участниками которых остались только две стороны: австрийцы и османы. Вена показала, что она была готова идти на нарушение дипломатических приличий ради собственной пользы. Габсбурги бесцеремонно взяли на себя право в отсутствие Рудзини определять, на что может претендовать Венеция в результате войны с Турцией. Эттинген и Шлик умолили рейс-эфенди согласиться на отсрочку для урегулирования этой проблемы. Окончательной датой было установлено 16 января 1699 года, после чего, как объявили турки, они покинут съезд при любых обстоятельствах. Австрийские послы сказали Посникову, что Рудзини перешел все границы и желает только одного – своими непомерными претензиями к Порте «разрушить все дело» [2, с.416,438].

Не секрет, что и Возницын стоял за «разрушение всего дела». Однако он был слишком умным и опытным дипломатом, чтобы грубо и демонстративно брать на Россию вину за такой исход. Он не хотел быть уличен в открытой поддержке Рудзини, преследовавшего свои интересы и мало заботившегося о репутации России. Когда Эттинген и Шлик обратились к Возницыну за помощью, ему для сохранения профессионального доверия к собственной персоне необходимо было безукоризненно сыграть роль честного посредника. А для этого требовалась по возможности точная

информация о сути территориальных притязаний Венеции и Турции друг к другу. Рудзини, понятно, представил такую информацию в выгодном для себя свете. Австрийцы же убеждали Посникова в совершенно противоположном. Получалось, что венецианец обманом вовлекал Возницына в свои планы, хотя и цесарцы вели себя с русским послом далеко не как на исповеди.

Строго говоря, Прокопия Богдановича возмутил главным образом тот факт, что он услышал о намерении Рудзини «разрушить мир» не от самого венецианца – человека, с которым посол вошел в доверительные отношения, предлагая даже идею военного союза, – а от Эттингена и Шлика.

Если Возницын и допустил ошибку, то она была в том, что он поверил австрийцам, фактически твердившим о готовности Венеции к продолжению войны, приписывая Рудзини больше того, на что тот был официально уполномочен. Возницын в тот же день (31 декабря) послал к венецианцу Посникова с негодующим вопросом, почему о том, что «он к миру не желателен» заявлено австрийцам и скрыто от русских, его естественных союзников. Зная об этом, он, Возницын, действовал бы на конгрессе совершенно иначе. Надо понимать – более смело и эффективно.

Однако первые же оправдательные слова Рудзини убедили Петра Васильевича, что венецианец почти ни в чем не виноват. Его решимость отказаться от мира была заведомо гипертрофирована цесарцами. Как признался Рудзини, у него и в помыслах не было обманывать Возницына по поводу официальной установки, которой он обязан придерживаться в Карловице. «И как де ему отселе без миру отъехать?» – вопрошал он риторически, – если даже Польша, не бог весть как удовлетворенная в своих претензиях (о России он промолчал), «всесовершенно к миру склонна» [2, с.416–417, 438–439].

Рудзини безусловно хитрил, и скорее, поневоле. Сам он считал притязания проигравших османов к победившим венецианцам несуразными и не возражал против того, чтобы поставить Порту на место силой. Но Вена и слышать не хотела о справедливых результатах войны применительно к отношениям между Венецией и Турцией. Проблему «справедливости» Габсбурги обсуждали только тогда, когда речь шла об их собственном территориальной выигрыше. Поэтому методы давления цесарцев на венецианское правительство отличались не изощренностью, а прямолинейностью. Австрийский посол выразался в неприязательной формуле: «Хотите войны? Воюйте сколько угодно, но без нас. И извольте нести все бремя тягот и последствий за свое глупое решение в одиночку». Подействует ли этот аргумент на Рудзини? Если да, то лишь в форме официальной правительственной инструкции, которую нельзя саботировать.

Однако не все было так просто. Как ни желал Леопольд I мира, королевской честью он все же дорожил и не хотел отдавать своего союзника в жертву непомерным аппетитам Порты. Он мог припугнуть венецианцев строгим призывом к «благоразумию», но, открыто предав тех, кто отважно воевал за общее дело, император нанес бы колоссальный урон своему авторитету. При всех стараниях цесарских дипломатов уговорить Венецию на уступки, существовал предел, за который Леопольд не мог выйти в своих настояниях, не подвергая себя риску унизиться в глазах европейского общественного мнения.

Возницын понял, что он может лишиться единственного потенциального союзника на конгрессе. Это принуждало его к особой осторожности. В тесном Карловице тайны не долго оставались тайнами. Турки наверняка прослышали о каких-то подозрительных пересылках между венецианским и русским послами. Для появления чувства тревоги этих слухов было достаточно, что грозило поставить под сомнение то немногое, что с таким трудом удалось достичь Возницыну в переговорах с османской делегацией.

В сложившейся обстановке следующий шаг Прокопия Богдановича был продиктован абсолютно прагматическим расчетом. 1 января, под предлогом поздравления с новым 1699 годом, он послал Посникова к туркам заверить их в верности России предварительным договоренностям, «чтоб они в приютстве его (Возницына. – *В.Д.*) никакого сумнительства не имели, и хотя он договору своего доселе не подписал», отказываться от доведения дела до конца Возницын совершенно не намерен. Успокоившись или лишь сделав вид, будто успокоились, турки благодарили Возницына и говорили, «что они отнюдь в его постоянстве не сомневаются, и как ему покажется лучше, так бы он и поступал: если восхочет других ждать, буди по его воле, если похочет подписать и разменяться (текстами договоров. – *В.Д.*), хоть завтра готовы». [2, с.417,439].

Дух недоверия, интриг, амбиций сопровождал конгресс изначально, и возникало такое ощущение, что со временем он лишь усиливался. Все следили за всеми. Турки за союзниками, союзники друг за другом, посредники за ходом переговоров, кого бы и чего бы они ни касались. Каждый боялся обмана, незамеченного подвоха, открытого проигрыша, тайного предательства, ущемления достоинства своего государства. Намечавшиеся смутные очертания дипломатических альянсов даже в мелкотактических вопросах растворялись на глазах под ударами отточенной габсбургской стратегии при мощной поддержке англичан и голландцев. Такая атмосфера будет сохраняться до того момента, покуда на заключи-

тельных договорных документах конгресса не появятся, наконец, подписи полномочных представителей соответствующих держав.

Возницыну приходилось втягиваться в эти хитросплетения все глубже. Благодаря своему богатейшему опыту и профессиональному мастерству он, появившийся в Карловице чуть ли не в статусе маргинального гостя, быстро заставил считаться с собой всех, а в ряде случаев стал просто незаменимой фигурой. Но это только усложняло его положение, вынуждая вести тонкую и рискованную игру, обнадеживая, но не обещая, предлагая согласованные действия, но не беря на себя обязательств, угрожая, но не имея средств привести угрозы в исполнение. И все это на фоне необходимости сохранить свою моральную репутацию, доверие к своему слову, уважение к своей личности, что для дипломата порой важнее всего.

И тут, конечно, есть в чем упрекать Петра, бросившего Прокопия Богдановича в беспокойное море на утлом суденышке с одним парусом и с одной навигационной инструкцией, исключавшей отклонения от курса, совершенно необходимые, чтобы достичь берега в желанном месте. Как знать, чем бы закончился Карловицкий конгресс, получи Возницын от царя полную и ненаказуемую свободу действий... Или хотя бы более широкие творческие рамки, которые открыли бы искусному дипломату реальные возможности для изменения всей конъюнктуры конгресса в пользу России и Священной лиги.

Драма дипломата или козыри, которые Москва не дала пустить в ход

1 января к Возницыну явился перепуганный секретарь Малаховского, забывший со страху сказать даже несколько поздравительных слов. Единственное желание, всецело владевшее

им, заключалось в том, чтобы передать вопрос столь же взволнованного польского посла: подписано ли русско-турецкое перемирие?

Прокопий Богданович спокойно ответил, что «окончания нет, только на слове положено и образцовые письма (проект договора. – *В.Д.*) написаны». Посланец просил Возницына подписать это перемирие одновременно с польско-турецким договором, не дожидаясь цесарцев и венецианцев. Царский посол не стал интересоваться, откуда вдруг такая спешка, поскольку знал откуда. Вместо этого естественного вопроса, он отчеканил: никаких проблем, если Малаховский «армистициум возьмет, а не мир».

Разволновавшись еще пуще, секретарь сказал, что это никак не возможно, поскольку «немцы продали их (поляков. – *В.Д.*)», обманом принудив сделать Порте огромные уступки и угрожая перспективой дополни-

тельных территориальных потерь, если поляки не будут следовать указаниям Вены.

Возницын без всяких околичностей заявил, что удивляться тут нечему. Пан Малаховский всего лишь расплачивается за отказ от согласованных действий с Россией, «и тем свое, и его (Возницына. – *В.Д.*) дело повредил». Чувство вины (а еще хуже, врожденный гонор), помешавшее польскому послу самому явиться на очный разговор, освобождало Прокопия Богдановича от необходимости подбирать выражения в разговоре с секретарем. Но он, хоть и через силу, все же старался это делать. А секретарь как заладил, так уже и не останавливался в попытках оправдать своего шефа: «все то немцы поколотили, и ссорили...», убеждая Малаховского не верить Возницыну, как будто этот почти детский аргумент мог иметь решающий вес в отношениях между профессиональными дипломатами, занятыми важным государственным делом. В заключение секретарь передал просьбу посла об обмене проектами договоров (польско-турецкого и русско-турецкого). Возражений не последовало [2, с.418–419, 439–441]. Возницыну нужно было детально знать, чем готов удовольствоваться пан Малаховский, и, возможно, в зависимости от этого скорректировать свою позицию. Обмен документами произошел в тот же день [Тексты см.: 2, с.419–431].

Остается лишь удивляться, как после исключительно напряженной, более чем двухмесячной работы, у немолодого Прокопия Богдановича еще оставались силы для финишного рывка. Отсрочка, выторгованная для венецианцев (15 дней), позволяла приблизительно рассчитать дату окончания конгресса: это произойдет в течение 2–3 дней после 16 января. У Возницына было две недели, чтобы выжать максимум выгоды из пока еще сохраняющейся неопределенности. Но как это сделать при той бдительности, которую проявляли цесарцы и посредники? При той беспрецедентной степени мобилизации ими всех средств, рассуждениями о нравственной допустимости которых никто себя не обременял? При тех непредсказуемых действиях, к которым обстоятельства объективно принуждали всех участников конгресса?

Да и то вопрос: а в чем собственно могла бы заключаться осязаемая выгода для России в такой ситуации? Принципиально изменить проект русско-турецкого договора о перемирии нельзя. Говорить с австрийцами и посредниками о чем-либо, кроме мира любой ценой (за счет всех, кроме Габсбургов), бессмысленно. Помочь полякам и венецианцам выхлопотать у Порты больше, чем та готова пожертвовать? Ради чего? Ради завтрашней гипотетической благодарности – самого ненадежного вида оплаты сегодняшних дипломатических услуг?

Оставалось одно. Постараться оборвать те нити, на которых держалась перспектива благополучного (прежде всего для Империи) завершения карловицкой эпопеи. Но сделать это филигранно. Не демонстрируя свои намерения, а скрытно способствуя сохранению и развитию деструктивных тенденций, которые, будучи очевидными для всех, защитят Возницына от обвинений в саботаже.

С этой точки зрения, пожалуй, единственным камнем преткновения, о который мог бы споткнуться конгресс, оставался венецианский вопрос. Но силы, жаждавшие убрать этот камень с дороги, были настроены решительно и, в отличие от Возницына, имели официальные полномочия действовать открыто. Впрочем, данное преимущество не остановило Прокопия Богдановича. Он не желал проводить две недели в покорном ожидании, пока цесарцы будут беспрепятственно завершать дела по задуманному ими сценарию.

2 января вернувшийся со встречи с Рудзини Посников доложил, что ситуация по-прежнему далека от развязки. Турки не отступают от требования срыть несколько стратегически важных крепостей, но Рудзини «того им не уступает». В Венецию послан курьер за дополнительными инструкциями [2, с.431]. Этим инструкциям и суждено было решить, сработает план Возницына или нет.

Нет никакого сомнения, что австрийцы прекрасно поняли: в условиях отсутствия ясности относительно того, какой ответ придет от венецианского правительства, ключевой фигурой в Карловице становится русский посол. Это открытие, разумеется, не доставило им удовольствия. Но как прагматикам, им сейчас было не до эмоций. Решив действовать через Возницына, цесарцы рассчитали все весьма тонко. Они ставили Прокопия Богдановича перед сложнейшей дилеммой для его профессиональной репутации. Либо помочь Вене благополучно завершить многотрудный конгресс во имя мира и благоденствия пострадавших народов, тем самым снискав славу мудрого миротворца. Либо взять сторону венецианского *enfant terrible*, открыв свои истинные замыслы, дискредитирующие благородное ремесло дипломата в глазах европейского политического бомонда.

4 января Эттинген и Шлик прибыли к Возницыну с торжественным визитом («чиновно»). Две кареты. Знатные дворяне, сопровождаемые пышной свитой. Безошибочное предвестие серьезного разговора. Кто бы мог себе вообразить столь импозантный кортеж у ворот русского подворья всего несколько недель назад. Теперь же это стало реальностью и символом той стремительной эволюции профессионального образа Возницына,

которую вынуждены были признать его австрийские коллеги, в свое время едва заметившие приезд полуварварского москвитя в Карловиц.

Это было уже второе и откровенно отчаянное обращение к Возницыну за помощью. Признание цесарцев – «не знают, что делать» с Рудзини, – говорило само за себя. Его «молили, стоя на коленях», но он не поддавался увещаниям. Турки не хотели иметь с венецом никаких дел, и поэтому Эттинген и Шлик от своего имени насилу уговорили их об отсрочке (до 16 января) для выработки приемлемого компромисса. Между тем, дни быстро утекают и «приходит время самое вешнее» и самое опасное, если мир не будет подписан.

Узнал Возницын и другие, не менее интересные вещи. Оказалось, Леопольд, боясь, «чтоб какой внезапный случай» не помешал миру, тем не менее дорожит своим королевским словом и не собирается оставлять венецианцев на произвол судьбы: все же «труждались с ними в войне не малые годы». И, наконец, мог ли Прокопий Богданович когда-нибудь предположить, что своими ушами услышит от надменных имперских дипломатов просьбу, «чтоб он им дал в том совет благой» [2, с.432,441–442].

Царскому послу, безусловно, льстило ощутить себя в центре внимания столь представительной компании, снизошедшей чуть ли не до мольбы о помощи. Он поблагодарил визитеров за доверие (и тем самым за высокую оценку его статуса на конгрессе). Но церемониальные любезности не решали главного вопроса. Возницына трудно было провести на мякине австрийских обхаживаний и склонить к отказу от своих принципов.

Прокопий Богданович согласился с Эттингеном и Шликом в том, что действительно наступает критический момент, «о котором бы всяк мог ведать – война или мир». Не отрицал он и решающей на данный момент роли венецианско-османских разногласий. Показал Возницын и основательную осведомленность об их сути, и именно поэтому отказался подержать жалобы цесарцев на Рудзини. Порта, по его мнению, учинила абсолютно тягостные и несправедливые запросы, так же, как в случае с Россией. Таким образом, по крайней мере, два полноправных участника Священной лиги, честно выполнивших союзнический долг, оказались обделенными в своих законных требованиях. Поэтому, заключил Возницын, «Его Цесарскому Величеству (Леопольду II. – *В.Д.*) делать, кажется, не пристойно, чтоб своим миром и других принудить» [2, с.432–433,442].

Поскольку к этим доводам австрийцы были готовы, они припасли хитрый ход, призванный соблазнить Прокопия Богдановича перспективой окупить сторицей нынешние недоимки. Был предложен стратегический план на будущее. Царь за время перемирия отдохнет от ратных трудов,

рассчитается с долгами, укрепит завоеванные города, и тогда можно будет мыслить о новом военном союзе с Леопольдом, чтобы турок «вяще сми- рить». А пока это невозможно, ибо уже есть указ императора о дате под- писания мира (16 января). Если Рудзини откажется, следует сделать это без него, сгладив предательство совместным артикулом союзников, где будет сказано, что венецианский вопрос лишь откладывается на время, в течение которого участники Священной лиги «со всяким тщанием» поста- раются уладить его [2, с.433,442–443].

Возницын ответил: пусть договор подписывают те, кто получил от турок удовлетворение, а ему, оставленному ни с чем, делать это «не прилично».

Цесарцы опять возвращаются к теме о новом австро-русском союзе, вроде бы не замеченной послом. «Они мирятся *только* (курсив наш. – *В.Д.*) на 25 лет», да и то лишь один Бог знает, какие перемены произойдут за этот срок. «Турки, – продолжали гости, – ныне от немощи своей то чинят, а не от правды, и столь много потеряв, будут мыслить, как бы паки возвратить» [2, с.433–434,443]. Это означало, что поскольку война русских и австрийцев с турками неминуема, сейчас, ради крупного выигрыша в ней, стоит себя ограничить. Однако психологическая приманка, пригото- вленная для Возницына, на первый взгляд, соблазнительная, не сработала.

Как можно было всерьез воспринимать Эттингена и Шлика, рассуж- давших о неопределенном будущем, но не бравших от имени Австрии даже гипотетических обязательств применительно к ситуации, которая за четверть века безусловно изменится. Куда – одному Богу известно. Не неся за свои слова никакой ответственности, цесарцы предлагали Возни- цыну не разминяться на сиюминутные заботы, а мыслить крупными геополитическими перспективами.

В другой обстановке Прокопий Богданович, возможно, не отказал бы себе в удовольствии погрезить о том, как Россия и Австрия разгромят турок и прогонят их из Европы. Но сейчас ему нужно было возвращаться в Москву не с рассказами о прекраснотушных беседах с цесарцами об осво- бождении европейского континента от османов, участвовать в котором Вена будет готова не раньше, чем через 25 лет, а с докладом о реальных итогах Карловицкого конгресса для России. Тех самых итогах, добиваться которых приходилось, преодолевая открытое сопротивление и тайные козни австрийских «друзей». Понятно, почему тему победоносного буду- щего Возницын вежливо оставил без внимания.

Что касается настоящего, то оно в трактовке Эттингена и Шлика вы- глядело вовсе не так, как рисовал его Рудзини. И русский посол, чистосер- дечно признавшись в этом к великому неудовольствию гостей, прозрачно

намекнул, что только время покажет, каким именно образом «дела совершенства воспримут» [2, с.434,443].

До «совершенства» было далеко и в польском вопросе. Цесарцы жаловались на бесстыдное поведение Малаховского, ответившего им черной неблагодарностью за оказанную Польше бесценную услугу. Если бы не «сильная доброта» Леопольда II, нажавшего на Порту, не видать бы полякам Каменца, как своих ушей. А пан Станислав, вместо выражения признательности, произносит непристойные речи в адрес австрийцев, готовится заключить сепаратный договор и уехать [2, с.434,443–444].

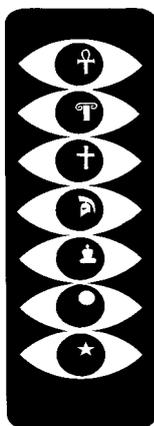
Здесь уместно пояснить, чем был чреват такой демарш Малаховского. Не просто дискредитацией конгресса, но и его полным крахом, поскольку отъезд польского посла, оскорбленного мизерной добычей (Польша претендовала на всю Подолию и Молдавию), давал Порте прецедент для ужесточения позиции в венецианском вопросе и мог спровоцировать ее на пересмотр (или «уточнение») в свою пользу новых австро-турецких границ, топографическая конфигурация которых была чрезвычайно сложна.

Возницын не без ехидства заметил, что весьма удивлен, ибо ему известно об их приятельстве (цесарцев и Малаховского), равно как и о том, что поляк ничего не делает без их ведома. Не заметив иронии (или сделав вид), Эттинген и Шлик ответили, что так оно и было, только теперь не знают, какая муха его укусила [2, с.434,444]. Австрийцы были настолько обескуражены, что Возницын не удивился бы, если бы его попросили о содействии и в польском вопросе. Однако они понимали безнадежность такой просьбы, будучи осведомлены об отношениях между русским послом и Малаховским.

Библиографический список

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М.: Госполитиздат, 1946. Т.3. 503 с.
2. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1868. Т.9. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (с 1698 по 1699 год). 1230 стб.

(Окончание следует)

Жорес Медведев

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 929.82-94

В начале декабря 1991 года КГБ было реорганизовано в Межреспубликанскую службу безопасности, председателем которой стал Вадим Бакатин. Он передал, как «Акт доброй воли», послу США в Москве чертежи и схемы расположения подслушивающих устройств в новом здании Посольства США в Москве. 7–8 декабря лидеры РСФСР, Украины и Белоруссии – Ельцин, Кравчук и Шушкевич – подписали Декларацию о преобразовании СССР в Содружество Независимых Государств (СНГ). 21 декабря на встрече лидеров республик бывшего СССР в Алма-Ате в состав СНГ вошли 11 республик. Президент СССР Михаил Горбачев 25 декабря объявил о своей отставке. В статье обсуждаются экономические последствия перехода от социалистической экономики к «свободному рынку». С января 1992 года начался рост цен на все товары и услуги, за которым последовал кризис финансовых систем в России и в странах СНГ, а также рост безработицы и снижение жизненного уровня населения. Для решения возникших проблем Борис Ельцин произвел смену руководства правительства РСФСР, которое возглавил Виктор Черномырдин. Новым Председателем Центрального банка РСФСР был назначен Виктор Геращенко.

At the beginning of December 1991 the Committee of State Security (KGB) was reorganised and Vadim Bakatin was appointed the Chairman of the new security system. As "The Act of the Good Will" Bakatin presented the US Ambassador in Moscow secret documentation on the overhearing devices installed into the walls of the new building of the American Embassy. On 7–8 December the leaders of Russian Federation, Ukraine and Belorussia, Yeltsyn, Kravchuk and Shushkevich signed a Declaration on the dissolution of the Soviet Union and the creation of the Commonwealth of Independent States (CIS). Mikhail Gorbachev, President of the USSR declared his resignation. Consequences of this rapid transformation of the socialist economy into the free market capitalist economy are discussed. Rapid inflation, financial crisis and the decline of the living standards of population forced Boris Yeltsyn to change the rate of reforms. At the end of 1992 Victor Chernomyrdin was appointed as the new prime-minister and Victor Gerashchenko became the Chairman of the Central State Bank.

Ключевые слова: Вадим Бакатин; Создание СНГ; Борис Ельцин; Михаил Горбачев; финансовый кризис; Виктор Черномырдин; Виктор Геращенко.

Key words: Vadim Bakatin; Creation of CIS; Boris Yeltsyn; Mikhail Gorbachev; Financial crisis; Victor Chernomyrdin; Victor Gerashchenko.

E-mail: zhmedvedev@yahoo.co.uk

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2016. №№2–4.

Конец КГБ

В начале декабря в *Известиях* появилось сообщение о том, что Михаил Горбачев подписал Указ о преобразовании Комитета Государственной безопасности СССР в «Межреспубликанскую службу безопасности», или МСБ. Что это означало на практике, было непонятно, так как и на Украине и в других республиках создавались собственные службы безопасности. В Литве, в Латвии и в Эстонии республиканские управления КГБ подвергались полной ликвидации с увольнением сотрудников, тогда как на Украине, в Казахстане и в республиках Средней Азии они переподчинялись новым местным правительствам и президентам. Председателем МСБ стал Вадим Бакатин, назначенный Горбачевым по требованию Ельцина на пост председателя КГБ 23 августа.

Заместителем Бакатина и руководителем Первого Главного Управления КГБ (внешняя разведка) был назначен в конце сентября 1991 года академик Е.М.Примаков, советник Горбачева и директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Это назначение оказалось неожиданным, так как Примаков был известен как крупный ученый-арабист и востоковед, и о его связях с внешней разведкой никто не подозревал. Примаков в 1989 г. был избран народным депутатом по гарантированному списку ЦК КПСС. Рой был с ним хорошо знаком по работе в Верховном Совете. Примаков, очевидно, стал профессиональным разведчиком после окончания Московского института востоковедения. Он несколько лет работал корреспондентом *Правды* в арабских странах. Работа «специальным корреспондентом» газет и ТВ в других странах часто является «прикрытием» разведчиков не только для КГБ, но и для многих иностранных спецслужб.

6 или 7 декабря 1991 г. западные информационные агентства передали из Москвы сенсационное сообщение, которое вызвало в последующие дни множество комментариев². Привожу текст, как я его записал в то, ныне далекое, время по репортажу из Москвы Дэвида Ремника, корреспондента *Вашингтон Пост*, с которым я был хорошо знаком. Он работал в Москве с 1982 г., приезжал в Лондон и помогал нам с Роем в конфиденциальной переписке. Даю в переводе с английского:

«КГБ, который никогда раньше не признавал подслушивание в новом здании Американского посольства в Москве, на прошлой неделе передал планы и образцы микрофонов, использованных в здании посольства от

² Эти комментарии продолжались много лет и не прекратились до настоящего времени.

подвалов до крыши. Роберт Штраусс, американский посол в Москве, заявил в пятницу, что Вадим Бакатин, новый глава шпионского агентства, передал ему чертежи и образцы прослушивающих устройств во время встречи в своем офисе 5 декабря... Штраусс сказал, что это был наиболее удивительный случай в его жизни... Бакатин заявил, что это "акт доброй воли"...

Однако никаких взаимных действий за этим «актом доброй воли» с американской стороны не последовало. ЦРУ также осуществляло разными способами прослушивание Посольства СССР в Вашингтоне. Время от времени технические эксперты советской контрразведки находили «жучки» в разных местах советского посольства, миссий и консульств в США. Но на запросы и протесты по дипломатическим каналам никаких объяснений не давалось.

В.Бакатин в последующем оправдывался тем, что его шаг «доброй воли» был согласован с Ельциным и Горбачевым и одобрен ими. Однако ни Ельцин, ни Горбачев этого официально не подтверждали. Технической стороны проблемы они просто могли не понимать. Американскому послу были переданы около 70 листов разных чертежей и схем. Модели подслушивающих устройств были очень оригинальной отечественной разработки, которая продолжалась много лет. Весь проект был крайне дорогим. Возмущение этим «актом доброй воли» среди профессиональных советских работников внешней разведки и контрразведки было беспредельным. Они пытались возбудить против Бакатина закрытое уголовное дело. Но Военная прокуратура СССР уже практически не функционировала. Одним из последних указов Горбачева перед его отставкой было смещение Бакатина с поста Председателя МСБ. Увольнение Бакатина было вскоре подтверждено и указом Ельцина. 25 декабря Бакатин покинул здание на Лубянке.

Необходимое пояснение

После Октябрьской революции и Гражданской войны многие западные страны не признавали СССР и не имели с ним дипломатических отношений. США признали СССР лишь в 1934 г. после избрания на пост президента США Франклина Рузвельта. В это время, в связи с мировым кризисом и безработицей, в СССР уже работали по договорам десятки тысяч американцев. Первый серийный грузовик на Московском автомобильном заводе собирался с 1931 г. из американских деталей. Для здания Посольства и Консульства США в Москве был выделен только что построенный 10-этажный эли-

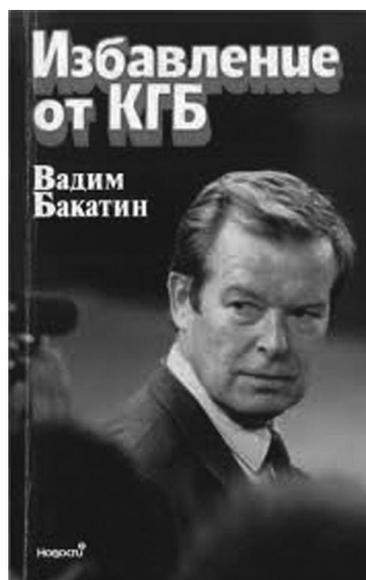
ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

тарный жилой дом на улице Чайковского³. Под резиденцию посла был передан в аренду на 99 лет красивый особняк предпринимателя Н.А.Второва, построенный в 1913 г.

Однако к 1970 г. большой дом на улице Чайковского уже оказался слишком перегруженным, и Государственный департамент США заключил соглашение о строительстве дополнительного корпуса, расположенного за прежним зданием, но выходящего фасадом на другую улицу. Соответственно МИД СССР мог построить дополнительный корпус в Вашингтоне, расширив Посольство СССР.

Именно в этом новом доме американского посольства при его строительстве закладывались в стены прослушивающие устройства, «жучки» особой конструкции, которые «заряжались» от колебаний температуры. Сигналы от них были слабыми, и антенны для их приема располагались в отреставрированной церкви, расположенной рядом, на противоположной стороне улицы. Новинкой было и то, что прослушивающие «жучки» нельзя было обнаружить. Они вделывались в кирпичи, из которых американскими рабочими строились стены. Эти кирпичи повышенной плотности для безопасности не покупались в СССР, а привозились из Финляндии. Однако КГБ, путем подкупа рабочих и техников кирпичного завода в Финляндии, закладывал «жучки» в глину финских кирпичей, очевидно, перед их обжигом.

Получив от В.Бакатина схемы расположения «жучков», американцы остановили все работы по освоению уже построенного здания. Оно много лет простояло пустым, а затем было разобрано до основания. На этом месте американскими рабочими было построено новое здание из каменных блоков, которые привозились из карьеров Миннесоты.

Книга В.Бакатина

³ Ныне Новинский бульвар.

По мнению генерала Рэма Красильникова, возглавлявшего отдел по противодействию спецслужбам США на территории СССР – одного из ключевых отделов Второго Управления (контрразведка) бывшего КГБ, – а также работников оперативно-технического отдела КГБ, передача Бакатиным схем расположения «жучков» могла рассматриваться как «предательство» прежде всего потому, что она создавала угрозу арестов не только финских рабочих, которые были завербованы для участия в этой уникальной шпионской операции, но и раскрытия всей агентуры советской разведки в Финляндии (См.: [2; 3, с.95–102]). Конструкция «жучков» также была государственной тайной. Сам Бакатин в книге «Избавление от КГБ» [1], изданной в 1992 г., не дает никаких объяснений по поводу этого наиболее известного эпизода своей деятельности.

Бесславный конец СССР

Независимость Украины, отказавшейся участвовать в создании Союза Суверенных Государств, делала весь этот проект бесперспективным и для Российской Федерации. Валютный и общий финансовый кризис создавал неразрешимые проблемы для всей экономики. В Твери, откуда мы уезжали в начале ноября 1991 г., начали останавливаться цеха Тверского хлопчатобумажного комбината, самого крупного в СССР текстильного предприятия. Он был основан как «Тверская мануфактура» в 1858 г. семьей фабрикантов Морозовых. Из Узбекистана перестали продавать по прежним ценам хлопок, без которого знаменитый завод не мог продолжать производство. Такие же процессы происходили, по-видимому, и в других промышленных центрах, особенно в тех производствах, которые зависели от импортных компонентов.

Объявлявшие о своей независимости республики также не могли создать экономическую независимость. Исторический период действительно самостоятельных стран, чаще всего монархий, закончился в XIX в. в связи с появлением железных дорог, пароходов, новых промышленных производств и развитием международной торговли промышленными и сырьевыми товарами. Энергетическое обеспечение прогресса с начала XX в. перешло от древесины и угля к нефти, экспортируемые резервы которой имелись лишь в небольшом числе стран. Попытки избежать экономической взаимозависимости стран путем завоеваний и передела мира были одной из главных причин двух мировых войн.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

До объявления результатов украинского референдума распад Советского Союза имел, в основном, политический характер. Главными деструктивными факторами были национализм и борьба разных группировок за власть, обострявшаяся в связи с падением уровня жизни, вызывавшим неизбежное недовольство населения. Массы поддерживали тех политиков, которые обещали лучшую жизнь, не сознавая, что эти обещания были популистскими и демагогическими. Происходила ликвидация структур КПСС, хотя вне КПСС ни в одной из республик не существовало систем управления единой экономикой. Какое-то новое объединение было необходимо, чтобы предотвратить анархию, хаос и разруху. Рой писал мне в начале декабря:

«Сейчас устанавливается система двоевластия – есть власть республиканских органов, координирующих свои действия, но есть и власть союзная. Это не потому, что существует Верховный Совет СССР и президент СССР, это объективная необходимость. Только союзные органы могут руководить работой единой энергетической системы, единой системой научных и конструкторских разработок, железнодорожным и воздушным сообщением, денежной системой и т.д. Я мог бы назвать десятки систем, начиная от газопроводной и кончая изготовлением некоторых важных лекарств. У нас была сверхмонопольная система и сотни видов продукции производились для всей страны на каком-либо одном предприятии. Всем этим нужно руководить и управлять, и руководящие органы существовали и продолжают существовать только в Москве. Нельзя из Минска координировать ни работу энергетических систем, ни атомных электростанций, ни добычу нефти. Я уже не говорю об армии и стратегическом атомном оружии. Генеральный штаб находится в Москве и останется в Москве, а армия охватывает округами весь Союз. Даже решения о выводе войск из Прибалтики рассчитаны на 5 лет, а на деле продлятся дольше...»

* * *

О секретной встрече в Урочище Вискули в Беловежской пуще 7–8 декабря трех лидеров – президентов Бориса Ельцина, Леонида Кравчука и Председателя Верховного Совета Белоруссии Станислава Шушкевича, – подписавших 8 декабря соглашение о «прекращении существования Союза Советских Социалистических Республик как объекта международного права и геополитической реальности» и о создании «Союза независимых государств» (СНГ), я узнал в Лондоне из сообщения радио и телевидения 9 декабря. Подробности и само место этой встречи в тот день не сообщались. Формально текст документа подписывался якобы в Минске. 10 декабря договор о создании СНГ был без

дискуссий ратифицирован Верховной Радой и Верховным Советом Белоруссии, а 12 декабря и Верховным Советом РСФСР. В последующем к нему присоединились и другие республики, кроме Прибалтики⁴.

В то время ни у меня, ни у Роя не возникло к созданию СНГ каких-либо негативных реакций, хотя по характеру это был явный заговор. Рой в письме от 11 декабря сообщал:

«...Уже давал первое интервью по сложившейся ситуации... Моя оценка вкратце такова. Если исходить из интересов всех народов и территорий СССР, то решение, принятое в Белоруссии, лучше разработанного Госсоветом проекта ССГ, к которому отказалась присоединиться Украина... К этому пока "тройственному" союзу примкнут, вероятнее всего, и республики Средней Азии и Казахстан... возможно, возникнут связи и с Прибалтикой. Плохо то, что решение принято тайно, наспех, без предварительной разработки. В нем много неразумных положений. Неразумно было денонсировать договор 1922 года, он уже и без этого не действовал, а был лишь историей. СССР в современной форме существовал на основании Конституции 1977 года. Переход от системы СССР к новой системе требует определенного переходного периода. Без этого обойтись невозможно. Тут скачок может быть лишь в решениях на бумаге...»

На следующий день, 12 декабря, Рой продолжал свои комментарии:

«...До сих пор у нас было даже не двоевластие, а многовластие. Московский мэр принимал решения, не согласованные с Верховными Советами СССР и РСФСР. В Чечне решают все сами, даже в московских районах не считаются с московским правительством. От Ставропольского края отделилась Карачаево-Черкесская автономия. Сейчас она распалась на Казачий район, Карачаевскую и Черкесскую республики... Потом экономические, географические и иные факторы начнут усиливать центростремительные силы и работать на создание нового центра и усиление его функций, и этот центр будет возникать в Москве...»

Следующее письмо было от 13 декабря:

«...Событий по-прежнему много, их трудно сразу анализировать. С одной стороны, все республики Востока решили присоединиться к СНГ, с другой стороны, Украина уже после подписания соглашений, в одностороннем порядке приняла решения, которые противоречат соглашению, да и вообще не всегда реальны, – например, объявление всех войск на

⁴ Все подробности этих событий детально, хотя и по-разному, описаны в десятках книг, включая воспоминания Ельцина, Шушкевича, Кравчука и подписавших вместе с ними документы премьер-министров трех республик. Обсуждать это решение в моих воспоминаниях по литературным источникам нет необходимости.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

своей территории, кроме ядерных, "украинскими" и подчиненными Кравчуку. Военным предлагается давать новую присягу, многие русские офицеры отказываются, заявляя, что "двух присяг не бывает". Украина претендует и на Черноморский флот, у которого главная база в Севастополе, но есть базы и в Новороссийске и в Батуми...»

Попытка Кравчука «национализировать» и принять под свою юрисдикцию соединения Советской армии, дислоцированные на территории Украины, была нелепой и невыполнимой. На этой территории размещался второй стратегический эшелон Вооруженных сил СССР. Он включал 14 мотострелковых, четыре танковые и три артиллерийские дивизии, четыре бригады спецназа, две воздушно-десантные бригады, три воздушно-десантные армии, шесть тысяч танков и 1 100 боевых самолетов. Большая часть этой военной группировки почти в 700 тысяч человек была выведена ранее из Польши, Венгрии, Чехословакии, ГДР и Румынии после коллапса СЭВ и Варшавского договора. Для независимой Украины столь большая армия, крупнейшая в Европе, не требовалась. Каким образом происходили демобилизация солдат и офицеров из других республик СНГ и «украинизация» этих военных частей, мне неизвестно. Значительная часть техники продавалась в другие страны или отправлялась на базы хранения.

Письмо Роя от 17 декабря рассказывало и о других проблемах⁵:

«...Верховный Совет СССР ликвидирован. Сделано это крайне нецивилизованно, без учета судьбы депутатов. Для меня, как москвича, проблем нет, но для приезжих масса трудностей. У них отбирают служебные квартиры, которыми они обеспечивались до следующих выборов в 1994 году. Останавливают выплаты зарплат и пользование клиниками. При возвращении в свои округа не обеспечивают восстановление на работе, так как прежние должности (зав. кафедрой, главный врач, инженер и др.) уже заняты... В России нет вертикальной структуры власти. К власти пришли "демократы", но у них нет всероссийской политической партии, а лишь отдельные группы по 300–500 человек на область. Управлять экономикой и вообще областями они не могут. Сейчас уже развал, и ожидается пока дальнейшее ухудшение...»

⁵ 12 декабря 1991 г. Верховным Советом РСФСР были отозваны члены Верховного Совета СССР от РСФСР, в результате чего Совет Союза (нижняя палата Верховного Совета) лишился кворума, что было констатировано его председателем К.Д.Лубенченко на заседании 17 декабря 1991 года. На этом работа Верховного Совета СССР фактически была прекращена.

Отставка Михаила Горбачева В структуре Содружества независимых государств не предусматривалась должность «председателя». Координационный совет создавался в Минске. Важные решения предполагалось принимать коллегиально «Советом глав государств», постановления по экономике – «Советом глав правительств». Межгосударственным языком был установлен русский.

Решение о создании СНГ не вызвало, вопреки ожиданиям участников встречи в Урочище Вискули, какого-либо быстрого одобрения в западных странах. Первым узнал об этом решении президент США Джордж Буш, которому от имени Ельцина позвонил по обычной телефонной связи Андрей Козырев, глава МИД РСФСР, владевший английским⁶.

Однако Буш отнесся к сообщению Ельцина весьма сдержанно. У западных лидеров сразу возникали вопросы о судьбе государственного долга СССР, достигнувшего \$100 млрд, и о стратегических ядерных силах СССР. Появлялась проблема и судьбы постоянного членства СССР в Совете Безопасности ООН с правом вето. Примут ли создание СНГ командование армии и Генеральный штаб? Горбачев все еще оставался Верховным главнокомандующим. Беловежские соглашения не аннулировали пост Президента СССР, хотя и не предусматривали его в «Содружестве». Союзные структуры продолжали существовать и функционировать, как и множество разных консультативных Советов при президенте: Совет обороны и безопасности, Консультативно-политический совет, Совет по религиям и конфессиям и другие. Сохранялась кремлевская резиденция Горбачева и «Президентский архив» с множеством секретных документов не только президентской администрации, но и бывшего Политбюро ЦК КПСС. Горбачев продолжал подписывать указы как президент СССР. Они публиковались в газетах⁷.

21 декабря на встрече в Алма-Ате в состав СНГ вошло уже 11 из 12 республик СССР. Не было Грузии, так как в Тбилиси шли бои между сторонниками и противниками президента Грузии Звиада Гамсахурдия.

⁶ Горбачев в последующем возмущался именно тем обстоятельством, что первым узнал о создании СНГ американский президент.

⁷ 11 декабря Горбачев подписал указ о присуждении Государственных премий СССР за достижения в области науки и техники, литературы и искусства. 13 декабря он произвел ряд назначений и перемещений в Министерстве иностранных дел и в Министерстве обороны СССР. 20 декабря Горбачев подписал указ о присвоении званий «Народных артистов СССР».

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

Только Москва осуществляла эмиссию денег, и альтернативы рублям у «независимых» республик пока не было. Вернувшись из Алма-Аты, Б.Ельцин заявил, что переносит свою резиденцию президента РСФСР в Кремль. Он в ультимативной форме потребовал выезда Горбачева и его аппарата из их резиденций, где еще находились и система оперативного контроля Вооруженных сил, «ядерный чемоданчик», и секретные архивы СССР. Горбачев на этот раз отказался подчиняться Ельцину, но распорядился перевезти секретные архивы в здание Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

В Алма-Ате была составлена и подписана новая, более обстоятельная, Декларация о создании Содружества независимых государств⁸. Было принято решение и о судьбе М.Горбачева. Лидеры республик, образовавших СНГ, выражали благодарность Горбачеву за «положительный вклад». Ему устанавливалась пожизненная пенсия в 4 тысячи рублей в месяц, пожизненное медицинское обслуживание и охрана спецподразделением из 20 человек. За бывшим президентом закреплялись две персональные автомашины – ЗИЛ-115 и ГАЗ-31. Обеспечение этих условий отставки возлагалось на Правительство РСФСР.

Однако Горбачев отверг эти условия. Собрание в Алма-Ате не имело полномочий для ликвидации должности «президента СССР» и отмены «Конституции СССР». Была необходима добровольная отставка Горбачева и «самороспуск» Верховного Совета СССР. Вернувшийся в Москву Ельцин начал с Горбачевым секретные переговоры о конкретном характере «отступных». Требования Горбачева, может быть, и не все, были выполнены. Помимо личных проблем (смена дома на улице Косыгина на квартиры для семьи), создавался исследовательский «Горбачев-Фонд» на правах Международного Института политических проблем. Под этот Институт передавался комплекс зданий Высшей партийной школы ЦК КПСС на Ленинградском проспекте, включавший гостиницу⁹, и утверждался достаточно обширный штат «Горбачев-Фонда». Гор-

⁸ «Беловежское соглашение» составляло 2 страницы торопливого текста.

⁹ После критики нового руководства России в одном из интервью Горбачева британской газете «The Guardian» разгневанный Ельцин подписал Указ, отбравший здания Высшей партийной школы у «Горбачев-Фонда» и передававший их Московской финансовой академии. Возникшее в связи с этим судебное разбирательство несколько ограничило действие Указа и оставило Горбачев-Фонду два коридора в главном здании с комнатами, которые уже были заняты сотрудниками. Фонд сохранил кабинет самого Горбачева и его личную библиотеку, общую библиотеку и небольшой конференц-зал. Полное выселение

бачев стал президентом Фонда и частично финансировал его из собственных средств. Директором этого фонда был назначен бывший член Политбюро Александр Яковлев. Руководителями отделов стали бывшие помощники и коллеги Горбачева: Вадим Медведев, Георгий Шахназаров¹⁰ и другие. Главными проблемами для разработки, как узнал Рой, посетивший вскоре в Горбачев-Фонде своего друга Георгия Хосроевича Шахназарова, юриста и писателя, были глобализация и мировая политика.

Заявление М.Горбачева о своей отставке с поста президента Советского Союза транслировалось по всем каналам московского телевидения 25 декабря 1991 г. Только после этого выступления президент США Джордж Буш объявил о признании независимости России, Украины, Белоруссии, Армении, Казахстана и других бывших республик СССР. Место Советского Союза в Совете Безопасности ООН передавалось Российской Федерации. Утром 27 декабря Б.Ельцин занял в Кремле рабочий кабинет («Ореховую комнату») бывшего Президента СССР.

Конец социализма в России

В «Ореховой комнате», расположенной на третьем этаже корпуса Совета министров в Кремле, обычно проводились заседания Политбюро, собиравшегося за специально сделанным для этого большим круглым столом. Освободили свои кабинеты и ближайšie помощники бывшего президента СССР.

Рой в первом письме 1992 г. сообщал, возможно, со слов Шахназарова:

«...Один из работников аппарата Горбачева Геннадий Пересадченко еще находился в приемной резиденции утром 27 декабря, когда туда почти ворвались Борис Ельцин, Геннадий Бурбулис, Руслан Хасбулатов

Горбачева и его сотрудников из «международного центра» могло стать скандалом, далеко не в пользу Ельцина. Финансовая академия – ВУЗ, теперь очень популярный, и его расширение за счет все еще пустовавших аудиторий Высшей партшколы было рациональным. Ельцин тем же указом сократил число охранников Горбачева и заменил его «казенную» машину с «Чайки» на «Волгу».

¹⁰ Именно Шахназаров, с которым и я познакомился в конце 1990 г., составлял для Горбачева списки изгнанных из страны советских писателей и ученых – диссидентов на восстановление их в гражданстве СССР. В одном из списков этой серии был и Жорес Медведев.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

и Александр Коржаков. Нашлась и бутылка коньяка... Первый тост подняли не за Россию, а за Ореховую комнату, которая считалась едва ли не символом советско-российского трона. "Борис Николаевич, какой мы кабинет отхватили!" – воскликнул Коржаков, личный охранник Ельцина. "Ничего ты не понимаешь, Сашка, – ответил Ельцин, – мы всю Россию отхватили!"»

Здесь, в «Ореховой комнате», в тот же день были подписаны и первые указы о распределении власти. Б.Ельцин, не желая делить собственную, и без того почти неограниченную, власть, назначил самого себя на вакантный после отставки 26 декабря Ивана Силаева пост Председателя Совета Министров РСФСР. Первым заместителем премьер-министра стал Г.Бурбулис, Государственный секретарь РСФСР. В недавнем прошлом он был доцентом на кафедре научного коммунизма в одном из институтов Свердловска. Заместителем Бурбулиса, по его же рекомендации, назначили Егора Тимуровича Гайдара, молодого (36 лет) экономиста – журналиста, ранее работавшего в отделе экономики *Правды*. Заместителями Бурбулиса стали также Сергей Шахрай, кандидат юридических наук, и Александр Шохин, экономист. Опыта государственной работы у них не было, это были научные сотрудники разных институтов. Важные посты получили некоторые уральские друзья Ельцина, все бывшие партийные работники Свердловской области. Министром иностранных дел остался А.Козырев. Министром обороны был назначен генерал армии Павел Сергеевич Грачев, командовавший военно-десантными частями во время войны в Афганистане. Здесь же были подписаны и основные указы по созданию в России «рыночной экономики». Однако их публикацию отложили на 2 января 1992 г., дав народам России отпраздновать свой последний «социалистический» Новый год. Основными из этих указов, тексты которых были уже составлены заранее, без серьезной разработки, экспертиз и обсуждений на комиссиях Верховного Совета РСФСР, являлись либерализация цен на все товары и услуги и приватизация земли с роспуском колхозов и совхозов, земли которых распределялись «паями» крестьянам и другим сельским жителям.

Неожиданные сюрпризы капитализма

Из письма Роя от 6 января 1992 г.:
«...Событий в последние дни очень много, но в основном всё меняется к худшему. Повышение цен после их либерализации оказалось не просто большим, но слишком большим. Никакого рынка нет, цены

устанавливает поставщик, а продают товары государственные магазины. Многие магазины закрылись, так как цен нет, а права их устанавливать по спросу тоже нет, да и спрос не вырос, так как зарплаты не менялись. Почтовые расходы выросли во много раз. Выросли цены на газеты и журналы, и их почти никто не покупает. Два сопредседателя нашей партии из Обнинска и из Новгорода жили в гостинице. Но цены за номер возросли в 12 раз и надо платить 600 рублей за день, на это у нас средств нет...»

В письме от 15 января Рой сообщал и о других проблемах:

«...Недовольство быстро растет, возможны и беспорядки, особенно в Ленинграде... Там много предприятий военной промышленности, которые закрываются, так как нет заказов. Армия сокращается, но офицеры, не выслужившие срока, не получают квартир и не имеют гражданских специальностей – начинается безработица. Все союзные структуры разрушаются, а свободы передвижения по стране по-прежнему нет... "прописка" сохраняет свою силу. Ликвидирован даже Госкомитет по статистике СССР, ведь Советского Союза уже формально нет. А между тем десятки таких систем (карантинная, эпидемиологическая, таможенная и другие) могли бы функционировать и сейчас и еще многие годы... Кавказцы уезжают с северных производств (среди нефтяников было много азербайджанцев)... "северные привилегии" им теперь не обеспечивают. Уезжают русские из Чечни, Осетии и из Средней Азии. Падение производства в натуральных показателях усиливается... Теперь я также должен на многом экономить. Друзья обеспечили меня мешком муки из Ростовской области, картофель у нас есть с дачного огорода, овощи тоже есть до лета. Ты пришли мне хороших семян для огорода, особенно свеклы и моркови...»

В письме от 20 января Рой продолжал рассказ о возникших проблемах:

«...Почта пока сохраняет название СССР. Печатают марки уже с номиналами в рублях, но это дорогие марки из старых серий. Новых марок еще не разработали, да и каждая республика должна теперь иметь свои марки. Символика на марках остается прежней. Начали выпускать новые денежные купюры в 200 и 500 рублей, но на них и Ленин, и герб СССР. Чтобы все изменить, нужно много средств и времени... Наши политики только сейчас начинают понимать, что рынок – это не просто саморегулируемая система, при которой политикам легко живется. Г.Попов – мэр Москвы – заявлял в свое оправдание о недостатке в городе овощей, что мэр Нью-Йорка не думает, как обеспечить свой город картофелем... Приватизация почти не идет. Для крупных предприятий она пока невоз-

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

можно... Но и нельзя приватизировать магазин, не приватизируя систему баз и складов, а прямых связей магазинов и производителей пока нет... всему нужно учиться, а времени мало...

Ельцин связал свою политическую карьеру ("лягу на рельсы") с обещанием улучшить жизнь народа к осени, а между тем в сельском хозяйстве всё идет хуже, чем в прошлом году...

Идет какое-то массовое переселение людей, и даже за билетами на самолеты большие очереди. Все куда-то едут, вокзалы переполнены, люди днями спят на полу – почти как в войну. Всё пока разлаживается, начнет налаживаться не раньше, чем через два–три года. Если же начнутся забастовки, то будет совсем плохо».

В письме от 27 января Рой сообщал о новых сюрпризах капитализма.

«Сейчас ассигнования на здравоохранение и, тем более, на культуру опять сильно сокращены, и происходит быстрый переход на платное здравоохранение. В первую очередь, коммерческие правила вводятся в специализированных поликлиниках и в больницах при НИИ. Перед обследованиями необходимо вносить большой аванс, так как может понадобиться операция...»

В следующем письме Рой сообщал о других проблемах, они возникли неожиданно:

«В новом бюджете правительство вообще отказывается от военных заказов и покупки оружия, нет денег. Но это означает остановку военной промышленности и увольнение сотен тысяч рабочих, причем самых квалифицированных. У нас нет свободы передвижения, и трудно понять, что будет делать население 10–15 городов Урала и Сибири, где военная промышленность доминировала еще с периода войны. Для проведения конверсии нет денег, бюджет сокращен в семь раз... Один за другим закрываются и другие заводы, вполне гражданские. Они не могут завершать изготовление изделий – рвутся связи с поставщиками из других республик... Коммунальные услуги будут повышены в 4–5 раз, что непонятно для пенсионеров... Тариф за телефон повысили в 7 раз.

Положение в стране ухудшается. В России в сопоставимых ценах и в натуральных показателях все граждане в январе приобрели товаров и услуг лишь на 29% от уровня декабря 1991 года. Это означает, что люди начали с января жить в основном на запасы или просто сокращать потребление. Но запасов хватит на 2–4 месяца, не более...»

Через месяц начались неизбежные межнациональные конфликты и споры, которые в последующем могли лишь обостряться. По анализу Роя в мартовском письме:

«...Поражение идей марксизма и социализма в сознании людей ведет к тому, что в восточных республиках идет быстрый рост исламских групп и движений. В западной части страны религия не имеет такого значения, но здесь идет рост национализма. Однако если в Прибалтике, на Кавказе и на Украине националистам есть чем гордиться – "мы теперь свободны, независимы и т.д.", то для русского национализма пока лишь поток унижений, и это поворачивается против Ельцина и его блока "демократов". Русский национализм мыслил Россию как великую державу, а сейчас даже прежний состав РСФСР уменьшился – Крым и Донбасс отдали еще раньше Украине, потеряли Севастополь и Черноморский флот и выход к Балтийскому и Черному морям, часть областей Сибири отдали еще при Сталине Казахстану: Караганда, Акмолинск, даже Уральск теперь казахские города. Все завоевания Петра Первого и Екатерины Второй утрачены. Без Украины, Кавказа, Молдавии и Прибалтики Россия остается в границах царствования Ивана Грозного, при нем была завоевана Сибирь... 30 миллионов русских в республиках остаются в униженном состоянии, их называют оккупантами, негражданами, мигрантами, требуют убираться. Приднестровье никогда не входило в Молдавию – это Сталин прирезал русские области к республикам в расчете на русификацию. Так что "демократы" Ельцина оказались антинациональной силой, и даже Российскую Федерацию некоторые из них согласны разделить... Сейчас наступает похмелье. Российская Федерация живет в нищете, и у русских нет ни одного повода для национальной гордости, кроме своей ушедшей в прошлое истории...»

Финансовый кризис в СНГ

Окончательные решения о создании «Содружества», принятые в Алма-Ате, предполагали сохранение для всех его 11 членов единой валюты. В 1991 г. только Россия могла печатать банкноты и чеканить монеты для общего «рублевого пространства». Производство особой банкнотной бумаги осуществлялось лишь в России, и только здесь, в Москве и в Санкт-Петербурге, существовали фабрики Госзнака и Монетные дворы, которые в недавнем прошлом обеспечивали денежными знаками не только СССР, но и некоторые другие страны, прежде всего входящие в СЭВ. Просчет российских политиков и экономистов, готовивших быстрый переход к «рыночной экономике», состоял в отсутствии понимания различной роли наличных денег в социалистическом и капиталистическом обществах. Они полагали, что правительства РСФСР и других членов СНГ смогут при отмене контро-

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

ля цен сдерживать инфляцию жесткой монетаристской политикой по тем правилам, которые были рекомендованы Международным валютным фондом. Однако МВФ также не понимал особенностей финансовой системы Советского Союза.

В СССР торговые отношения между предприятиями и финансирование государственных учреждений осуществлялись условными взаиморасчетами с помощью «безналичных рублей». Наличные деньги использовались, в основном, лишь в розничной торговле и при выдаче зарплат рабочим и служащим. Строительные компании покупали, например, кирпичи, бетон, балки, кровельное железо и т.д. у поставщиков за ассигнованные из бюджета «безналичные рубли». Эта система бухгалтерских взаимозачетов снижала объемы циркуляции наличных банкнот, которые обслуживали лишь потребности граждан и торговлю магазинов, рынков и бытового сектора. Все личные сбережения граждан можно было хранить лишь дома или в отделениях государственного Сбербанка, предлагавшего рост вкладов на 2% в год. Такая система уменьшала необходимый для экономики страны объем наличных денег. Фабрики Госзнака обеспечивали новыми банкнотами лишь замену уже износившихся купюр, подвергавшихся уничтожению. После последней денежной реформы (1961), введившей в оборот новые банкноты, и до 1991 г. для этой цели были отпечатаны банкноты на общую сумму в 133 млрд руб., т.е. около 4 млрд руб. в год. В основном это были купюры с низкими номиналами в 1, 5 и 10 рублей.

Начавшаяся с января 1992 г. ускоряющаяся инфляция и разные приватизации, в основном квартир и сервисных служб (парикмахерские, магазины, прачечные и т.д.), требовали значительных объемов наличности. Сбербанк, так же как и любой другой государственный банк, использует денежные резервы вкладчиков для финансирования бюджетных расходов и кредитов. Он поэтому не мог быстро увеличить скорость выдачи сберегательных вкладов, вызванной инфляцией и приватизациями. Уже к концу января 1992 г. возникло явление «кризиса наличности», т.е. отсутствия денежных знаков даже для выдач зарплат, пенсий и пособий. Были быстро выпущены новые банкноты с высокими номиналами в 200, 500 и 1000 руб., но еще с «советской» символикой. Разработка новых гравюр для матриц печатных денежных станков требует времени. Однако инфляция шла со скоростью намного выше прогнозируемой, и это приводило к необходимости быстро и часто индексировать зарплаты, пенсии и стипендии. Техническая база Госзнака не была к этому подготовлена и не могла обеспечить выпуск необходимого объема банкнот. Не хватало особой «денежной» бумаги, красок и даже

«денежных» печатных станков. Кризис наличности наиболее болезненно проявлялся в отдаленных от Москвы регионах и в бывших республиках СССР. Для выдачи зарплат и пенсий не хватало наличных купюр. В некоторых областях выплаты зарплат задерживались на 2–3 месяца.

К 1992 г. только Эстония полностью вышла из «рублевой зоны», перейдя на полноценную собственную валюту, банкноты для которой

печатали в Скандинавии. Другим республикам теперь приходилось заменять рубли в наличном обороте различными суррогатами (купоны-карбованцы, рублисы, рубели, манаты и т.д.). Появлялись заменители денег и в областях России¹¹.

Рубли, однако, сохранялись в безналичном обороте. Украина, Беларусь, Узбекистан и другие республики, унаследовав советскую финансовую систему, создали Национальные банки и проводили все оптовые закупки товаров и расчеты между предприятиями безналичными рублями. По соглашению о создании СНГ они могли производить эмиссию безналичных рублей для своих предприятий через свои национальные банки для межгосударственных расчетов в пределах СНГ. Они использовали это право достаточно интенсивно, индексируя оборотные средства предприятий по уровню инфляции. В результате этого инфляция безналичных рублей шла в СНГ с начала 1992 г. быстрее, чем инфляция наличных рублей, причем неодинаково в разных республиках. Этот своеобразный феномен имел множество неожиданных последствий, оживив «черный рынок» и разные махинации с «обналичиванием», т.е. с переводом безналичных рублей в наличные. Прибыль от таких махинаций (например, покупка строительных материалов по безналичному расчету, а продажа уже частникам за наличные деньги) составляла от 100 до 300%.

Прекратились «валютные аукционы» Госбанка, на которых валюта продавалась за безналичные рубли организациям по более высокому курсу, чем при покупке валюты в обменниках банков. Курс валюты повысился и в обменниках. Высокая цена доллара и других валют к февралю 1992 г. (160 руб. за доллар и 312 за английский фунт) была шоком не

¹¹ В Уральском регионе была создана собственная денежная единица «Уральский франк», введение очень качественных банкнот которого в денежный оборот было, однако, ограниченным.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

столько для населения, сколько для импортеров. Курс рубля падал чуть ли не ежедневно. Покупать даже «критически важные» товары за границей при таком курсе обмена оказалось невозможным. К осени обменный курс доллара повысился до 360 рублей. Но без валютного импорта функционирование многих отраслей экономики оказалось невозможным.

В наибольшей степени страдали продовольственное снабжение городов и работа больниц. Почти половина продукции хлебозаводов в Москве и в С.-Петербурге в 1991 г. выпекалась из импортной муки. Инсулин для диабетиков покупался в Дании, снабжавшей этим натуральным гормоном всю Европу. Поэтому правительство было вынуждено возобновить субсидии для «критически важного» импорта. Однако задерживалась на два–три месяца, а часто и дольше, выдача зарплат и пенсий. Граждане продавали все что можно, и центральные улицы Москвы, когда мы с Ритой снова приехали в Россию в мае, превратились в базар. «...Продавайте что хотите, где хотите и когда хотите...», – заявил где-то Ельцин. В подземных переходах в Москве играли на скрипках и даже на виолончелях ностальгические мелодии музыкальные группы, и прохожие бросали им банкноты в выставленные коробки.

Директор Института международных финансов в Вашингтоне Хорст Шульман призвал западные банки воздерживаться от новых кредитов России. По его мнению, «те, кто определяют политику в России, не знают, что делают. Более того, они, возможно, не знают, что вообще происходит в их стране...» [5].

Особенно трудные проблемы возникли с выплатой процентов по внешнему государственному долгу СССР. На заседании глав правительств СНГ в Минске в начале 1992 г. было решено распределить его пропорционально населению и экономическому потенциалу республик. Российская Федерация брала на себя 60% долгов СССР, Украина –16%, Беларусь и Казахстан по 4%. Остальные 16% приходились на Среднюю Азию, Закавказье и Молдавию. Однако «обслуживание» процентов по долгам оказалось слишком трудным. К октябрю 1992 г. Россия смогла выплатить кредиторам лишь около миллиарда долларов. Другие члены СНГ выплат по внешним долгам вообще не производили. Поскольку лишь Россия считалась правопреемником СССР и была генератором наличных рублей, лишь для нее возникала угроза дефолта. Российская Федерация по согласованию с членами СНГ и МВФ согласилась взять у других республик все советские внешние долги в обмен на их долю в собственности бывшего СССР за рубежом. Дефолт не объявлялся, т.к. кредиторы согласились на рассрочку долгов. Это означало распределение выплат на 15 лет, но с повышенными процентными ставками.

**Сигнал SOS
от Заслуженного зоотехника**

Вернувшись в Лондон в конце октября 1992, я обнаружил в почте большое число писем из России и Украины, в большинстве от моих друзей и бывших знакомых, но иногда и от незнакомых и с необычными предложениями. Такой массы писем с родины в недавнем прошлом я никогда не получал. Один из моих критических очерков о реформах в сельском хозяйстве России был опубликован в газете *Сельская жизнь*, и откликом на него было более десяти писем от моих студенческих друзей по Тимирязевской сельскохозяйственной академии и по работе на кафедре агрохимии и биохимии в 1951–1960 гг.

Но наиболее примечательное письмо я получил сложными путями и с большим опозданием (его кто-то привез в Лондон и отправил местной почтой) от известного генетика-селекционера в области свиноводства Заслуженного зоотехника РСФСР Николая Петровича Смирнова. Я его лично не знал, хотя он писал, что мы один раз встречались. Смирнов читал мою «самиздатную» книгу о генетической дискуссии, знал о попытке психиатрической экспертизы в 1970 г. и о лишении меня советского гражданства в 1973 г.

«...Неизвестными были для меня последствия – живы ли Вы, продолжаете ли работу... И только Ваш приезд в Москву в 1991 году, и Ваша статья возродили Ваше имя и память о том давнем контакте. Я тоже подвергался аресту, был в ГУЛаге и только в 1953 году после реабилитации вернулся к работе зоотехника племенных свиноводческих заводов. В 1964 году вышла моя книга "Записки зоотехника-селекционера" [4]. Вывел несколько новых пород и свиней и коров – рекордсменов ВСХВ¹². Наибольшей популярностью пользовалась свиноматка "Герань", выставленная на Всемирной сельскохозяйственной выставке в Дели в 1960 году.

Индийские газеты называли ее "Маленький русский слон" – она весила 360 кг, была красавица по телосложению и кормила 12 поросят... Породы свиней в Индии – карликовые, матки весят 40–50 кг и выкармливают по два поросенка, а тут... Публикуюсь и сейчас, последняя статья была в декабре 1991 в журнале «Свиноводство». Казалось, все хорошо, но жизнь стала УЖАСНОЙ! Мы нищие, ведем полуголодное существование. Моя пенсия 225 рублей, тогда как цена килограмма свинины –

¹² Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ), созданная в 1939 г., была преобразована в 1959 в Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ).

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

180 рублей. Кофе только ячменный. Забыли вкус ветчины и сыра. Со всем стощал, стыдно сказать – 42 кг, рост 172. Живые мощи.

Накопления все проели, и пришел к выводу: НАДО ПРОДАВАТЬ СВОИ МЕДАЛИ ВСХВ и ВДНХ, пользуясь тем, что сейчас на все советское есть спрос за границей, даже на партбилеты. Здесь нумизматы предлагают рубли, но это сегодня пустышки. Обращаюсь к Вам с просьбой – нельзя ли предложить мой все же комплект медалей с удостоверениями фирме "Сотбис" на торги. Это, конечно, жест отчаяния. Но за границей у нас никого нет...

Конечно, торговать наградами стыдно и ГОРЬКО, но у меня все же останутся два ордена и медаль "Заслуженный зоотехник" и две награды жены, она умерла в 1988 году...

Желаю Вам здоровья и чтобы Вы стали ДОЛГОЖИТЕЛЕМ!

С уважением и доброй памятью

Селекционер Н.Смирнов

15 сентября 1992 года

Еще раз простите старика».

К письму прилагался внушительный список медалей с описаниями лицевой и обратной сторон. Их было 15. Список начинался двумя золотыми, «БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ ВСХВ», диаметр 3 см., «МАЛАЯ ЗОЛОТАЯ ВСХВ», диаметр 2,5 см. За ними шли четыре серебряные: «БОЛЬШИЕ СЕРЕБРЯННЫЕ МЕДАЛИ ВСХВ» и серебряные медали ВДНХ. Затем перечислялись бронзовые медали ВДНХ.

Мое ответное письмо содержало объяснения о том, что вывезти золотые и серебряные медали из России легально, тем более чужие, практически невозможно. Их могли конфисковать при досмотре в аэропорту. Я также сообщал, каким образом организуются аукционные продажи «Сотбис» в Лондоне, о необходимых доверенностях, услугах адвоката и о наиболее трудной проблеме – согласии на их оценку и внесении залога в фунтах. На аукционе могли продаваться лишь медали знаменитостей. Медали и ордена разных стран продавались в магазинах для коллекционеров. Был в Лондоне и особый рынок для нумизматов и филателистов. Я не был знатоком этого дела. Николай Петрович на мое письмо не ответил¹³.

¹³ В 1992 г. ему было уже 83 года. Он родился в 1908 и жил в поселке «Удельная» Московской области. Телефона у него не было, и в мой следующий приезд в Москву весной 1993 г. я не сумел с ним связаться.

Конец «единого рублевого пространства» СНГ

Ельцин, обещавший улучшение жизненного уровня населения к осени, сваливал теперь все неудачи и стремительную инфляцию на правительство. Г.Бурбулиса удалили из прави-

тельства еще летом, и пост «Государственного секретаря» бы упразднен. Должность премьера осталась за Ельциным, но его главным заместителем стал Е.Гайдар. Однако и он не смог изменить ситуацию. Верховный Совет СССР требовал замены Гайдара опытным хозяйственником. Возникал конфликт между Ельциным и вице-президентом Александром Руцким. Спикер ВС Р.Хасбулатов также требовал смены правительства. 14 декабря 1992 г. по рейтинговому голосованию в ВС РСФСР Председателем Совета министров РСФСР был назначен Виктор Степанович Черномырдин, создатель и председатель государственной корпорации «Газпром». Должности премьера и президента были теперь разделены, и Черномырдин получил большие полномочия, чем ранее имел Егор Гайдар. Был освобожден от должности Председателя Центрального банка РСФСР Георгий Матюхин и его заменил бывший Председатель Госбанка СССР Виктор Геращенко. Эта новость удивила меня больше всего, так как Геращенко был отстранен от должности сразу после ареста членов ГКЧП. Именно публикация заявления В.Геращенко от 15 августа 1991 г. о том, что подписание Договора о Союзе Суверенных Республик разрушит кредитно-банковскую систему СССР, было одним из оправданий для введения в Москве Чрезвычайного положения. В.Геращенко был профессиональным и потомственным банкиром, его отец работал Первым заместителем Председателя Госбанка СССР. В.Геращенко уже через несколько лет после окончания финансового института был назначен Председателем правления Московского Народного банка в Лондоне, а затем (1967–1972) работал Управляющим отделения этого банка в Бейруте, столице Ливана. Здесь Геращенко подружился с Е.Примаковым, который тогда был специальным корреспондентом *Правды* на Ближнем Востоке.

Советский «Народный банк» в Бейруте кредитовал дружественные Советскому Союзу режимы в Египте, в Сирии и в Иордании. Не могло быть сомнений в том, что Управляющий советского банка в Бейруте неизбежно сотрудничал и с советской разведкой. После Бейрута В.Геращенко пять лет работал Управляющим отделения этого же банка в Сингапуре. В Советском Союзе администраторы этого уровня за границей неизбежно контактировали с посольствами СССР и с советской разведкой.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

В 1992 году Примаков возглавлял службу внешней разведки (СВР) РФ, которая была выделена как самостоятельная из состава Федеральной службы безопасности (ФСБ). Б.Ельцин после создания СНГ намеревался заменить Примакова на этом посту, но не смог этого сделать из-за отказа руководителей всех секретных служб этой организации поддержать новую кандидатуру, предложенную Ельциным. Теперь назначение Геращенко Председателем Центрального банка РСФСР создавало особый самостоятельный дуумвират влияния на власть.

Но это понимали лишь немногие. Рой был лично знаком с Примаковым по Верховному Совету и понимал, что он самостоятельный политик с патриотическими взглядами. Смена Председателя Центрального банка должна, по Конституции РФ, одобряться Верховным Советом РСФСР, а смена Директора СВР, не определяемая по процедуре Конституцией, требовала одобрения начальников всех подразделений этой сверхсекретной организации. Их было около 50. Главным фактором успешной работы СВР была не субординация, а полное взаимное доверие. СВР, как и Главное разведывательное Управление Вооруженных сил

В.Геращенко и Е.Примаков

Управление Вооруженных сил (ГРУ), создавались по принципу автономных секретных ячеек, члены которых могли не знать друг друга. Это гарантировало ячейки в разных странах от провалов. Выборные политики не командуют разведкой, а лишь сотрудничают и советуются с ней. Это правило распространяется и на другие страны. Поставить для руководства этими организациями «своих» людей Ельцин не мог. Он также не мог сместить Примакова или Геращенко собственными указами, тем более что история с выдачей назначенным Ельциным председателем КГБ В.Бакатиным секретных сведений о прослушивании американского Посольства Послу США расценивалась в разведке как предательство.

В.Геращенко, став в начале осени 1992 г. Председателем ЦБ РФ, начал менять практику «Общей рублевой зоны СНГ», которая через рас-

четы в безналичных рублях, генерируемых без лимита в «независимых» республиках для кредитования собственной промышленности, стимулировала бесконтрольную инфляцию, девальвацию рубля и эксплуатацию ресурсов России другими республиками.

В конце 1992 г. ЦБ начал эмиссию новых рублевых купюр, уже без портрета Ленина, причем купюра высшего достоинства, выпущенная в оборот в декабре 1992 г., имела номинал в 10 000 рублей. Это не была денежная реформа, и новые купюры лишь постепенно вытесняли из обращения прежние. Однако новые купюры вводились в денежный наличный оборот только в РСФСР и не поступали в оборот в других республиках. Одновременно резко ограничивались расчеты и кредиты в «безналичных рублях». Появление в РСФСР новых купюр достоинством в 5 000 и в 10 000 рублей быстро погасило в стране «кризис наличности», но обострило «кризис рублевой наличности» на Украине, в Беларуси, в Казахстане, в Азербайджане и в других республиках, кроме Эстонии, имевшей уже собственную полноценную валюту.

Остановка взаимных расчетов между промышленными предприятиями разных республик нанесла бы серьезный ущерб их экономикам. Однако в наименьшей степени от этого пострадала бы крупнейшая из них – Российская. Другие республики СНГ, а также Литва, Латвия и Грузия, не входившие в СНГ, могли поддержать свои экономики и розничную торговлю лишь введением собственных полноценных национальных денег и установлением оправданного курса их обмена на рубли и на иностранную валюту.

Эту кардинальную реорганизацию финансовой политики, начатую в октябре 1992 г., В.Геращенко осуществлял практически самостоятельно, не согласовывая свои действия с Ельциным или с Гайдаром и даже с Министром финансов РФ Борисом Федоровым, который был также заместителем премьера и выступал против действий Геращенко. Но последний понимал, что они как политики, просто не разбираются в сложной финансово-кредитной практике и ведут страну к неизбежному банкротству. Генерацию кредитов республикам в форме безналичных рублей, которые уже исчислялись триллионами, следовало прекратить. В условиях капитализма любой кредит должен обеспечиваться существованием резервов наличных денег, золота и других активов.

В течение достаточно коротких сроков в конце 1992 и в начале 1993 г. в СНГ стали появляться новые национальные банкноты: **манаты** в Азербайджане и в Туркмении, **тенге** в Казахстане, **сумы** в Узбекистане, **сомы** в Киргизии, **купоны** в Грузии, **леи** в Молдове, **белорусские рубли** в Беларуси, **латы** в Латвии, **литы** в Литве. На Украине **карбо-**

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

ванцы планировали заменить **гривной**, но не справились с выпуском полноценных банкнот. Не смог из-за Гражданской войны быстро отказаться от рублей лишь Таджикистан. Установка обменных курсов новых валют к доллару и к рублю была трудной задачей.

Однако появление собственных валют, обеспечивая суверенитет республик, начало постепенно приводить уровень жизни их населения к реальным и объективным возможностям их экономик. Националистические движения в этих странах поддерживались пропагандой, утверждавшей, что после выхода из состава СССР они станут жить лучше. Особая уверенность в этом существовала среди населения Азербайджана, Украины, Грузии и в Прибалтике.

В статистические данные о том, что эти республики, в действительности, потребляют намного больше, чем производят (особенно Грузия и Литва), их жители не верили. В республиках Средней Азии таких иллюзий не было. Реальность после получения финансового суверенитета оказалась совершенно иной. В 1993 г. «Валовой национальный продукт» (*Gross-National Product*) по данным статистики ООН (См.: [6]) составил в РФ \$3 200 на человека, что было почти в три раза ниже, чем в СССР. Но в Грузии тот же показатель был равен \$850, в Азербайджане \$870, в Литве \$2 700, на Украине \$1 700. Больше всего пострадали от распада СССР Киргизия, Таджикистан и Молдова. Курс рубля к доллару значительно упал и в России, т.к. общая масса рублей с выпуском новых купюр сильно возросла. Однако изоляция хождения российских рублей нового образца территорией РСФСР и размежевание валют республик позволили вскоре провести в России более полноценную финансовую реформу.

Библиографический список

1. Бакатин В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992. 267 с.
2. Витковский А. Как Бакатин своих сдавал. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm?id%3D10318161@fsbPublication.html> (дата обращения 28.09.2016).
3. Красильников Р.С. Призраки с улицы Чайковского: Шпионские акции ЦРУ США в Советском Союзе и Российской Федерации в 1979–1992 годах. М.: ГЕЯ итэрум, 1999. 299 с.
4. Смирнов Н.П. Записки зоотехника-селекционера. М.: Моск. рабочий, 1964. 148 с.
5. The Financial Times. 1992. Sept. 16.
6. The System of National Accounts 1993. URL: <http://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/sna1993.asp> (дата обращения: 28.09.2016).

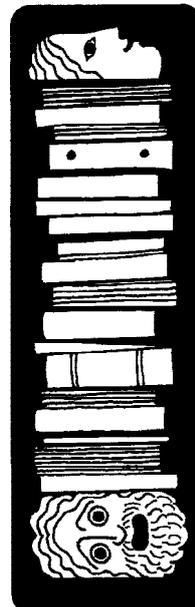
(Окончание следует)

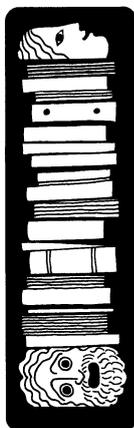
Революция — конец старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгий путь. В революции искупаются грехи прошлого. Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения.

Н.А.Бердяев

**Революции чаще всего совершаются
не потому, что одна сторона
стала просвещеннее, а потому,
что другая натворила
слишком уж много глупостей.**

Антуан де Ривароль

Елена Мягкова

**«БЕСЫ», «ИГРОКИ»
И «МЕЧТАТЕЛИ»,
ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕК
СТАНОВИТСЯ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ**

ЧАСТЬ V¹

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
94(44)/04

Террор – один из наиболее загадочных и спорных эпизодов Французской революции. Долгое время он находился в центре внимания исследователей, но его история нередко искажалась, обнажая идеологическую пристрастность и ангажированность эпохи. Историко-графическая традиция XIX–XX вв. предлагала, как правило, два взаимоисключающих ответа: «теорию обстоятельств» и концепцию «исторического фатализма», где якобинская диктатура, с одной стороны, выступает порождением сложнейшей социально-экономической, политической и военной обстановки в стране, а с другой, – логическим завершением просветительских идей. Ситуация резко изменилась накануне 200-летнего юбилея (1989): проблематика сюжета значительно обновилась, сделав его предметом самых различных интерпретаций.

The Terror is one of the most mysterious and debatable subjects in the history of the French Revolution. For a long time it represented the main research focus for historians whose interpretations, however, were strongly influenced by contemporary ideological battles and political prejudice. The historiography of XIX and XX centuries traditionally offered two opposite hypotheses. On the one hand, the Jacobin dictatorship resulted probably from a whole complex of economic, social, and military difficulties in the country (“theory of circumstances”). On the other hand, the state violence perhaps put a logical end to philosophy of Enlightenment (conception of “historical fatalism”). The black-and-white picture was brightly coloured under a jubilee celebration (1989) by numerous alternative propositions.

Ключевые слова: Французская революция (1789–1799); политическая культура; теории общественно-политического устройства; представление об идеальном государстве и обществе; закон и насилие в системе государственного управления.

Key words: French Revolution (1789–1799); political culture; theories of social and political organization; image of ideal state and society; law and violence in the system of public administration.

E-mail: rgaspi@inbox.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2016. №1, 2, 3, 4.

V. «Школа революции», или «Деспотизм свободы против тирании»

Террор – один из наиболее загадочных и спорных эпизодов Французской революции. Долгое время он находился в центре внимания исследователей², но его история нередко искажалась, обнажая идеологическую пристрастность и ангажированность эпохи. Когда начинается террор, есть ли у него официальная дата «смерти», как объяснить его происхождение и механизм функционирования, каков культурный контекст, сделавший возможным его распространение? Историографическая традиция XIX–XX вв. предлагала, как правило, два взаимоисключающих ответа: «теорию обстоятельств» и концепцию «исторического фатализма», где якобинская диктатура, с одной стороны, выступает порождением сложнейшей социально-экономической, политической и военной обстановки в стране, а с другой, – логическим завершением просветительских идей.

Ситуация изменилась накануне 200-летнего юбилея революции (1989). Под влиянием опыта строительства коммунизма интеллигенция усвоила специфическую позицию отторжения как по отношению к Французской революции, так и революциям вообще. Маятник научных приоритетов в России сместился вправо, и, несмотря на определенные усилия, призывы к переосмыслению сюжета [5] не привели к конкретным результатам. Тема Террора, справедливо отмечает П.Генифе, напоминает «опустевшее поле боя двух непримиримых армий... Битва закончилась гибелью сражавшихся, и на развалины опустилась тишина» [3, с.8].

Очередной этап наметился с середины 90-х годов [6; 7]. Проблематика сюжета значительно обновилась, сделав его предметом самых различных интерпретаций. Новые работы, анализировавшие причины, механизм и контекст террора, не были лишены спорных моментов и «белых пятен» [2]. Имея заметную эвристическую ценность и позволяя уйти от прежних идеологизированных оценок и предвзятых суждений, они все же оставили большинство прежних концептуальных вопросов открытыми.

Публикуемые ниже документы являются одной из многочисленных попыток «самообъяснения» эпохи, наиболее убедительным образом демонстрируя алгоритм формирования «теории обстоятельств». Оба

² Прежде всего в советской и французской классической историографии (А.Матьез, А.Собуль) Французской революции.

документа представляют собой речи, произнесенные в Конвенте и опубликованные позже для широкого распространения. В обоих случаях (как в личном выступлении, так и в обращении от имени народного общества) главным действующим лицом и главным теоретиком выступает Марк-Антуан Жюльен³, активный участник революционных событий, убежденный республиканец и сторонник якобинского клуба. Представленные документы составляют часть его личного фонда, хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) [1], и на русском языке публикуются впервые. Документы приводятся по правилам современной орфографии и пунктуации; курсив оригинала сохранен.

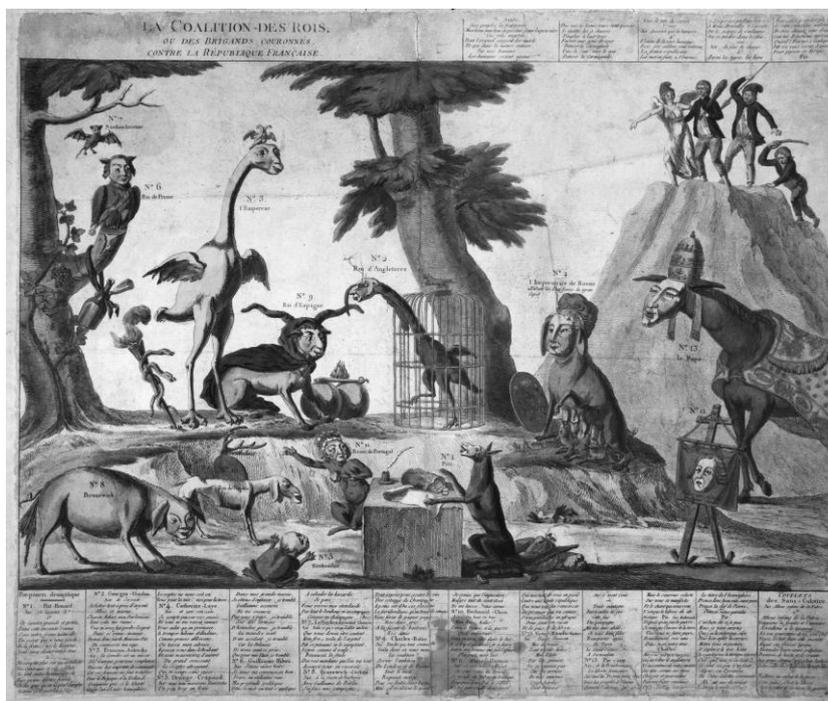
Перевод с французского выполнен Е.М.Мягковой.

Гидра аристократии. Аллегория. Неизв. худ. Конец XVIII в. Бумага, офорт раскрашенный (РГАСПИ. Ф. 654. КП 96337. ГР 37091)

³ См. о нем части 1–4 настоящей публикации.

«БЕСЫ», «ИГРОКИ» И «МЕЧТАТЕЛИ»...

Коалиция королей. Аллегория. Неизв. худ. Конец XVIII в. Бумага, офорт раскрашенный (РГАСПИ. Ф.654. КП 35039. ГР 25469)

№1

**МНЕНИЕ МАРКА-АНТАУНА ЖЮЛЬЕНА,
военного комиссара и члена Центрального комитета, образованного
представителями Народа при армии Западных Пиренеев**

[июнь 1793 г.]

*О текущем положении в Республике и о необходимости объединения
вокруг новой Конституции⁴*

Сам по себе народ всегда хочет блага, но сам он не всегда видит, в чем оно. Общая воля всегда направлена верно и прямо, но решение, которое ею руководит, не всегда бывает просвещенным. Ей следует показать вещи такими, какие они есть, иногда такими, какими они должны ей пред-

⁴ Имеется в виду Конституция 1793 г.

ставляться; надо показать ей тот верный путь, который она ищет; отградить от сводящей ее с этого пути воли частных лиц; раскрыть перед ней связь стран и эпох; уравновесить привлекательность близких и ощутимых выгод опасностью отдаленных и скрытых бед. Частные лица видят благо, которое отвергают; народ хочет блага, но не ведаёт, в чем оно. Все в равной мере нуждаются в поводырях. Надо обязать первых согласовать свою волю с их разумом; надо научить второй знать то, чего он хочет. Тогда результатом просвещения народа явится союз разума и воли в Общественном организме; отсюда возникает точное взаимодействие частей и, в завершение всего, наибольшая сила целого.

(Об общественном договоре, глава 6⁵)

Граждане,

Приближается момент, когда мирное и непрерывное обладание свободой должно увенчать усилия, которые мы приложили для ее завоевания. Долгое время затененный зловещими облаками, наш политический горизонт, наконец, прояснился; дух торжествующей республики, окруженный лучами национальной славы и счастья, рассеивает завистливый туман, который все еще стремится принести нам и новые грозы, и новые опасности. Воды революционного потопа смыли мутную грязь и прочие нечистоты режима, при котором в течение тринадцати сотен лет гнила униженная Франция. Патриоты, собравшиеся в ковчеге, долгое время находились во власти волн, не видя конца своим странствиям, Они отпустили голубя, скромную надежду; и надежда с оливковой ветвью в руке вернулась для того, чтобы подать им знак к скорому миру и счастью.

Подобно спутникам Ноя⁶, мы намереваемся выйти из ковчеге и разделить между собой единственные богатства из тех, которые мы пожелали сохранить – наши права и нашу свободу. Мы собираемся высидеться на землю, отныне очищенную от монстров, отравлявших ее тлетворными семенами бед и преступлений; мы собираемся затянуть узы святого союза, который должен объединять всех людей, воздвигнуть на нерушимых основах величественное здание республиканской конституции.

Граждане французы, час возрождения великого народа, долгое время погребенного в могиле рабства, является несомненным предзнаменованием ближайшего возрождения других наций. Троны будут уничтожены, мир станет свободным, Франция просто опередила мир.

⁵ Руссо Ж.-Ж. *Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. Книга 2, глава 6* (Цит. по русскому изданию: [4]).

⁶ Имеется в виду библейская легенда о Ноевом ковчеге в повествовании о Всемирном потопе. По велению Бога Ной построил судно для спасения от Потопа своей семьи, а также всех животных.

Многочисленные препятствия, постоянно возобновляющиеся преграды на несколько мгновений приостановили нашу славную карьеру. Мы приближаемся к концу, и усилия гибнущей аристократии, столь часто оказывавшиеся тщетными, пробуждаются и оживают, чтобы снова задержать нас. Пусть же мне будет позволено в последний раз бросить взгляд на тот кризис, из которого мы едва выбрались, на те опасности и западни, которые нас окружают, на текущее положение Франции и предложить вам меры, способные, на мой взгляд, нас спасти.

Вы должны ясно видеть, что на протяжении некоторого времени родина находится в самой тяжелой опасности; что широкий заговор, нити которого покрывают Францию, существует для того, чтобы разбить республиканское единство; что причина бед состоит в заблуждениях общественного мнения и раздорах между департаментами, вызванных предателями и лгунами. Только вам всем, только народу, создателю и защитнику собственной свободы, под силу разоблачить их интриги и спасти родину.

Смертельные опасности находятся не у границы, и не внешних врагов нужно больше всего опасаться. Испанец уже очистил нашу территорию; савояр⁷ вдохновился возможностью встать под трехцветные знамена; наша Итальянская армия наблюдала бегство пьемонтцев, а те из наших братьев по оружию, кто сражается на севере, дали почувствовать жалким рабам Пруссии и Австрии⁸, в чем состоит разница в смелости между солдатами тирании – пассивными инструментами странных прихотей одного человека, и генералами-республиканцами, защищающими ценой своей жизни собственную независимость.

Полностью свободная Франция сможет при необходимости противостоять полностью рабской Европе. Вступившие в заговор тираны уже разочаровались в возможности воплотить свои планы только силой оружия; они почувствовали, что для победы над нами необходимо разбить наше единство, что завоевать нас можно только нашими же собственными руками.

⁷ Жители герцогства Савойского. В 1792–1794 гг. территория Савойи была присоединена к Франции в качестве департамента Монблан и оставалась под властью Франции до 1815 г.

⁸ Имеется в виду первая антифранцузская коалиция (1791–1797) – союз европейских государств, стремившийся к восстановлению во Франции династии Бурбонов (Англия, Пруссия, Неаполь, Тоскана, Священная Римская империя, Испания, Голландия).

С самого начала они разжигали вандейские мятежи⁹, мятежи того несчастного региона, ставшего театром гражданской войны, где французская земля была полита кровью тысяч французов.

Они объединились с вероломными министрами, выбранными из числа своих креатур, чтобы перехватывать настоящие республиканские газеты, распространение которых грозило разоблачить их заговоры. Они поощряли гордыню и себялюбие высших администраций департаментов, чтобы сделать их инструментами своих заговорщических махинаций. Они распространяли искусные в их дезорганизующем начале принципы, смысл которых в том, *что самодостаточные департаменты смогут обойтись без Парижа; что одна часть Франции несколько не нуждается в другой; что Юг может существовать без Севера.*

Все мелкие амбициозные интриганы, чьи посредственные и неясные заслуги терялись в масштабах большой республики, с жадностью ухватились за этот проект малых изолированных правительств, где они надеялись блистать более ярко и возвышаться над согражданами. Все эти авантюристы, вышедшие из грязи контор бывшего королевского исполнительного совета, эти дезертиры 10 августа¹⁰, которые, убегая и бродяжничая, напрасно добивались сертификатов на жительство или сертификатов гражданства¹¹; эти существа, лишенные родины и чувства патриотизма, не имевшие никаких надежд при режиме, основанном на нравственности и добродетели, бросились в партию, где анархический

⁹ *Вандейское восстание – движение крестьян против революции и республики под роялистскими и католическими лозунгами (1793–1796). Вандея – департамент на Западе Франции у побережья Атлантического океана. Географическое расположение департамента давало хорошие возможности для высадки английского флота.*

¹⁰ *Восстание 10 августа 1792 – одно из определяющих событий в истории Французской революции, кульминация в неудачной попытке установить конституционную монархию во Франции. События этого дня привели к падению французской монархии после штурма Тюильри. Король Людовик XVI вместе с семьей укрылся в Законодательном собрании и был низложен.*

¹¹ *Речь идет о практике характеристик, распространившейся с момента провозглашения республики. Все граждане должны были представить доказательства своей твердой гражданственности и добродетельного поведения; а лица, занимавшие какую-нибудь общественную должность, обязывались получить удостоверение в благонадежности («сертификат гражданственности»). Такие документы выписывались либо членами местной администрации, либо (что было чаще) – представителями революционных обществ. См. об этом часть 2 настоящей публикации.*

беспорядок и полное разложение правительства обещали им неизбежность нового порядка вещей, при котором можно все выиграть, ничего не потеряв.

Таковы были агенты этого заговора, таковы были средства, использованные ими для достижения успеха; и мы уже видим, как заговор, напрасно разоблачаемый патриотами, шагает широкими шагами с высоко поднятой головой навстречу своему успеху.

Патриотическая переписка оказалась прерванной, лживые и зловредные газеты имеют широкое распространение, со всех сторон приходят обращения, главная цель которых – унижить национальное представительство. Под предлогом побратимства комиссары, называющие себя законными представителями власти, собираются создать коалицию, служащую расколу между департаментами Юга и Севера; избрать раскольническое Национальное собрание, которое бы соперничало с Конвентом и разделяло бы Францию. Со всех сторон слышны мятежные крики заблудших или продавшихся людей, поносящих ругательствами Париж, желающих роспуска и гибели Национального конвента под тем предлогом, что, лишенный свободы, он не имеет и права на существование. Провозглашая единство республики исключительно ради красного словца, они тянутся к федерализму¹², понемногу приучая общественное мнение к этому контрреволюционному монстру.

Чем стал бы этот федерализм, который пытаются представить союзом малых федеративных и дружеских республик, как не распадом частей большой республики, как не эпохой гражданской войны, факел которой, однажды зажженный, было бы невозможно погасить? Каким образом федерализм мог бы стать наследником республиканского единства без того, чтобы не разделить департаменты; и как разделенные департаменты смогли бы установить между собой связи федерализма?

Повсюду видна болезнь; нам стоит поискать лекарство против нее. Не стоит игнорировать тот факт, что скрытые враги родины удваивают сегодня усилия к тому, чтобы низвергнуть ее в пропасть. Надо отыскать признаки, по которым мы узнали бы этих врагов; а поскольку все мы испытываем одно и то же чувство – любовь к свободе и стремление ее спасти, мы все добровольно придем к единому мнению.

¹² *Движение, спровоцированное членами партии жирондистов, в июне 1793 г. Речь идет о восстании примерно 60 департаментов против политики и системы управления якобинцев («парижского централизма»).*

В Национальном конвенте с момента его основания существуют две партии¹³, озлобленные одна против другой и занятые бесконечными разоблачениями и преследованиями. Само упорство их взаимной враждебности является бесспорным доказательством того, что в той или другой партии находятся люди с порочными стремлениями, желающие гибели Республики. Можно также предположить, что как в одной, так и в другой партии существовали подлинные друзья родины, жаждавшие защищать и спасти ее. И, если их взаимные разоблачения повторялись с одинаковым упорством, это означает, что одни испытывали настоятельную потребность разоблачать и преследовать коварных заговорщиков, скрывающихся под личиной гражданственности, а другие, слишком слабые из-за скрытых угрызений совести, отвечали разоблачением тех, кто их разоблачает и, не находя возможности оправдаться в роли обвиняемых, переходили в ранг обвинителей самих разоблачителей. Отсюда и борьба, продолжавшаяся в течение многих месяцев, в которой накалялись страсти и разжигалась ненависть, в которой частные ссоры занимали место общественных дискуссий, в которой за обсуждением личностей не видели дел, в которой священный долг законодателя уступал место эгоистическим интересам, в которой народ – двадцать пять миллионов людей, был принесен в жертву нескольким индивидам.

Взгляд подлинного патриота, опечаленный этими вечными признаками раздора, предвещавшего большие беды всей республике в целом, старался различить правду среди стольких неясных разоблачений, узнать среди стольких партий и фракций добродетельную партию, святую фракцию, искренне стремящуюся к свободе.

Я не углубляюсь в давно прошедшую эпоху 10 августа и Законодательного собрания, когда те, кто домогался благосклонности народа и получил некоторую долю популярности, без конца говоря о народе, уже проявили признаки своего сговора с королевским двором, стараясь подержать шатающийся трон и приостановить вмешательство республики, готовой уничтожить умирающую тиранию. Их усилия были напрасными:

¹³ Речь идет о партиях жирондистов и монтаньяров. Жирондисты – политическая группировка, основу которой составляли идеи индивидуальной свободы и демократической теории Ж.-Ж.Руссо. Получила название от департамента Жиронда, депутаты которого стали первоначальным ядром партии. Монтаньяры – (от фр. *Montagnards* – люди на вершине горы, так как они занимали верхние ряды в зале заседаний) – наиболее радикальные члены Якобинского клуба, выступавшие за политику устрашения (террора), за непосредственное действие народных масс.

народ, всегда чистый и неподкупный, ничего не знавший об их согласии с преступным, злодейским и гнусным королем, попросил, пожелал и добился отстранения короля от власти, и 21 сентября, едва сформировавшись, Национальный конвент провозгласил Республику по предложению одного из своих членов¹⁴, несправедливо объявленного агентом королевской партии.

С того момента, когда бывший король был предан суду, я и начинаю сравнивать две партии Национального конвента и проследить движение тех, чей патриотизм состоял лишь в том, чтобы называть себя патриотами, тогда как их поведение каждый раз доказывало обратное.

Они говорили, что ненавидят деспотизм, деспотов и их пособников, *что они любят только мертвых королей* (выражение Бриссо¹⁵ в одной из прокламаций), но вы знаете, каковы были усилия этих же людей для того, чтобы отсрочить казнь Людовика¹⁶ и продлить безнаказанность его преступлений. Убежденные в чистоте и просвещенности общей массы Французского Сената¹⁷, а также в том, что он посоветует воспользоваться лишь строгой справедливостью, имеющей целью уравнивать головы королей с головами других людей, они посчитали, что им проще ввести в заблуждение массу народа, самые здоровые силы которого находились на фронте для защиты своей свободы, и попросили, как и сейчас некоторые люди продолжают просить, созвать первичные собрания¹⁸.

Вынужденные всегда скрывать за специальными предложениями свои преступные замыслы, они претендовали на то, что своими действиями отдают дань суверенитету народа, тогда как они лишь дерзко играли суверенитетом народа. Если бы народ мог самостоятельно пользоваться

¹⁴ Речь идет о **Жане-Мари Колло-д'Эрбуа** (*Collot d'Herbois*), 1749–1796, секретаре Якобинского клуба.

¹⁵ **Жак-Пьер Бриссо** (*Brissot de Warville*), 1754–1793, один из известнейших деятелей Французской революции.

¹⁶ **Людовик XVI** (*Louis XVI*), 1754–1793, король Франции из династии Бурбонов. После начала революции Людовик принял конституцию 1791 года, отказался от абсолютизма и стал конституционным монархом. Однако вскоре начал нерешительно противодействовать радикальным мерам революционеров и даже попытался бежать из страны. 21 сентября 1792 г. низложен, предан суду Конвента и вскоре казнен.

¹⁷ Аллюзия на высший государственный орган власти Древнего Рима.

¹⁸ Первичные собрания Французской Республики (*примарные ассамблеи*) – органы управления Французской Республики в 1793–1799 гг. Являлись совокупностью всех граждан, проживающих в кантоне.

своим суверенитетом, то зачем ему были бы нужны представители; и возможно ли, чтобы представители народа перекладывали на него то бремя, которое народ переложил на них?

Голос Баррера¹⁹, представлявшего в эти кризисные моменты волю всего отечества, заставил отбросить идею первичных собраний и объявить без промедления о смерти тирана. Париж первым предупредил Францию и подал сигнал к благородному восстанию как при взятии Бастилии, так и при штурме Тюильри, 14 июля²⁰ и 10 августа; Париж, ближе всего видевший на политической сцене события и людей и имевший потому право судить о них в силу численности и просвещенности массы своего населения, мог с максимальной уверенностью интерпретировать и оглашать национальную волю, в выражении которой он лишь опережал других; Париж бурно свидетельствовал, что тиран должен погибнуть, что созыв первичных собраний был злостным оскорблением суверенитета народа, не напрасно созвавшего своих представителей. Париж стал для аристократии открытой ареной для того, чтобы воспользоваться отсутствием солдат родины, бывших на фронтах, и посеять в сердце покинутых ими родных очагов кровавые беспорядки ужасающей анархии и разжечь искры гражданской войны. Тем не менее первичные собрания не были созваны; Национальный конвент исполнил волю суверена, и Людовик отправился на эшафот²¹, а народ, наконец-то отомщенный, получил первый опыт своей справедливости и своего могущества.

Те, кто надеялся спасти тирана, не могли простить ни оратора свободы, призвавшего к нанесению последнего удара тирании, ни революционный город, разоблачивший роялистские проекты и укрепивший рождающуюся республику.

¹⁹ **Бертран Барер де Вьёзак** (*Barère de Vieuzac*), 1755–1841, политик, адвокат, депутат Учредительного собрания и Национального конвента.

²⁰ 14 июля 1789 г. – один из центральных эпизодов Французской революции, штурм крепости-тюрьмы Бастилия, выступавшей для многих поколений французов символом всевластия королей.

²¹ Людовик был заключен с семьей в Тамплль и обвинен в составлении заговора против свободы нации и в ряде покушений на безопасность государства. 11 декабря 1792 г. начался суд над королем в Конвенте. С 16 января 1793 г. проходило голосование депутатов, вызываемых поименно, в результате которого Людовик был приговорен к смертной казни большинством голосов: 387 против 334. Приговор приведен в исполнение 21 января 1793 г.

Отсюда – отвратительная ложь, гнусная клевета против Парижа в газетах Бриссо, Горса²², Луве²³, в речах Верньо²⁴, Жансонне²⁵, Гаде²⁶, Инара²⁷ и почти всех тех, чей арест только что был декретирован. Какие цели преследует эта бесконечная и неясная клевета против города, более других проявившего себя в революции, как не разъединение департаментов и разрыв двойной связи союза и республиканского единства? Если бы они четко представили факты, если бы они точно назвали имена людей, главных действующих лиц их неопределенных обвинений, и доказательства злодеяний, тогда Конвент стал бы слушать их речи и принял бы меры к осуждению виновных. Они блуждают в лабиринтах клеветнического вымысла, они предупреждают слушателей о заговорах, предположительно раскрытых ими, о собраниях людей, вооруженных кинжалами, о тайных сборищах убийц и заговорщиков только с той целью, чтобы ввести в заблуждение департаменты, посеять там ужас, раздор, убедить их в несвободе Национального конвента, в том, что его заседания проходят под действием силы, что один Марат²⁸ со своими сторонниками и народом Парижа властвует над представителями народа Франции.

Все вы устрашались, слыша их возгласы, однако разве кто-нибудь из них смог предоставить хоть один факт, хоть одно доказательство своим лживым разоблачениям?

²² *Антуан-Жозеф Горса (Gorsas), 1752–1793, французский журналист, член Конвента.*

²³ *Жан-Батист Луве де Кувре (Louvét de Couvray), 1760–1797, французский писатель, видный деятель эпохи Французской революции.*

²⁴ *Пьер Викторниен Верньо (Vergniaud), 1753–1793, политический деятель и выдающийся оратор; глава партии жирондистов.*

²⁵ *Арман Жансонне (Gensonné), 1758–1793. Избранный департаментом Жиронды в Законодательное собрание, Жансонне примкнул к жирондистам. 31 декабря 1791, в качестве члена дипломатической комиссии, он настоял на обвинении братьев короля и многих знатных эмигрантов в измене, а 9 февраля 1792 г. – на декрете о конфискации имений эмигрантов.*

²⁶ *Маргерит-Эли Гаде (Guadet), 1758–1794, один из самых видных жирондистов.*

²⁷ *Максимен Инар (Isnard), 1755–1825, жирондист, депутат Законодательного собрания и Конвента.*

²⁸ *Жан-Поль Марат (Marat), 1743–1793, радикальный журналист, один из лидеров якобинцев.*

Они утверждали, что голосовали под угрозой убийц, заставивших Конвент погубить короля, однако же только Лепелетье²⁹, свободно проголосовавший за смерть Людовика, был убит, но не народом или гражданами Парижа, а бывшим охранником, фанатичным роялистом, жаждавшим отмщения за своего господина³⁰.

Те самые люди, которые только и говорили о народе и о том доверии народа, которого они якобы достойны, нуждались в силе департаментов, окружая себя угрожающей силой преторианских солдат³¹, ошетинившихся штыками и способных только на то, чтобы вернуть старый деспотизм и режим гнусного рабства.

Таково было поведение партии, известной под именем бриссотинцев³², и существование которой предсказал один из ближайших друзей, доверенных лиц и соавторов Бриссо, заявив однажды, что имя *бриссотинцев* станет столь же известным, как и имя *санкюлотов*.

Каким же путем следовали те люди Горы³³, которым предназначали в вожди Марата, в то время, когда они не знали иного направляющего мотива, кроме принципов, и маршировали под знаменем не партии, а свободы?

Они голосовали за установление Республики, за смерть тирана, за скорое завершение работ над конституцией, столь долго ожидаемой. Их называли сектантами Марата или [герцога] Орлеанского³⁴; они же с безразличием наблюдали за обвинительным процессом над Маратом, за препровождением [герцога] Орлеанского в тюрьму Марселя. Они требо-

²⁹ Луи Мишель Лепелетье, маркиз де Сен-Фаржо (*Lepelletier, marquis de Saint-Fargeau*), 1760–1793. Считается «первой жертвой» Французской революции. Выступил в пользу суда над Людовиком XVI и подал решающий голос (за – 361, против – 360), проголосовав за смертный приговор королю. Был убит в ресторане в Пале-Рояль.

³⁰ Речь идет о члене Гвардейского корпуса Франции Филиппе Николя Мари де Пари (*Philippe Nicolas Marie de Paris*).

³¹ Преторианцы – личные телохранители императоров Римской империи.

³² Иное название жирондистов, по имени их лидера Жака-Пьера Бриссо (1754–1793).

³³ Иное название партии монтаньяров (от франц. *montagne* – гора), демократическое крыло Конвента, представлявшее якобинцев.

³⁴ Луи Филипп (II) Жозеф, герцог Орлеанский, с 1792. Известный как Филипп Эгалите (*Philippe Egalité*), 1747–1793, военный и политический деятель. Отличался либеральными взглядами, примкнул к революционерам, отказался от титула, стал «гражданином» и принял фамилию Эгалите (равенство). В Конвенте голосовал за казнь своего родственника Людовика XVI.

вали одинакового наказания как для братьев бывшего короля³⁵, так и для Дюмурье³⁶. Их противники этому воспротивились, и даже те, кто долгое время защищал контрреволюционного генерала от справедливых подозрений патриотов, отказались распространить определенное для него наказание на трех вождей эмигрантов, пришедших с оружием в руках разорять их родину.

Не узнаете ли вы врагов народа в изображенных таким образом защитниках Людовика и его братьев, в тех, кто обращается к народу, в сторонниках преторианской департаментской силы? И не видите ли вы в тех, кто преследует их, кто декретировал смерть тирана, кто отбросил меры, имеющие целью федерализовать Республику, друзей Республики и народа? Я искренне их так называю.

Не говоря даже о частных фактах, выдвигавшихся уже внутри Национального конвента или полученных в Комитете общественной безопасности (причем собранные лично мною оглашены вам на этой самой трибуне), которые свидетельствовали против арестованных членов Конвента, я спрашиваю: разве уже само поведение арестованных членов в том виде, в каком я его только что обрисовал, и в том виде, в каком оно существовало, недостаточно для подозрения против них и обоснования их ареста? Даже сама справедливость, являющаяся не чем иным, как взаимным уважением прав одних людей в отношении других, позволяет, повелевает, чтобы в обществе польза всех в целом была предпочтительнее пользы отдельного индивида. Она допускает принесение в жертву одного или нескольких людей во благо большинства, если сохра-

³⁵ *Людовик XVIII (Louis XVIII), Луи-Станислас-Ксавье, 1755–1824 (король Франции в 1814–1824 гг. (формально с 1795), с перерывом в 1815 г.; брат Людовика XVI, носивший во время его царствования титул графа Прованского. Карл X (Charles X), 1757–1836, король Франции с 1824 по 1830 г., до 1824 г. – граф д'Артуа, младший брат Людовика XVI и графа Прованского (будущего Людовика XVIII).*

³⁶ *Шарль Франсуа Дюмурье (Dumouriez), 1739–1823, генерал и министр. Ему Франция обязана отражением первого удара коалиции. Однако в 1792 г. он был обвинен в сношениях с противником. Разбитый при Неервиндене, Дюмурье задумал повести свою армию против Парижа, свергнуть Конвент и восстановить конституционную монархию, для чего вошел в тайное соглашение с имперским главнокомандующим, герцогом Кобургским. Когда его прокламация о восстановлении королевской власти не нашла сочувствия, и большая часть войска отказалась ему повиноваться, в апреле 1793 г. был вынужден бежать к австрийцам.*

нение прав большинства не может быть достигнуто без насилия над правами меньшинства.

Таким образом, я проследил движение обеих партий, существовавших в Национальном конвенте, и мне не составило труда доказать, при помощи простого перечисления фактов, какая из них являлась патриотической. Я изложил мотивы, подтверждавшие подозрения и арест разоблаченных членов [Конвента]. Я нарисую последствия этого ареста после того, как представлю его причины.

Когда вожди партии бриссотинцев были еще в Национальном конвенте, он был театром бесконечных расколов, и они удерживали внимание слушателей лишь предательской ложью, абсурдными разоблачениями, оттягивавшими принятие конституции и вселявшими отчаяние в душу народа. Как только Декрет³⁷ освободил от них помещение национального представительства – храм законов, и раздоры заменились единством и миром, там была предложена, обсуждена и провозглашена конституция – объект желаний всех 25 миллионов человек. И наши глаза с особым удовольствием увидели строительство здания, в котором навсегда должно поселиться наше счастье, как и счастье грядущих веков.

Обратите внимание, граждане, какова была разница между первым и вторым проектом конституции, представленной Национальному конвенту. Первый из них, произведение людей, являвшихся друзьями народа только в теории и на словах, никогда не претворявшихся в практике и действии, был лишь широким лабиринтом абстрактных идей, метафизических принципов, краткое изложение которых отбросило большинство народа и отвратило их от закона, в котором они не могли понять главных идей. Здесь для интриг существовали тысячи способов, цель которых – лишить народ его прав, сделать его невежество орудием против него самого, порабощением и унижением народа. Напротив, во втором проекте мы видим ясные, простые и точные принципы народного и демократического правительства, тем дорогие народу (чей суверенитет сохранен во всей его полноте), что давали возможность понимать, принимать и почитать их лишь на основании здравого смысла и настоятельных потребностей свободы, не оставляя никакого шанса преступным намерениям его врагов.

Теперь, граждане, подчиненная необходимости получить подтверждение от суверена, конституция представлена к вашему одобрению, это народная конституция, которая обещает вам свободу, мир и полное об-

³⁷ Декрет Конвента об аресте 29 депутатов-жирондистов от 02.06.1793 г.

ладание вашими правами; читая ее, вы благословляете руку ее создателей. Вы сами сможете определить, находятся ли настоящие друзья порядка и закона среди тех, кто, постоянно называя своих противников дезорганизаторами и анархистами, старался при помощи раскола, проповедовавшегося в их речах, установить царство анархии и избежать царства законности. Или же среди тех, кто, стремясь к скорейшему завершению мучительной революции, дополнил провозглашение республики (чтобы оно не оказалось их напрасным действием) настоящей республиканской конституцией.

Именно в это время, когда тираны увидели вместе с завершением ваших раздоров конец своим надеждам, усилия их сторонников удвоились для борьбы с нарождающейся конституцией и для восстановления трона и поверженной тирании среди анархических беспорядков.

Избрав исходным тезисом несвободу Национального конвента, они сделали вывод, что народ немедленно должен вернуться к прямому применению суверенитета, что для этого необходимо создать народную комиссию общественного спасения, состоящую из членов различных властей, трибуналов и даже народных обществ.

Заговор, формировавшийся вокруг идеи несвободы Национального конвента, задуман для его роспуска в удобный момент распространения анархии и федерализма с тем, чтобы открыть границы Франции для иностранных тиранов, и предстает, наконец, перед нами в своем истинном свете. Французы, я разоблачаю перед вами людей, разделяющих эти идеи. Напрасно они говорят вам, что особое мнение не является преступлением. Всякое мнение, разрушающее единство и неделимость нашей святой Республики, всякое дезорганизирующее и анархистское мнение, нарушающее законы, есть мнение преступное, предательское и направленное против свободы. Как? Если мнение не может быть преступлением, то Марат, которого без конца представляли пугалом для народа, ассоциируя с ним всех друзей народа, был бы невинным. Мнения же Марата были использованы против него. Безусловно, всякий, кто думает, что убийства и грабеж хороши и полезны, всякий, кто пытается поощрять своими речами убийц и разбойников, порождает преступное мнение и достоин смертной казни. Но рассмотрим мнение тех людей, которые считали, что предложения по уничтожению национального представительства, по созданию ужасных и тиранических властей, по поощрению беспорядка, анархии и гражданской войны не есть преступление, потому что оно является мнением. Утверждение столь же смехотворно странное и абсурдное, как возмутительное и ужасное!

Конвент, говорят они, *несвободен в Париже*. От момента казни короля так говорили те, кто пытался представить его казнь как следствие порабощения Сената, судившего его. Так говорили те, кто стремился организовать силы департаментов для дезорганизации единства республики. Так, в конечном случае, говорил Дюмурье и продолжают говорить те, кто после выражения сожалений по поводу его трусливого и преступного бегства, надеялись осуществить тот самый проект, который он сам не смог привести в исполнение. Говорить, что Национальный конвент несвободен в Париже, означает гнусно клеветать на Конвент и сам Париж. Представители народа, якобы, были достаточно трусливы, чтобы выйти из *повелевающего и разбойничьего* города, стремящегося либо их поработить, либо похоронить под своими обломками. Они были трусливы, они были порабощены своим страхом, они предали своих доверителей для того, чтобы обмануть их и лгать целой Франции в торжественном заявлении, утверждая, что они были свободны и что Париж заслуживает республики. Вы, кто таким образом оговаривает представителей, облаченных доверием великого народа, вы плохо их знаете, вы недостойны состоять в членах национального представительства, так как вы не имеете главных республиканских добродетелей. Вспомните то знаменитое заседание, когда Конвент, которому угрожали люди, подобно вам оклеветавшие народ, вышел в полном составе из зала заседаний и вернулся туда под благословения и аплодисменты граждан, убедившихся в том, что он свободен, что уважение, доверие и любовь пребывают в нем.

Национальное собрание, как утверждают аристократы, начиная с 10 августа, также не было свободно, приостанавливая власть короля. В сегодняшних обстоятельствах происходит то же. Слышались многочисленные голоса с просьбой о лишении прав Людовика, а Людовик оставался безнаказанным на троне. Его дерзость росла вместе с его безнаказанностью. Народ восстал и потребовал справедливости. Национальное собрание ответило на требование народа и спасло родину. Разве Франция выразила несогласие с Парижем? Конечно, подозрения долгое время висели над головами тех членов Конвента, которые называли себя патриотами и проявляли себя не столько в делах, сколько в речах. Конвент оставался некоторое время в нерешительности и неуверенности. Ободренная задержкой в исполнении наказания, которому она подверглась, комиссия двенадцати³⁸ злоупотребила вверенной ей властью

³⁸ Комиссия, задача которой заключалась в поиске компромисса между монтаньярами и

для совершения произвола и для провоцирования справедливого гнева народа. Национальный конвент, наконец, принял решение и восстановил справедливость.

Раздаются жалобы, что национальное представительство лишилось единства. Услышал ли Париж, предупрежденный о серьезных подозрениях, эти жалобы во время ареста [герцога] Орлеанского? Если они объявлены виновными, они будут наказаны, а их места займут их заместители. Если их признают невиновными, они вернутся на свои посты; национальное же представительство всегда будет единым, так как оно состоит не из отдельных изолированных элементов, представляющих тот или иной департамент, а из массы представителей французского народа. Те многочисленные комиссары, которые находятся в составе Конвента и уполномочены им для посещения департаментов и армий, во время своего отсутствия не разрушают единства национального представительства <...>

Не предстали ли, наконец, многие члены [Конвента] перед трибуналами; не забрезжил ли свет истины и не доставляют ли вам с каждым курьером новые факты, подтверждающие декрет об аресте³⁹? <...> Поведение одного только департамента Жиронда показывает, до какой степени его депутаты преуспели в работе с общественным мнением и разрушили тот охранительный принцип республиканского единства, который состоит в том, что депутат принадлежит не департаменту, а всей республике. Уже были изданы пять декретов об аресте, и члены [Конвента] предстали перед революционным трибуналом. Справедливость устанавливает свое торжество неторопливо, но она настигает виновных. Истина обнаруживается под сенью собранных вместе фактов и доказательств; она выходит затем в свет, чтобы поразить ложь и разоблачить преступления.

Я уже говорил о декретированном Национальным конвентом аресте 32 представителей народа и с точки зрения причин, и с точки зрения последствий, я даже представил детали относительно некоторых членов [Конвента], подтверждающие справедливость обвинений против них. Я доказал, насколько гнусными и ложными были обвинения против Нацио-

жирондистами и в расследовании деятельности Парижской коммуны (агитации против Конвента), была создана 20 мая 1793 г. Поскольку она состояла исключительно из депутатов-жирондистов, ее деятельность привела к накалу ситуации в Париже, и в итоге комиссия была распущена 31 мая 1793 г.

³⁹ Декрет Конвента об аресте 29 депутатов-жирондистов от 02.06.1793 г.

нального конвента, состоявшие в подчинении его воле народа Парижа, и против народа Парижа, состоявшие в желании подчинить себе Национальный конвент. Как будто бы представители народа, провозгласившие республику, отомстившие за преступления тирана и беды тирании, принявшие народную конституцию, являющуюся залогом счастья, не были достойны уважения и доверия, которыми они, как никогда, должны быть окружены. Как будто бы парижане, люди 14 июля и 10 августа, вместе с нами провозгласившие единую и неделимую республику, вместе с нами готовые разделить победу или принять смерть, защищая свободу, не были достойны нашей любви, наших братских чувств, а были только отвратительными убийцами гибнущего национального представительства <...>

От вас зависит решение о том, как отнестись к змеям, раздирающим изнутри республиканское общество, в лоне которого они находятся; к извращенным существам, открыто проповедовавшим антиреволюционные принципы, среди которых – роспуск оклеветанного и униженного ими Национального конвента, создание инквизиторской комиссии, наводившей ужас при Старом порядке⁴⁰; к тем, кто нарушил клятву верности единой и неделимой республике; к тем, кто из всех сил старался предать родину и служить тиранам, кто громко и беззастенчиво требовал возвращения деспотизма и отмены всех личных и общественных свобод; к тем, кто остался в наших стенах, тогда как их долг и опасность, угрожавшая родине, призывала их на фронт, но, как оказалось, лишь для того, чтобы сеять дезорганизацию и беспорядок, клеветать на патриотов, вплоть до представителей Французской республики.

Что касается меня, то я говорил здесь как республиканец, который видит только принципы и руководствуется общими интересами родины, отбрасывая частные мнения и личные заботы. Я холодно и беспристрастно проанализировал проекты наших врагов и результаты этих преступных проектов. Я мог бы привести сюда искренне заблуждающихся людей и рассказать им о тех, кто сбил их с пути и прятался под маской самозванца. Сорвать эту маску и рассеять заблуждения некоторых моих соотечественников – такова была моя цель, которой я, может быть, достиг.

Сегодня, благодаря твердости Национального конвента, благодаря Комитету общественного спасения, удерживающих Францию на краю

⁴⁰ *Старый порядок (также Старый режим) – политический и социально-экономический режим, существовавший во Франции приблизительно с рубежа XVI–XVII вв. до Французской революции.*

пропасти, благодаря представителям народа, рассеивавшим в департаментах ложные настроения, надежды федералистов рассеиваются. Заговоры этих анархистов, этих дезорганизаторов, которые, чтобы лучше замаскироваться, дали нам то прозвище, которого сами заслуживают, эти заговоры разоблачены, конституция принята, республика торжествует.

Граждане в департаментах и на фронтах объединяются вокруг Конвента, вокруг закона; и эта внушительная масса великого народа, имеющего лишь одно чувство, лишь одно желание, подтверждает, что все заговоры тиранов не смогут противостоять священному и единому собранию 25 миллионов свободных людей.

Единственная идея еще обнадеживает наших врагов, всегда готовых обмануть самих себя, всегда жадных реализовать в бесполезных видениях своего воображения химерические иллюзии своих желаний; им остается единственная надежда: что народ в первичных собраниях отвергнет новую конституцию, что корабль Франции, долгое время носимый от одной бури к другой и готовый, наконец, войти в порт, снова будет унесен в революционное море в объятия тех же опасностей, которые уже столько раз чуть было не проглотили его.

Граждане, прочтем же даже в устремлениях аристократии, каким должно быть наше поведение; зададимся целью принять предложенную нам конституцию: пусть она станет центром нашего единения, пусть она станет нашим светочем, перед которым исчезают и монстр анархии, и призрак королевской власти. Что только ни сделали представители народа для того, чтобы она была хороша? Одни были отправлены в департаменты, чтобы предупредить заговоры подозрительных людей; другие сами были объявлены подозрительными. Давайте же судить людей, давших нам конституцию, по той работе, которую они нам представили. Что толку от наших подозрений, вызванных поведением и действиями их врагов, если законы, принятые ими, убеждают нас в необоснованности подозрений и ложности обвинений? Что за важность, даже если конституция и имеет некоторые изъяны в деталях, и отдельные пятна закрывают ее сияние, если в ее основе лежат свобода и равенство, единая и неделимая республика; если она сама дает нам возможность к законному и мирному исправлению тех статей, которые нам показались бы опасными в применении? Сегодня нам нужны законы и конституция: общие законы, гарантирующие собственность, предупреждающие злоупотребления от исключительных прав, спасающие от деспотизма частичных мер; конституция, охраняющая наши права, объединяющая нас под зна-

менем единства, против которой бессильны будут притупившиеся выпад-ды тирании.

Эти истины находятся в сердце каждого настоящего друга порядка и законов; только анархисты могут желать их искажения. Нам необходимо распространять эти истины, просвещать наших сограждан, утвердиться в едином мнении, в едином чувстве и объединиться в тесный круг, чтобы спасти нашу общую родину <...>

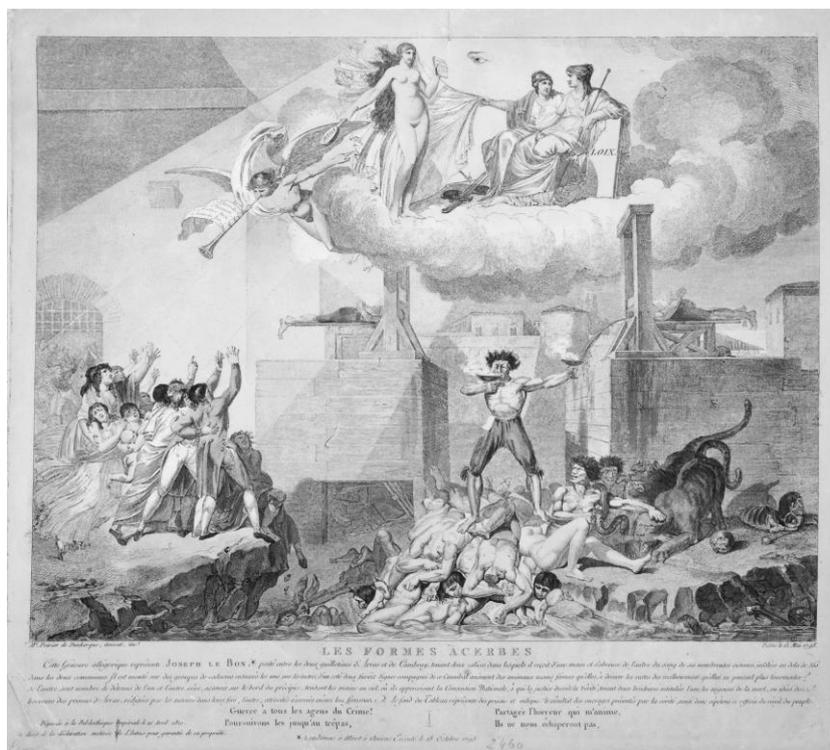
Типографский текст, подлинник.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.218. Л.1-13.

Прощание Людовика (Louis Capet) с семьей в Тампле (Temple). Грав. Верите (Verité) по рис. Буйона (Bouillon). Конец XVIII в. Бумага, офорт раскрашенный (РГАСПИ. Ф.654. КП 34311. ГР 20927)

«БЕСЫ», «ИГРОКИ» И «МЕЧТАТЕЛИ»...

Жестокие порядки. Аллегория. Рис. Пуарье де Дюнкерка (Poirier de Dunkerque). Конец XVIII в. Бумага, офорт раскрашенный (РГАСПИ. Ф.654. КП 4195. ГР 25582)

№2

**Обращение республиканцев города Тулузы
к представителям французского народа
(прочитано в Национальном конвенте 21 августа 1793 года)**

<...> В наших первичных собраниях мы видим только интриганов, бездельников, алчных торговцев, чиновников-федералистов, подозрительных людей, то есть всех наших жестоких врагов <...>

<...> Слишком долго патриоты получали удары, и в ответ гильотина уничтожала контрреволюционеров. Пусть же трибуналы получают свободу

действий. Пусть Антуанетта⁴¹, Ансельм⁴², Кюстин⁴³, Бриссо, все предатели, все агенты Питта⁴⁴ и Кобурга⁴⁵ будут осуждены и наказаны. Пусть восторжествует правосудие во имя народа, чтобы народ не был бы обязан прибегнуть к нему своими силами.

Но наказания мало. Надо предупреждать действия предателей. Но в каких социальных группах искать их? Среди бывших и дворян. Что ж! Пусть все бывшие и дворяне будут изгнаны с общественных должностей хотя бы на 10 лет. Необходимо служить общим интересам нации, состоящей из 25 миллионов человек, и не останавливаться перед несколькими частными исключениями <...>

Есть уже декрет⁴⁶, в соответствии с которым все подозрительные люди должны быть арестованы. Так пусть же этот декрет будет исполнен! Пусть в опасное для родины время эти люди будут заперты в одном надежном месте, двери которого окажутся под прицелом пушек, а зажатые над ними фитили докажут заложникам, что месть народа может быть ужасной, если коварство врагов вынудит его прибегнуть к крайним мерам.

Пришло время возродить правительство при помощи очищения нравов. Пусть же спектакли, организуемые деспотизмом с целью погасить огонь наших сердец, лишить нас мужества, сделать нас податливыми к рабству, пусть эти спектакли будут изъяты! Пусть вместо отвратительных образов навсегда разрушенного нами порядка они вдохновляют

⁴¹ *Мария-Антуанетта*, урожденная Мария Антония Йозефа Иоганна Габсбург-Лотарингская (1755–1793), супруга короля Франции Людовика XVI с 1770 г. Была осуждена Конвентом и казнена на гильотине.

⁴² *Жак Бернар Ансельм* (Anselme), 1740–1814, военачальник революционных войск, обвиненный (декабрь 1792) в разбое и грабежах.

⁴³ *Адам Филипп Кюстин* (Custine), 1740–1793, военачальник революционных войск, выступавший за введение во Франции военной диктатуры.

⁴⁴ *Уильям Питт Младший* (William Pitt), 1759–1806, премьер-министр Великобритании в 1783–1801 и 1804–1806 гг.

⁴⁵ *Фредерик Жозиа, герцог Саксен-Кобургский* (1737–1815), главнокомандующий австрийской армии, действовавшей против революционной Франции. Вместе с именем Питта его имя стало нарицательным для первой антифранцузской коалиции.

⁴⁶ Имеется в виду декрет от 29.11.1791 г. об объявлении подозрительными священников, отказавшихся приносить клятву на верность конституции и гражданскую присягу. 17.09.1793 г. был принят закон о подозрительных, дававший этому термину столь широкое определение, что именно с этой даты велся отсчет эпохи Террора.

народ примерами действенных республиканских добродетелей; пусть они служат прославлению наших военных побед или возвышенных деяний, почерпнутых из анналов древних республик <...>

Мы просим, чтобы в каждом городе Народные общества, заслужившие должное доверие со стороны Конвента и необходимые им в эпоху революции властные полномочия, работали бы для спасения родины, брошенной на произвол судьбы; чтобы они применили свою власть для переписи и учета населения. Пусть они обратятся к тем, кто, не имея никаких причин к отказу выступить против врагов, все еще остается в кругу семьи: Выходите! Родина зовет вас. Родина имеет право спрашивать со всех своих детей отчета о полезности их жизни общему благу. Все для нее одинаково дороги; но равно все без исключения должны подниматься на ее защиту <...>

Типографский текст, подлинник.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.164. Л.1–3.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.317. Оп.1.
2. Бовыкин Д.Ю. Революционный террор во Франции XVIII в.: новейшие интерпретации // Вопросы истории. 2002. №6. С.144–149.
3. Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794. М.: Изд-во УРСС, 2003. 320 с.
4. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. А.Д.Хаятина и В.С.Алексеева-Попова. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 416 с.
5. Черняк Е.Б. 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой французской революции // Французский ежегодник 1987. 200 лет Великой французской революции. М.: Наука, 1989. С.240–277.
6. Якобинство в исторических итогах Великой французской революции. Материалы «круглого стола» // Новая и новейшая история. 1996. №5. С.73–99.
7. Baecque A., de. Approviser une histoire déchaînée. Dix ans de travaux historiques sur la Terreur (1992–2002) // Annales. Histoire Sciences Sociales. 2002. An.57. N4. P.851–865.

(Окончание следует)

Наши авторы

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАН,
лауреат Государственной премии СССР, главный научный
сотрудник Института всеобщей истории РАН

Максимычев Игорь Федорович

доктор политических наук, посланник в отставке,
главный научный сотрудник Института Европы РАН

Асташов Александр Борисович

кандидат исторических наук, доцент РГГУ

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, докторант, научный сотрудник
Отдела истории Европы XVIII – XIX веков Института всеобщей
истории РАН

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра проблем
Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России

Медведев Жорес Александрович

кандидат биологических наук, биохимик-геронтолог,
почетный член Биохимического общества, член Американского
геронтологического общества, историк, публицист

Мягкова Елена Михайловна

кандидат исторических наук, заместитель начальника
Отдела обеспечения сохранности документов РГАСПИ

Our authors

Mal'kov Victor Leonidovich

D.Sci., historian, Professor, Merited Scholar of the Russian Federation, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, USSR State Prize Winner, Chief Scholar of the Institute of the World History, Russian Academy of Sciences

Maksimychev Igor' Phedorovich

D.Sci. in political sciences, Minister extraordinary and plenipotentiary (ret.), the Chief researcher of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Astashov Aleksander Borisovich

Ph.D. in history, assistant Professor, Russian State University for Humanities

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D., Postdoctoral Fellow, Senior Researcher at Department of the European History in XVIII – XIX centuries of the Institute of Universal History of Russian Academy of Sciences

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems and Regional Security, Professor of Moscow State Institute of International Relations–University

Medvedev Zhores Aleksandrovich

Ph.D. in biology, biochemist-gerontologist, the honorary member of the Biochemical Society and of the American Gerontological Society, historian, publicist

Myagkova Elena Mikhaylovna

Ph.D., historian, Deputy Head of the Department for Safety Documents, Russian State Archive of Social and Political History

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
(подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12
e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ:

Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
сайт www.hamlet.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2016.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 18.10.2016. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,25 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яколева, 13.

5.2016 september-october

Geopolitics and International Policy Issues

Victor Mal'kov

Atomic Weapons as a Detonator of the Cold War.
Two Projections _____ **6**

Igor' Maksimychev

On the Eve of the Berlin Wall's Downfall. Pages
from the Diary 1989–1992 (the end) _____ **38**

The Faces of Catastrophe

Aleksander Astashov

Military Crimes as a Factor of the Crimilization
during World War I _____ **62**

Labels and Myths

Mikhail Kovalev

Twists of Fate: Professor A.V.Florovski and his
Soviet Colleagues (the continuation) _____ **84**

Pages of History

Vladimir Degoev

Peter the Great's Diplomacy
at the Final Stage of Russo-Turkish
War of 1686–1700. Part V _____ **110**

Zhores Medvedev

Perestroika to the Ground
(the continuation) _____ **142**

Topical Archive

Elena Myagkova

“Demons”, “Gamblers”
and “Dreamers” or How
a Person Becomes a Revolutionary.
Part V _____ **168**

РОССИЯ XXI